

АЛЬМАНАХ ПОЭЗИЯ

56 • 1990

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Поэзия. Л. Смирнов, Г. Горбовский, В. Казанцев, В. Гордейчев, В. Дронников, Вагиф Самедоглу, А. Дидулов, А. Щуплов, Е. Витковский, а также стихи участников Великой Отечественной войны и стихи участников IX Всесоюзного совещания молодых писателей.

Публикации. Н. Бурова, А. Солодовников.

Мастерская. В. Казанцев, А. Межиров (о поэзии Е. Евтушенко), Я. Козловский, И. Бродский, Ю. Кублановский.

Статьи. А. В. Михайлов «Памяти старого переводчика» (Н. А. Холодковский).

Философские беседы. С. Н. Булгаков.

Зарубежная поэзия. А. Шенье, Дж. Оруэлл, Р. Киплинг.

Юмор. А. Иванов, А. Матюшкин-Герке, А. Егоров, Г. Медведевский, А. Мурай, Н. Карпов, Е. Ушан, Е. Самоварщиков. Пародии, эпиграммы, ироническая поэзия.

56

АЛЬМАНАХ

ПОЭЗИЯ

1990

ББК 84(0)6
П 67

РЕДАКТОР Николай СТАРШИНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Зайцев Г. В., Куняев С. Ю., Олейник Б. И.,
Осетров Е. И., Старшинов Н. К., Фокина О. А.

П 470100000—225 187—90
078(02)—90

© ИПО
«Молодая
гвардия»,
1990 г.

АЛЬМАНАХ
ПОЭЗИЯ
56 • 1990

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

Содержание

ВСЕГДА В ПУТИ

Стихи участников Великой Отечественной войны

Петр Афанасьев	6
Роман Богомил	6
Орест Высотский	7
Борис Голубев	9
Анатолий Головков	10
Николай Зусик	10
Ираиль Исьемин	11
Борис Крехов	12
Иван Лапшин	12
Федор Мамченко	14
Константин Мартовский	15
Анатолий Мимоскин	16
Самуил Мороз	16
Николай Новиков	17
Александр Пахомов	18
Леонид Рабичев	19
Владимир Рудим	20
Анатолий Свиридов	21
Владимир Семенов	22
Дмитрий Смирнов	23
Александр Соболев	24
Борис Тедерс	25
Николай Теличко	27
Михаил Тимошечкин	27
Роман Трофимов	29
Татьяна Ульянова	29
Михаил Ульянов	30
Александр Филипчук	31
Юрий Цедилин	32
Михаил Чеботаев	33

МАСТЕРСКАЯ

Василий Казанцев. Сначала ответы на записки	35
Александр Межиров. О поэзии Евгения Евтушенко	39

ВСЕГДА В ПУТИ

Лев Смирнов	43
Владимир Гордейчев	46
Глеб Горбовский	50
Вагиф Самедоглу	54
Виктор Дронников	56

Ольга Гречко	57
Алексей Дидуров	59
Александр Щуплов	62
Олег Игнатъев	66
Евгений Витковский	68
Александр Карпенко	71

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Николай Старшинов. Поэт Наталья Бурова	74
Наталья Бурова	75

МАСТЕРСКАЯ

Яков Козловский. Подражание Батыраю	79
Татьяна Кузовлева	82
Владимир Чиби́сов	83

СТАТЬИ

А. В. Михайлов. Памяти старого переводчика (Н. А. Холодковский)	86
---	----

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Евгений Данилов. Об Александре Солодовникове — поэте и человеке	92
Александр Солодовников	96
Николай Соколов. Воспоминания над могилой поэта	101

IX ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Грант Александян	105
Александр Андрюхин	106
Сали Арчаков	107
Модрис Аузиньш	107
Любовь Берзина	109
Любовь Бессонова	110
Наталья Богатова	111
Владимир Богатырь	112
Наталья Болотина	114
Дмитрий Быков	115

Замир Валиев	118
Федор Васильев	118
Григорий Вихров	119
Марина Георгадзе	120
Сергей Гловюк	122
Артур Доля	123
Александр Дорин	124
Алексей Дьяченко	124
Иван Дуда	125
Ирина Ермакова	126
Людмила Ефремова	127
Ольга Иванова	128
Равиль Измайлов	130
Лариса Изюмченко	132
Елена Исаева	133
Инна Кабыш	134
Леонид Калганов	135
Евгений Каминский	136
Сергей Касьянов	137
Арсений Конецкий	139
Владимир Коробов	140
Елена Крюкова	141
Дмитрий Крюков	143
Виктор Куллэ	144
Любовь Льдова	145
Виктор Ляпин	146
Александр Машкара	147
Григорий Марговский	148
Светлана Матлина	149
Владимир Меньшиков	150
Елена Московцева	151
Елена Наумова	153
Андрей Новиков	154
Ирина Ожеховская	156
Евгений Перемышлев	158
Андрей Пчелкин	158
Виталий Пуханов	159
Мария Руденко	160
Леонид Сафронов	162
Павел Сергеев	163
Юлия Скородумова	165
Ирина Слепая	167
Татьяна Соколова	167
Сергей Строкань	168
Светлана Сырнева	169
Антон Уержаа	171
Сергей Ухов	172
Михаил Федосеенков	172
Анатолий Цветаев	173

Надежда Цветкова	174
Анатолий Чесноков	175
Светлана Чулкова	176
Владимир Шемшученко	178
Олег Шипов	179
Хисматулла Юлдашев	179

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

«Бессильно зло; мы вечны; с нами бог!» (О протоиерее о. Сергии Булгакове)	181
С. Н. Булгаков. Без плана	184

МАСТЕРСКАЯ

Иосиф Бродский	201
Юрий Кублановский	203

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗИИ

Е. Гречаная. Андре Шенье	208
Андре Шенье	211
Джордж Оруэлл. Редьярд Киплинг	215
Редьярд Киплинг	226
А. Зверев	229

ПАРНАС, ПЕГАС И КОЕ-ЧТО ПРО НАС...

Породи

Александр Иванов	232
Александр Матюшкин-Герке	233
Александр Егоров	234
Григорий Медведовский	235
Андрей Мурай	236

Ироническая поэзия

Евгений Ушан	236
Николай Карпов	237
Ефим Самоварщиков	238

ВСЕГДА В ПУТИ

СТИХИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ!

ПЕТР АФАНАСЬЕВ

Родился в 1926 году. В декабре 1941 года, в эвакуации, начал трудовую деятельность. В 1943-м был призван в армию. Принимал участие в составе 133-го полка 72-й стрелковой дивизии в боях на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах, в освобождении Эстонии, Польши и при захвате плацдарма на левом берегу реки Одер, где был тяжело ранен.

Стихи публиковались в местных газетах, в журнале «Эльбрус» и в альманахе «Поэзия».

* * *

Все дальше уходят военные годы.
Все меньше встречаешь друзей боевых,
С кем мерзли в окопах, ходили в походы,
Сражались в атаках за счастье живых.
Все чаще на память приходят картины:
Пылают селенья, горят города,
А трубы остались, и город — в руинах.
Такое нельзя позабыть никогда.

РОМАН БОГОМИЛ

Родился в 1918 году. Участник Великой Отечественной войны. Служил в авиации. Работал учителем.
Живет в Климовске Московской области.

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

«Наваждение мое...

Утешенье мое...»

Перед боем он занят гранатами,

А в глазах предстает

Дорогое... свое...

«Вот родная моя, да с ребятами...

Вот дочурки к жене...

Вот сынишки тесней...

Прилепились... заслушались сказкою...

Вот я сам у окна...»

Вдруг кричит старшина:

Так всегда, перед каждой атакою!

Невпопад, наугад
Разорвался снаряд.
Помешал поводитья с ребятами.
«Да уж ладно, потом
Сказки все перечтем...»
Бой штыками идет и гранатами!
Что-то острое в грудь
Подоспело кольнуть...
Что-то липкое в горле... под каскою...
Потекло... Запекло...
Вот и время пришло,
Чтоб навеки... заслушаться сказкою...

Над солдатом трава.
Над травой синева.
В синеве светит солнышко с ласкою.
У зеленых раки
Спит солдат себе, спит,
А душа там, где дети со сказкою...

ПОБЕДА

В тот час улыбалось нам солнце в зените,
Великое солнце победного Мая,
А он все кричал, все просил: — Пристрелите!..—
Руками кишки к животу прижимая...

В тот день, когда все мы прорвались к Победе,
Последний осколок врубился в солдата.
И он все просил: — Ну, да что ж вы?.. Добейте!..—
А смерть и не просят — безглазая рядом...

Как жадно смотрел он на майское солнце
Большими, как мир, голубыми глазами...
Друзья, сослуживцы, уж если придется,
Не надо об этом рассказывать маме...

Скажите: прошел он и бури, и грозы,
Скажите: пронес он и муки, и беды.
И пусть не мешают горючие слезы
И ей улыбнуться у знамя Победы.

ОРЕСТ ВЫСОТСКИЙ

Родился в 1913 году в Москве. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию, 25 лет проработал в лесном хозяйстве и лесной промышленности, кандидат экономических наук, преподавал в вузе, доцент. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1938—1939 годах в Ленинграде находился под следствием по 58-й статье, оправдан уголовной коллегией Леноблсуда. Сейчас на пенсии.

Публикации: брошюры по экономике, статьи в журналах («Лесная промышленность», «Деревообработы-

вающая промышленность», «Кодры», «Коммунисты Молдавии»]. Статья «Мой отец — Николай Гумилев» в альманахе «Поэзия».

ПОСЛЕ БОЯ

Яркий день с жестокою
бомбежкой

На закате медленно погас,
Тонкий месяц выставляет рожки,
Все мы целы, живы. В добрый
час!

Сняв шинели, шапки и пилотки,
В хате мы уселись у стола,
Старшина привез сегодня водки —
Выпьем же за славные дела.

К ночи затихает канонада,
Робкая выходит тишина.
За победу под Кировоградом
Выпьем стопку полную до дна!..

Хмель слегка развеселил Крылова,
Красны стали Трунина глаза...

Завтра в бой мы все поедem снова,
Все ли возвратимся, как сказать?

Может быть, кого оставим в поле,
Ведь война — такое ремесло,
Только здесь нам весело и

вольно,—
Жив сегодня — значит, повезло.

Тот же, кто домой придет с
победой,

Вспоминая ратные дела,
Пусть припомнит шутки и беседы
После боя.

В хате.
У стола...

Декабрь 43-го
с. Новгородка

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

У палатки медсанбата
На пологом берегу
Бинт в крови, обрывки ваты
На затоптанном снегу.

Под ветвями старой ели
Уложили мертвых в ряд,
Из-под стареньких шинелей
Ноги голые торчат.

ГРАДЕЖСК

Ветер носится со свистом
И качает, как со зла,
Двух повешенных фашистов
Грязно-желтые тела.

Поднимает тучи пыли,
Рвет с пожарища золу.
Здесь недавно немцы были:
Танк подбитый на углу.

Вместо школы — только щебень.
Весь забор в щелях от пуль.

И на них, лежащих рядом,
Для которых кончен срок,
От ударов канонады
С веток сыплется снежок.

Их заруют в братской яме
В заболоченном лесу.
Но их подвиг будет с нами,
Но их подвиг, точно знамя,
До победы донесут.

Февраль 43-го

И плывет высоко в небе
«Рама», то есть «фокке-вульф».

Бьют зенитки, грохот взрыва
Раскатился на лугу
И на глинистом обрыве
Точно замер на бегу.

А с извилистой тропинки
Дали синие видны...

Вот: знакомые картинки,
Будни скучные войны.

Октябрь 43-го

ЗДЕСЬ ВОЙНА

Всюду угли да зола —
Городок спален дотла,
Вместо школы только щепень,
И висит высоко в небе
Узким серпиком луна.

Здесь
война...

Улиц спутанный клубок —
Страшен мертвый городок,
Волком землю лижет ветер,
Плачут маленькие дети,
Холод. Хата сожжена —

здесь
война...

Октябрь 43-го

БАЛТА

...Помню Балту: дождик капал
скупо.
Танки шли по грязи и воде...
В сквере, на траве лежали трупы
Немцами расстрелянных людей.

Человек закрыл лицо руками,
Видя смерть в глаза в последний
миг.

Девочка заколота штыками,
С головой проломленной старик...

Страшен сладковатый трупный
запах,
А они могли бы жить и жить!
И мы шли стремительно на запад,
Чтоб врага догнать и отомстить.

Май 44-го

БОРИС ГОЛУБЕВ

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор трех поэтических сборников: «Знакомство», «Всходы», «Поиску».

ГЛУБИНА ЛЕСА

Страшась прямой, грохочущей
дороги,
Тропинка ловко прячется в кусты.
Вверху стрекочут кумушки-сороки,
В зарю из хвои опутив хвосты.
Спят березы мягко, что
рассветы.
Каким прозрачным нынче будет
день!
И рослых сосен круглые береты
Бросают вниз узорчатую тень.
Ромашка плачет.
Налицо улики —
Покрыты влагой искристой глаза.

А яркий блеск созревшей
костяники
Обсыпал пожню щедро,
Как роса.
Хитро тропинка огибает кочки...
Войти в кипрей?..
Но папоротник мил...
Лежит лужайка, будто днище
бочки.
Рассвет ее росой окропил.
Идешь, идешь —
Ни шороха, ни шума.
Ольха взвилась.
Малинник взял разбег.
Лес просветлен, как вековая дума.
Не о тебе ли дума, человек!

УЙДЕТ ПОЕЗД

Уйдет и этот поезд.
И с перрона
Шагну я молча,
будто в полусне.

Дрожащий свет последнего вагона
Звездой летучей пропадет во
мгле.
Уедут незнакомые мне лица,
Которых больше не увижу я.
Возьмут с собой горячую частицу

И все же
Мужества хватило
На то, чтоб снова силой стать.
И сила эта сокрушила
Фашизма
Яростную рать.

* * *

Не пыли, полынь густая,
Горькой горечью не вей.
У меня судьба незлая
Даже в тягости своей,

Даже потом залитая,
Тем, что лился на войне,
Даже — кровью... Нет, иная
И не снилась просто мне.

Невеселая? Похоже...
Неудачливая? Что ж...

Я жил при культе в дни былые...
Но суть не в том,
Что жил да был,
А в том,
Что в гиблый час России
Я не ему, а ей служил.

До седин с такою дожил,
Значит, я-то был ей гожд.

Не петляй, дорога, круто,
Над тесниной не теснись —
В жизни лишняя минута
Это тоже, знаешь, жизнь...

На земле, донельзя близкой,
Той, что нам — родная мать,
Ради жизни, а не риска,
Лишь и стоит рисковать.

ИРАИЛЬ ИСЬЕМИН

Родился в 1925 году в Москве. Работал учителем. Во время войны был призван в армию, служил в запасном полку, по состоянию здоровья переведен на военный завод. После войны был демобилизован и поступил в педагогический институт.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Когда мы в первый день войны
Путь измеряли до Берлина,
Не знали мы и вполовину
Его доподлинной длины.

Мальчишки, карту раздобыв,
Мы рассуждали, как стратеги,
Про штурмы, конные набеги
И про Брусилковский прорыв.

Но шел лишь первый день войне,
По радио гремели марши,
И так хотелось нам быть старше —
Не как обычно, а вдвойне.

Еще не знали мы тогда,
Какие сводки мы услышим,

Как зажигалки бьют по крышам,
Как отдаются города;

Не знали, как обратно брать
Придется их — какой ценою,
И что на нас на всех войною
Уже наложена печать.

Все впереди: пожаров гарь,
И взрыв фугаски-полутонки,
И новым словом «похоронки»
Еще не награжден словарь.

Войне всего лишь день один,
Но мы ошиблись только в сроке,
Когда чертили, как пророки,
На карте стрелки на Берлин.

9 МАЯ 1945 ГОДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Вокруг Пожарского и Минина
Крутился шумный хоровод,
Ремесленник в шинели чиненой
Частушкой веселил народ.

А у Василия Блаженного
Гармони спорили навзрыд,
И про геройские сражения
Кричал безногий инвалид.

Затаились твои поплавки.
Скрежетали крестовые танки
На поляне у белых берез,
А сейчас на осевшей землянке
Землянику ты к чаю берешь.
Сколько ж было в траве этих ягод!
Но в душе дотлевал уголек:
Рухну я, и друзья здесь полягут...
Но так вышло — не рухнул, не лег.
Не избранник господний, не лучший,
Без единой царапинки, цел,—
Просто случай, счастливейший случай,
Что не ты угодил под прицел.
Что же счастье, коль это не счастье? —
С громом, с танками, с «так их растак»,
Со своей, лишь название, «частью»
Ты ворвался в горящий рейхстаг.
Не солги же ни словом, ни жестом,
Даже в мыслях душой не криви
Перед братской звездой из жести —
Все здесь свято.

Тут все на крови!

* * *

Не тянусь ни к силку, ни к патрону.
Вон зайчишка рванулся по льну...
Да не трусь, я тебя и не трону.
Плавай, гусь,— и в тебя не пальну.
Уходя, отбивая в потемки,
Не сведу ни лису, ни бобра —
Пусть потом не пеняют потомки,
Будто прадед их дом обобрал.
Мы подчас забываем, радея
(Выгребай, а потом — хоть потоп!)
Как печалются рощи, редея,
И слезами исходит поток!
Коль не бога, так совесть побойся,—
Добывая и золото,

и медь,

Научились мы брать, как побольше,
Но беречь — надо пуще уметь.
Все впадает в бездонную Лету,
Пролетит, прогремит твой состав,
Но живешь не один на земле ты,—
Вслед идущему тоже оставь.
Яркой бабочке, серой скотинке,—
Чтоб и правнукам наших сынов
Улыбались не только с картинки
Простодушные лица слонов.

* * *

Экономить не было привычки —
Бесшабашной розовой порой
Дни свои я чиркал, будто спички,
На ветру не прикрывал полой.
Вроде ни конца и ни предела!
Выходя в дорогу поутру,
Ладно в дело, но ведь так, без дела
Сколько их сгорело на ветру!
Паводок...

Поденка...

А казалось...

Коротка жистишка, коротка!
Отплатилось,
отлилось,
сказалось —

Показалось дно у коробка.
Облетает роща...

Облетает...

Зори все туманней, холодней...
Как же мне теперь их не хватает,
Этих ярко вспыхивавших дней!
Как бы песнями ласкал я души,
Дня б себе пустого не простил!..
— Не свисти,— мне свищет ветер в уши,—
Ты б их снова по ветру пустил.

ФЕДОР МАМЧЕНКО

Добровольцем ушел на финский фронт, все 1418 дней Великой Отечественной войны — на фронте, командовал взводом, ротой, батальоном, был ранен. Сейчас — пенсионер. Живет в Подмоскowie.

* * *

Все реже военные даты
Врываются в память страны,
Все тише
Седые солдаты
Поют о печалях войны.

О давних победных дорогах
Все проще теперь говорят...
Осталось не так уж и много
Израненных
Русских солдат.

А те,
Что пожар загасили
И смертно устали в свой час,
Со всех пьедесталов
России
С надеждою
Смотрят
На нас.

Как только что
Степлили губы,
Прервали мужской разговор
И ждут,
Когда медные трубы

Сыграют
Зажизненный сбор.

Когда с отболевшею раной
Замкнет

Миллионный их строй
Последним
Седым ветераном
Последний
Мальчишка связной...

КОНСТАНТИН МАРТОВСКИЙ

Участник Великой Отечественной войны. Живет и работает в городе Урене Горьковской области. Стихи печатались в журналах «Звезда» и «Нева», в альманахе «Поэзия».

ГВАРДЕЙСКИЙ БАТАЛЬОН

Через годы, что пали на плечи,
Вспоминаю черту за чертой
Я картину трагической встречи,
Поразившей своей простотой...
Пухлый снег на покинутых хатах.
Школьный сад сединой убелен.
В маскировочных белых халатах
Через хутор идет батальон.
На подбор в батальоне ребята —
Это ж гвардия. Мотострелки.
И хоть в бой их ведут, не куда-то,
Слышны шутки, подначки, смешки.

Улыбаюсь я шуткам соленым,
Тоже с шутками честь отдаю.
Да с таким боевым батальоном
Даже трус осмелеет в бою!
Громыхае вблизи канонада
Вперемежку с ружейной
стрельбой.

Где-то там, за деревьями сада,
На снегу разгорается бой.
Вот прошла, прошагала колонна,
Огибает заснеженный сад...
В этот день из всего батальона
Ни один не вернулся назад.

* * *

Походный мир плацкартного
вагона.
Еще с Москвой все мысли
сплетены,
Но скорый наш врывается с
разгона.
В степной простор донецкой
стороны.
Защитная посадка на увале.
Садочки, хаты, балки да ярки.

Здесь половцы когда-то кочевали,
Здесь Игорь вел бессмертные
полки.
Здесь, на забытой временем Каяле,
Совсем недавно, в огненные дни,
Упорно, насмерть русские стояли,
Не убоаясь вражеской брони.
Так как же можно, нехотя зевая,
На чемоданах шлепать в домино,
Когда весь день история живая
Потоком бьет в широкое окно?

* * *

Хотя бы звук, хотя бы гуд.
Ни тучки в небе голубом.
Но где-то, видно, сучья жгут:
Лиловый дым стоит столбом.
Немеет хвоя на сосне,

От истощенья чуть жива,
И непонятно, как во сне
Цветет у снега сон-трава.
Поникли крупные цветы.
Текут минуты, как года.
И жутко этой немоты,
И не ушел бы никуда.

АНАТОЛИЙ МИМОСКИН

Участник Великой Отечественной войны. Работал зоотехником. Сейчас пенсионер, ветеран труда, инвалид. Живет в Ставропольском крае.

ЖАЖДА

Я знаю, что такое жажда
И как рождается она.
По горлу рубанет однажды,
И сразу станет даль темна.

А ты, усталый и упрямый,
Все продолжаешь трудный путь,

Хоть пересохшими губами
Уже не в силах шевельнуть.

И вот ручей, холодный, чистый,
Привиделся в густой траве.
Другая жажда вспыхнет искрой
В больной, тяжелой голове.

Не та, что горестно, устало
Кричит осипшим горлом «пить»,
А та, что медленно вбирала
Все лучшее в себя, чтоб жить.

* * *

Прижмешь к груди краюху хлеба,
Согреешься теплом равнин
И долго, долго смотришь в небо
На острый журавлиный клин.

А журавли крыла пластают
У той земли, у тех полей,

Где журавлята вырастают
В больших и смелых журавлей.

Им улетать, наверно, трудно,
Под крыльями — своя земля,
Свои —

в росинках изумрудных,
В осеннем золоте поля.

САМУИЛ МОРОЗ

Родился в 1920 году, участник Великой Отечественной войны. Живет в Москве.

* * *

Как я любил тогда Москву,
Живя в заснеженной Сибири,
И о Москве в «Войне и мире»
С какой тоской читал главу!

Я и сейчас в нее влюблен,
В мою Москву; живя в столице,
Я редким счастьем наделен.
Но почему так часто снится

Сибирь заснеженная мне,
Ее безмолвие и ели —
В родной Москве, в своей постели
В неброском черно-белом сне?

Я вижу снова Ангару,
Проспект с брусчаткой
деревянной,
Я снова мерзну поутру:
Мороз и ветер окаянный.

И почему-то в эту даль
Меня все больше, больше тянет,
Как будто вновь зовут туда
Меня родные иркутяне.

Нет, он не стал моим — Иркутск:
В Москве живу, в Москве умру я,
Но помню запах, помню вкус
Его любви без поцелуя.

* * *

Пух летит с тополей,
Пух ложится на тротуары,
Пухлый мальчик снимает пушинки с лица.

На душе веселей,
И дома мне не кажутся стары,
И спокойно гляжу, не моргая, в глаза подлеца.

Пух летит с тополей,
Вместе с ним улетают обиды,
Небо ясно, на сердце, как в детстве, легко.

Ты меня не жалея.
Я вписался в московские виды.
Пух летит... Днем и ночью летит... Далеко...

* * *

Надоело читать о былом,
про злодейство, коварство,
интриги,
эти умные, грустные книги,
где добро побеждается злом.

А Россия, сумная с утра,
вновь спешит в корпуса заводские,
и по-прежнему судьбы людские
нам являют бессилье добра.

Апрель, 1988

НИКОЛАЙ НОВИКОВ

Родился в 1925 году в городе Люберцы Московской области. В 1940 году поступил в ремесленное училище. С 1943 года в армии. Воевал на Белорусском фронте, участвовал во взятии Инстербурга, Кенигсберга. При прорыве сильно укрепленной обороны под городом Пихау был тяжело ранен.

Стихи печатались в альманахах «Поэзия», «Подвиг», «Истоки», в журналах «Смена», «Пионер».

ЮНОСТЬ

Я вспомнить юность не могу.
Она жила во мне когда-то,
Как этот вяз на берегу,
Как отражение заката,

Как самый первый гром весны,
Как чудо-радуга над лесом.
Я бросил юность в пасть войны,
В зубастый частокол железа.

* * *

Не музыка падала с неба,
Возникшая утром не вдруг.
Ломоть испеченного хлеба
Коснулся натруженных рук.

Они, как и ветка полыни,
Исторгнутся горечью вдруг,
Они, как и песни, поныне
Живут, поднимая в нас дух.

Щепотка поваренной соли
Рассыпана густо на нем.
Не все мы вчерашние боли
В архив безвозмездно сдаем.

А мысли тревожит забота,
Как горькая память вины,
Ведь самая низкая нота
Во мне остается с войны.

ВОЙНА

Еще не знали накануне,
Еще не ведали о том,
Что самый светлый день июня
Вдруг станет самым черным днем.

Перелопаченные мысли
В мозгу роились невпопад,

Как будто над землей нависли
С коварством тучи — в тучах ад.

Война —
А нет ли тут обмана,
Мол, как же так?
Да почему?..
Но гневный голос Левитана
Был подтверждением тому.

АЛЕКСАНДР ПАХОМОВ

Родился в 1922 году в Бурятской АССР в селе Онохой. До войны учился в музыкальном училище. По комсомольской путевке поехал работать на Крайний Север — в порт Тикси. После войны работал на ЗИЛе в кузнечном и литейном цехах.

Стихи печатались в журналах «Байкал», «Москва», «Новый мир», в коллективных сборниках. Автор двух поэтических книг.

МАТЬ

Я бегу по заросшей тропинке,
И с травы я сбиваю росинки.
Эту радость в душе не унять.
Я приехал в родную Ильинку,
Где живет моя старая мать.

Не томит мое сердце истома.
Наконец-то у матери дома.
Я сижу на широкой скамье.
Все здесь дорого,

все мне знакомо,
Лишь отца не хватает в семье.

Свою жизнь не менял как монету.
Я тянулся к ветрам

и к рассвету
И ходил молодым по земле.
Где бы я ни скитался по свету,
Мать болела душой обо мне.

Забайкальские снежные вьюги
Заметали дороги в округе.
Приходилось мне жить без огня.
Материнские чуткие руки
Отводили беду от меня.

Шел я к ней через бури,
туманы.

Лишь она залечила мне раны.
Кто болел бы душой обо мне?

А когда в доме радость у мамы,
Я счастливым живу на земле.

Материнской любовью нас грела.
Свое сердце для нас не жалела,
Не смущаясь своей седины.
Не от дел

и забот поседела,
Поседела она от войны.

Для нее до сих пор —
мы все дети.
Ждет ночами и ждет на рассвете.
Долго, долго приходится ждать.
Никого нет дороже на свете,
Никого нет роднее, чем мать!

Мать моя, не скрывая тревогу,
Угощает меня понемногу.
Я, как в детстве,

сиджу у огня...
— Мать, я снова собрался в
дорогу.

Проводи до калитки меня.

По знакомой,
любимой тропинке
Снова я ухожу из Ильинки.
Мать в слезах у калитки одна.
И березка, роняя росинки,
Машет грустно мне вслед у окна.

ВЛАДИМИР РУДИМ

Родился в 1916 году в Александрии Кировоградской области. Учился в ИФЛИ. Воевал в составе 5-й ударной армии, боевое крещение получил под Сталинградом. Освобождал Донбасс, участник штурма имперской канцелярии в Берлине. Автор нескольких поэтических книг.

* * *

Продымлены порохом наши шинели,
Обмотки в дорожной пыли.
Сквозь вихри сражений, жару и метели
К тебе мы, Каховка, пришли.
Земля содрогалась, и пушки гремели,
Кровавилась в поле стерня.
Врага настигали разрывы шрапнели,
И танки, и смерчи огня.
Запомнят навек украинские дали
И синяя южная высь,
Как немцев мы били, как немцев мы гнали,
Как мы за Каховку дрались.
Днепровские плавни шумят камышами,
Встречай нас, родная река!
И плещутся в солнечном свете над нами
Знамен сталинградских шелка.

«Советский боец», 4 октября 1943 г.

КЛЮЧИ ОТ БЕРЛИНА

**Блокнот. 9 октября 1960 года
русские войска овладели Берлином.**

Над вольным Белградом, в предместьях Варшавы —
Повсюду, где битвы идут,
Как солнце Победы, как памятник славы,
Сверкает московский салют.

Пробились бойцы за Карпатские горы
Под шелком советских знамен.
Их подвигом доблестным был бы Суворов
Не раз и не два восхищен.

И вот наши танки — на прусских равнинах,
Над селами носится прах.
Напомним врагу, что ключи от Берлина
Находятся в наших руках!

Германия, октябрь 1944 г.

* * *

Осень. И у ног акаций
Ворох желтых ассигнаций.
Желто-лунных, ярко-красных
Прошумевших не напрасно.
Звонкий ворох, ты — как повесть
О таких, кто жил на совесть.
Щедр кузнец — отдал немало.
Благородного металла.
Верю в листьев первородство —

И металл и благородство.
Лист оранжев или ал —
Благородство и металл.
В золотой чеканке листьев
Лишь добро и бескорыстье, —
То, чего в пирах и буднях
Многие лишились люди.
...Я люблю, осенний ворох,
Твой горячий, вечный шорох,
Вечный плеск у ног акаций
Бескорыстных ассигнаций.

АНАТОЛИЙ СВИРИДОВ

Родился в 1918 году в городе Енакиево. Учился в школе-семилетке, а затем на вечернем рабфаке. Был призван на военную службу в погранчасти Военно-Морского Флота. Служил на границе в плавсоставе речного дивизиона. В 1943—1945 годах охранял границу озера Ханка, где и встретил войну в августе 45-го года. Был наводчиком-артиллеристом. А. Свиридов награжден многими медалями и орденом Отечественной войны 2-й степени. Демобилизовавшись, учился в вечерней школе, затем — в Автомеханическом институте. Работал в научно-исследовательских институтах.

Печатался в заводских многотиражках, газетах «Советский патриот», «Курортной газете», в журналах «Огонек», «Советский воин», «Молодая гвардия», в поэтических сборниках «День поэзии в Крыму», «Почему я пишу о войне».

ТИШИНА

Не болото в черной ряске
вижу я опять во сне:
...перед боем, перед встряской,
очень трудно в тишине!
Есть патроны в автомате,
и в гранате есть запал,
и друзья мои, солдаты,
с кем я мало воевал, —
напряженно ждут рассвета,
как бывало на войне:
...одинокая ракета
догорела в вышине!

В ШТОРМОВУЮ НОЧЬ

Месяц, словно рында,
а не слышен звон...
Налетает ветер
с четырех сторон.

Глянешь прямо —
тьма!

Ни зги...

Волчьи ямы.

Там враги!

Сотня метров.

Труден путь...

Дует ветер —

прямо в грудь!

Чуть блеснула чья-то каска.

Кто-то в ухо шепчет мне.

...Перед боем, перед встряской,
очень трудно в тишине.

Налетает ветер. Забурлил

простор...

Мы уходим ночью в боевой дозор.

Бортовая качка. Нынче не до сна:

разъярясь, дубасит по бортам

волна!

Набежали тучи,
месяц утонул...
Ходит до рассвета
пересвист и гул.
Ах, какая темень! Не видать ни
зги...
Где-то этой ночью прячутся враги?
Где их субмарина, на какой черте?
Ничего не видно в адской темноте!
Командир сурово

ГОРИТ ПИКЕТ...

Этот август, горячее лето,
неужели забылось о нем?
...У японцев горели пикеты,
аж до туч полыхали огнем!
Понимая врагов интересы,
упреждая удар на войне,—
Поработали наши пээсы *

с мостика глядит,
Знает, что акустик
на «шумы» сердит...
Выключат моторы — на волне
шальной —
будто опрокинут разом шар
земной!
Бортовая качка, людям не до сна,
разъярясь, дубасит по бортам
волна.

может даже, с нагрузкой втройне!
Небо в зареве — радует душу:
то расплата за годы без сна...
И десанты выходят на сушу,
и в боях отступает... война!
И письмо не дописано маме,
растерял я про нежность слова...
Что же брезжило там, за годами,
если память об этом жива?

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВ

Родился в г. Касимове Рязанской области в 1923 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор многих книг («Главная примета», «Облачные окраины», «Живая ограда», «Аннушка», «России моей сердцеви́на», «Высокие трибуны» и др.).

ФРАЗА

— За Родину я жизнь отдать
готов! —
Мне приходилось слышать
эту фразу.
Но —
Чтобы говорящий отдал жизнь? —

Нет, этого не видел я ни разу.
Мне приходилось видеть, как
солдат
Жизнь отдавал —
без колебаний, сразу.
Но —
Чтобы он ту фразу произнес? —
Нет, этого не слышал я ни разу.

ЖИЗНЬ

Как жестоко и властно
Нам диктует она:
Я — светла и прекрасна!
Я — крута и грозна!
Пусть правдив ты, но с ходу
Просквозит и вранье,

Чтоб — кому-то в угоду! —
Чуть подправить ее.
А она-то готова —
Столь оценки круты! —
Взять в бессмертие
Слово —
То, что вычеркнул ты.

---

* ПС — пограничное судно.

МНЕНИЯ

Горласта —
Боже правый! —
Тех спорщиков орда.
Я —
Левый или правый? —
Среди моих коллег-то,
Не думал никогда.
Есть горсточка плевел...
Упрек мне бросит
Некто:
— А ты, друг, поправел!

* * *

В светлом шелесте листьев,
Средь шума лесного,
Все мне чудится
Голос твой
Снова и снова.

Как певуча листва
На дубах, на осинках!
Он записан,
Твой голос,
На зеленых пластинках.

Но кто-то,
Полный гнева,
Иное говорит.
— Ой, загибаешь влево! —
Поставит мне на вид.

Не вижу,
В чем тут драма?
Найдя стезю свою,
Иду по жизни
Прямо,
Как некогда в бою.

Но сверху засквозила
Холодная просинь.
Ах, как рано,
Как скоро
Нагрянула осень!

Все медлительней кружится
В рощах,
Черных и голых,
Облетающий лист —
Замирающий голос.

ДМИТРИЙ СМИРНОВ

Родился в подмосковной деревне в 1917 году. Участвовал в Великой Отечественной войне, дошел до Кенигсберга. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор многих поэтических книг: «Звездный дождь», «Гномы», «Чайка отдыхает на войне», «Четыре песни Земли», «Избранные стихи» и др.

ЛИСТОПАД

Листопад, как снегопад,
Завалил дорожки.
Желудевый грянул град
Отзвуков бомбежки...
Показалось это мне,
Потому что память
Тем, что было на войне,
Норовит поранить,
Чтобы я не забывал
Давние сраженья.

Чтоб войны девятый вал
Снова в сердце вызывал
Ненависти жженье.
Ветер осени рванул
Листья, не жалея...
У меня же мышцы скул
Стали тяжелее.
Напряглись, как на войне
В давнюю годину.
То, что вызрело во мне,
Завещаю сыну.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

Родился в 1915 году. До войны — журналист. На фронте — пехотинец, пулеметчик. Инвалид войны второй группы — следствие ранений и контузий. Имел награды.

При жизни вышло четыре поэтических сборника, три из них — сатира. Автор песни «Бухенвальдский набат», других антивоенных песен. Советским комитетом защиты мира награжден медалью «Борец за мир».

Умер в 1986 году.

ПРАВДА

В упор глядишь
глазами строгими,
порой
крута и грубовата,
ты по Земле
веками долгими
шагаешь
поступью
солдата.
И не в обход —
путями торными,

а напрямик —
по бездорожью.
Бесстрашная и непокорная,
всегда воюешь насмерть
с ложью
Непобедимая,
великая,
тебе я с детства дал присягу.
Всю жизнь с тобой я горе мыкаю,
но за тебя
костьми я лягу.
1963

МОРЕ ВОССТАВШЕЕ

Обвал за обвалом...
Неистовый бой!
Грохочущим валом
стреляет прибой.
А брызги взлетают
до самых небес,
под пеною тает
крутой волнорез.

Содом и Гоморра,
Гоморра, Содом!
Восставшее море
идет напролом!
Здесь нету покоя,
светло и темно,

живое,
живое,
живое оно.
Здесь нету покоя,
ныряют огни...
Такое,
такое
мне море сродни.
Стою возле пирса,
дышать мне легко,
я взглядом вцепился,
гляжу далеко...
Как хочется слиться
с кипящей волной,
чтоб стать хоть частицей
стихии взрывной!
1963

* * *

Присядь, мой друг,
поговорим.
Не знаю, что со мною случилось.
Идут года,
и мы горим...

А сколько мне гореть осталось,
гореть, чтоб — пламенем душа
и жаркое сердцебиенье?..
Так отчего же тише шаг
и все замедленной
движенья?

Все тот же луг,
все тот же сад
в цветенье яблонь
розоватом.
Все так,
как много лет назад...
Да я не тот,
что был когда-то.

Иль хмурый день,
иль меркнет свет,
и рано наступает вечер?..

Не много лет,
а много бед
легло таким, как я,
на плечи.

Ты с удивленьем не смотри
и обо мне не думай плохо:
ведь в каждый год
я прожил три!
Что тут поделаешь —
эпоха!

1964

БОРИС ТЕДЕРС

Родился в 1926 году. В 1943 году ушел на фронт. В составе 51-й армии рядовым пехотинцем принимал участие в освобождении Литвы, Латвии. После войны окончил художественно-промышленное училище имени М. И. Калинина. Печатался в газете «Красная звезда», в журналах «Знамя», «Нева», в альманахе «Поэзия».

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

О войне, как издавна ведется,
Мемуары пишут полководцы.
Разбирая победы, пораженья,
Марши, ретирады, окруженья.
Прилагая к ним планы и карты —
Цезари, Вобаны, Бонапарты.

О боях — лейтенанты, капитаны
Пишут повести, рассказы и романы,
На страницах вновь переживая,
Как мужала в огне душа живая,
Как сражались, исполненные веры,
Их герои — молодые офицеры.

А на долю солдата рядового
Остается песенное слово.
Спотыкаясь, вместе с ним, устало,
Песнь шагает от привала до привала,
Через смерти и санбаты — до Победы.
И солдат поет — как пели деды.

* * *

«Калинка-малинка моя!» —
Пели деды, и поют сыновья.
И взирают иноземцы, дивясь,
На российский удалой перепляс,
Удивляясь на отчаянный народ,
Что ни горя, ни нужды не признает

И пускается в веселье и разгул,
Где любой другой бы ноги протянул.

Под заливистый гармонный перебор
Пляшем издавна — судьбе наперекор,
А когда бы от несчастий затужить —
То давно б народу русскому не жить.
То пожары, то потоп, то недород,
То чума пройдет мором вдоль села...
То ливонцы, то татары у ворот.
Знать, не зря «Калинка» наша весела.

А ходила-выходила наша рать

Под «Калинку» с басурманами плясать,
И летели буйны головы в песок,
Когда шла она «вприсядку на мысок»,
Степь широку алой кровушкой поя...
«В саду ягодка малинка моя!»

Калинка-малинка моя,

Поле чистое — перинка моя.
Куст ракитовый — свеча над головой...
Ты не плачь, родная матушка, не вой.
Ты, подруженька, невеста, не тужи
И на святки на меня не ворожи.
Будет суженым тебе другой — не я...
Ой ты горькая малинка моя!

* * *

Ботинцы мои
Да с обмотками,
Молодые пехотинцы —
Первогодки мы.

С двухметровыми
Да голенищами,
На фронт — здоровыми,
Мы едем тыщами.

А с одной ногой
Да на двух солдат,

* * *

Ой вы, праведники русские,
Пареньки Борис да Глеб,
Оборвались тропки узкие
Ваших горестных судеб.

Оборвала их, отрезала
Злая смертная межа.
Молодые ветви срезала
Сталь разбойного ножа.

В диком поле, чья окраина
От отчизны далека,
Вас настигла брата Каина
Окаянная рука.

Уж когда домой
Едем мы назад.

Где твоя — своя?
Где еловая?
Эх, обмотка моя
Да двухметровая!

Эх, ты доля моя
Незавидная —
Песнь вагонная,
Инвалидная..

Не под вражескими стенами,
Не в бою среди людей,
Оговором и изменами
Вашу жизнь украл злодей.

Очи мертвые открытые
Смотрят бледной синевой,
Волоса, дождями мытые,
Запнулись с ковыль-травой.

Верещат степные вороны,
Жаркий свод небес навис...
Спят, раскинув руки в стороны,
Глеб и брат его Борис.

ХЛЕБ

Мы с помощью щербатой ложки
На тряпке, брошенной на снег,
Делили горстку хлебной крошки —
Паек на восемь человек.

А позже, нывшими зубами,
В окопе, вмерзшем в высоту,
Я грыз тех крошек мерзлый
камень,
И он оттаивал во рту.

В нем попадались жмых, солома,
В военном хлебе трудных лет.
В нем запах был родного дома,
Его поддержка и привет...

И мне доказывать не надо
(Понять достанет всем ума),
Что был он слаще шоколада
И благоден, как жизнь сама.

НИКОЛАЙ ТЕЛИЧКО

Родился в 1923 году. После войны окончил Брестский, затем Московский заочный педагогические институты. Работал в школе. Автор трех поэтических сборников, изданных в Минске.

РАНЕНИЕ

Фронт вчера
открыл артподготовкой
Биографий новую главу...
Возле белой рощицы литовской
Мы пошли в атаку за Литву.
Сбит в траву
проколом острой боли,
Ломовым ударом по бедру!
И один остался.
Только в поле
Я от этой раны не умру.

От своих отстав,
не помышляю
Затаиться молча за травой...
Вот шагну на запад, к Шяуляю,
Вот пойду дорогой полевой.
Рядом взрывы купами теснятся.
Пахнет грунт
могилою сырой...
Стань,
березка,
юной медсестрой,
Помоги мне на ноги подняться!

МИХАИЛ ТИМОШЕЧКИН

Родился в 1925 году. Участник Великой Отечественной войны. Живет в городе Россоши Воронежской области. Работал сотрудником районной газеты.

Печатался в альманахе «Поэзия», в журнале «Волга», в сборнике «Дороги Победы».

ИЮНЬ СОРОК ТРЕТЬЕГО

В июне ранними утрами
Над степью в солнечных лучах
Играли «яки» с «мессерами»,
Кружа на встречных виражах.
Потом в заоблачные дали,
Предвестники кровавых бурь,
Они ватагами взмывали,

Пронзая крыльями лазурь,
И с той небесной магистрали,
Вдруг кувыркнувшись налегке,
Как с кручи, вниз к земле ныряли,
Входя в смертельное пике.
А из траншей в посевах хлеба,
Винтовок выставив рога,
Лбы запрокидывала в небо
Орловско-Курская дуга.

СКИНЕТ НАЗЕМЬ, СРОВНЯВШИСЬ С МИРОМ...

Скинет наземь, сровнявшись с
миром,
Плащ-палатки — окопная знать.

БЛИЖНИЙ БОЙ

Воздух ближнего боя.
За волною волна.
Громовую пальбою
Оглушает война.

Взрывов дикая пляска
На пожухлой траве.
Чую: крутится каска
На моей голове.

На бегу, кто где может,
Взвод наш валится с ног.
Я упал. Я ведь тоже
Человек, а не бог.

Пулеметному лаю
Поклоняясь, лежу.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Оттого ль, что была война,
По другим ли каким законам
Целовала меня старшина
В полевых медицинских погонах.

Подошла среди бела дня
(Был осенний тот день отменный!)

ДЕТЯМ ФРОНТОВИКОВ

Они еще не вышли, книги
О тяжких подвигах отцов,
Еще пудовые вериги
Висят на славе храбрецов.

Не обделен на память правом
Один из тысячи пока
Из тех, кто пал в пути кровавом
В высокой должности стрелка.

Их имена еще безвестны,
А уж салют почти затих...

Крикнут взводные командиры,
Чтоб от танков не отставать.
И пойдут, закачаются криво,
И рванутся штыки к врагу.
Цепь живая в столбах разрывов
Поломается на бегу...

Сам себя вдохновляю
И сужу, и стыжу.

Я на миг. Я колено
Подвигаю вперед...
Что так тянет к земле нас,
Что так плотно кладет?

Этот миг предполетный,
На секунды — отсчет!..
Что так гонит вперед нас,
Что так властно влечет?

Что так трепетно зреет,
Бьется жилкой в виске?..
Поднимись же скорее,
Кинься в новом броске!

Совладай же с собою,
Не герой и не бог!..
Воздух ближнего боя
Землю рвет из-под ног.

И прижала к себе меня,
Пацана в гимнастерке военной.

Иль за то, что веселый смех
Был у раненого солдата?
Иль за то, что моложе всех...
Приласкала как младшего брата.

В печати — областной ли,
местной —
Столь редок о герое стих.

К небесному прибилась царству
Пока в церковных алтарях
Живая сила государства,
Испепеленная в боях.

Зато кривляются, хохочут
Презревшие солдатский труд,

На путь наш пыль забвенья точат   Что липнет к душам черной
И заклинания поют.   смертью
О дети, песням тем не верьте,   Всего святого на земле.
Не прикасайтесь к той золе,   1988

РОМАН ТРОФИМОВ

Родился в 1912 году в Калуге. Окончил неполную среднюю школу, курсы каменщиков. Строил Бобринковский химкомбинат. Служил в Советской Армии, в одной из авиационных частей Дальнего Востока. Участвовал в Отечественной войне в составе 7-й воздушной армии в Карелии. После войны приехал в Казахстан. Автор шести поэтических сборников: «Весна в пустыне», «По новым дорогам», «Почта осени» и других.

* * *

Космический корабль на орбите!
Такою информацией навряд
Кого-нибудь сегодня удивите:
Все запросто об этом говорят.
Но если вам предложат: — Полетите? —
Наверняка вы отведете взгляд.
Вы рисковать собой не захотите —
Такой полет опасностью чреват.
Нестойкость духа, право, неподсудна.
Страх побороть в себе бывает трудно.
Так, значит, тот, кто ко всему готов,
Когда в полет уходит орбитальный,
Достоин преклонения и слов:
«Он подвиг совершает колоссальный!»

ТАТЬЯНА УЛЬЯНОВА

Родилась в 1922 году в городе Рыбинске. Училась на сценарном факультете ВГИКа.

На война была связисткой. Воевала на Курской дуге, принимала участие в освобождении Украины, Польши, Чехословакии.

Автор поэтических книг «Чем дальше ухожу от ба- тарей», «Солдатские горизонты».

КАПИТАН ПОПОВ

Капитан Попов, конечно же,
с земли ушел, столь брэнной...
Хорошо, что молодыми
мы расстались
в дни кромешные войны...
И случайно мне он вспомнился
один во всей Вселенной!

Когда же она встанет на дыбы
Как наш союзник и доброжелатель?
Нам кажется теперь, что батальона
Не существует и в помине тут.
Нет поезда. И значит — нет резона
Стоять и ждать, пока снега метут.
Кто пожалеет нас в такую стужу?
Кто даст приют хотя б на полчаса?
Теплом домашним кто согреет душу?
Здесь нет чудес. А были чудеса!
Был дом как дом, как все дома на свете.
Была семья. И, сидя за столом,
В своих тетрадях рисовали дети
То старый тополь, то старинный дом.
И все ж оно явилось — это чудо.
Какой-то робкий паренек запел.
И кто-то отозвался. Ниоткуда
И неохотно вроде — как умел.
И не успели подтянуть солдаты,
Как девичий тревожный голосок,
Так неожиданно и так высоко взятый,
Весь батальон в ту песню заволок,
Одни ее с подхвата уносили.
Другие догоняли. Песня шла.
С чем я могу сравнить ее по силе
И радости, и воли, и тепла?
Сомкнулся круг. И в том кругу стояла
В шинельке и в сапожках по ноге
Та девушка, что песней управляла,
Открыв лицо стихающей пурге.
Как будто бы все так же мы стояли,
И сколько нам стоять — никто не знал,
Но в эту ночь солдатами мы стали,
А батальон наш — батальоном стал.
Все это мы узнали попозднее,
На деле. Ну а в тот печальный час
Сильнее все звучала и сильнее
Та песня, что так выручила нас.

ЮРИЙ ЦЕДИЛИН

Родился в 1920 году в Ленинграде. Окончил военный факультет при Саратовском медицинском институте и ординатуру при Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова в Ленинграде. В 1941 году вступил добровольцем в ряды Красной Армии. На фронте с июня 1942-го по 9 мая 1945 года. Воевал на Калининском, Западном, 3-м Белорусском фронтах, участник боев под Москвой и штурма Кенигсберга.

ЭСТАФЕТА

О чем мечты?
Что вам ночами снится?

У юношей —
Загадочные лица...
Мы волей были
С юности сильны —

Писалась кровью
Азбука войны.
А если вновь
Беда
К нам постучится?

Вы, внуки наши,
Будете тверды?
Я в молодые
Вглядываюсь лица...
В них узнаю
Друзей моих черты.

МИХАИЛ ЧЕБОТАЕВ

Родился в 1926 году в селе Белый Ключ Ульяновской области. В 1944 году, после окончания десятилетки, был призван на флот. Принимал участие в боевых действиях против милитаристской Японии. По окончании военно-морского училища служил на Балтике, заочно учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

Автор поэтических сборников: «Флотские годы», «Непокой», «Походная строгость», «Океанский фарватер».

* * *

О, родимая округа —
Старосельский оком,
Сколько можно друг без друга?!
Пробил час побыть вдвоем.

Приоткройся снова взору,
Улыбнись приветно мне.
Убедись: не опозорил
Я тебя на стороне.

Вот они, мои награды.
Это значит, что вдали
На земле был труд в услуду
Человеку от земли.

В честь твою пахал и сеял
В ста округах. И притом
Созерцал тебя во сне я
Лишь в сиянье золотом.

* * *

Плыли в лодке за туманами,
Разгребали сгустки тьмы.
И в затончике — не странно ли! —
Моря ширь открыли мы.

За спиной — пролив Смятения,
Остров Грезы, мыс Тревог.

Было солнце незакатным
В прежних грезах, как в кино.
Где же ныне так нехстати
Укрывается оно?

В небе туча распласталась.
На округу вид один —
Мутно-серая тональность
Вместо радужных картин.

На ветру скрипят осины,
Хмур на взгорье отчий дом...
Непогода ли причиной?
Иль и я повинен в том?

Праздник встречи не удался,
Я ступаю наугад
В дождь и хмарь. Давно погасли
Светлячки моих наград.

А под веслами — течение
Нескончаемых дорог.

И вдвоем плывем раскованно,
Никаких окружных тайн...
Виден в трубку тростниковую
Неоглядный океан.

МАСТЕРСКАЯ

Рис. Э. Мунка

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Родился в 1935 году в Томской области. Окончил Томский университет. Автор книг стихов «Дочь», «Прощание с первой любовью», «Талина» и других.

СНАЧАЛА ОТВЕТЫ НА ЗАПИСКИ

- Поэзия сегодня в упадке?
- Поэзия в упадке не бывает. В упадке — значит, не поэзия.
- Что всего важнее в поэзии? Политическая направленность? Злободневность темы? Глубина мысли? Или собственно поэзия?
- В политике главное — политика. В науке главное — наука. В искусстве главное — искусство. В поэзии главное — поэзия.
- Значит, вы против социальной наполненности поэзии?
- Как можно быть против чего-то в поэзии, если самой поэзии нет? Поэзия социально наполненная, конечно, богаче поэзии социально не наполненной. Но наличие самой поэзии в том и другом случае — обязательно.

— Кто главный судья в поэзии?

— Народ. А еще точнее — время.

— Но время движется медленно. И ждать приходится десятилетиями. Кто же оценит поэта сейчас?

— Его собственная совесть. Но совесть, возразят мне, может и подвести. Бывают ведь на свете и бессовестные. Отвечу: бессовестных поэтов не бывает. Бессовестный — значит, не поэт.

— Что главное в отношениях поэта и читателя?

— Главное — доверие. Особенно — доверие поэта по отношению к читателю. Не нужно считать читателя глупее себя. Мы говорим: издатель живет завтрашним днем, писатель — послезавтрашним. А читатель — что, позавчерашним?

— Почему падают тиражи стихотворных книг?

— Потому что уменьшилось внимание к поэзии.

— Почему уменьшилось внимание к поэзии?

— О, тут много причин. И в первую очередь — потому что произошло общее снижение уровня культуры. Иные говорят даже о духовном одичании.

— Отразились ли административно-командные методы на лирике?

— Конечно, да. Но когда говорят об этих методах, то обычно имеют в виду отношения между идеологическим работником и поэтом. Тут все ясно. Гораздо сложнее другое. Административно-командные методы зашли так далеко, что внедрились в саму ткань стиха. Лирик вынужден был не обращаться от своей души к душе читателя, свободно делясь с ним своими мыслями и чувствами, а как бы командовать этим читателем. Извращался сам смысл лирического высказывания. А точнее сказать, лирика перестала существовать как жанр. (Прекрасные исключения, конечно, были.)

— А ведомственность? Отразилась на поэзии?

— И ведомственность — тоже. Пример: редактор газеты спешит молниеносно дать стихи на злободневную тему. Ведомственные интересы печати здесь соблюдены. Но стихи эти очень слабы в художественном отношении. Интересы «ведомства» поэзии беззастенчиво попораны.

— А нужно ли печатать стихи в газете?

— Нужно. Но только то, что является на сегодняшний день лучшим. Если хороших стихов в редакции нет, то лучше вообще ничего не печатать. Слабые стихи, опубликованные в большетиражной газете, вреда приносят намного больше, чем пользы. Они сильно портят художественный вкус у читателя.

— На кого рассчитаны стихи с важной темой, но со слабым исполнением?

— Ни на кого. Человек, любящий стихи, подобных стихов не читает. Или же читает их с большим неудовольствием. Человек же, не любящий стихов, вообще никаких стихов не читает.

— Есть мнение, что в условиях научно-технической революции поэзия вообще потеряет своего читателя. Вы согласны?

— Мнение это появилось не от хорошей жизни. Поэзия действительно теряла своего читателя — до последнего времени. И причина тут все не технический прогресс. Причина тут — социальный регресс. Общество теперь у нас обновляется. Обновление направлено в сторону большей человечности между людьми. А человечность и поэзия — понятия почти тождественные. Так что если общество нравственно обновится (а я верю в это), то и поэзия не отомрет, а, наоборот, станет еще более нужной людям.

— Как поэт изучает жизнь?

— Странно слышать призыв, обращенный к поэту: «Изучай жизнь!»

Призыв этот исходит из молчаливого утверждения о том, что поэт сначала изучает жизнь, а уж потом начинает помышлять о творчестве. Но уже первая мысль о творчестве — не есть ли свидетельство преизбытка жизни?

Если поэт не знает жизни, значит, он не поэт. А если он не поэт, то никакое изучение жизни ему не поможет.

— Какое место занимает лирика в ряду других литературных жанров?

— Самое могучее из современных искусств, кино, развилось на основе драмы. Драма — на основе рассказа, повести. Рассказ, повесть — на основе поэмы. Поэма — на основе короткого лирического стихотворения. Лирическое стихотворение — сама сердцевина всей литературы!

А многие редакторы рассуждают так: напечатаны все заслуживающие внимания романы, повести, рассказы, но вот еще осталось мизерное свободное место — напечатаем тут лирическое стихотворение. Классический остаточный принцип.

— Какие традиции в современной лирике считаете жизнеспособными?

— Жизнеспособными считаю все традиции. В противном случае они вообще не могли бы появиться. Наиболее же плодотворные, на мой взгляд, традиции, связанные с именами Пушкина, Тютчева, Фета, Некрасова, Блока, Есенина, Ахматовой.

— Блок за свою жизнь написал многие сотни стихотворений. Настоящими же шедеврами из них является едва ли сотая часть. Зачем он писал эти сотни стихотворений?

— Если бы он сосредоточил свое внимание только, положим, на ста своих стихотворениях, то шедеврами из них, может быть, стала лишь сотая часть этой сотой части. То есть одно-единственное стихотворение.

— Какое значение имеет для поэта образование?

— Самое лучшее, пожалуй, образование из всех русских поэтов получил Пушкин. Что это? Случайное совпадение?

— Что важнее в стихах? Форма? Или содержание?

— Не форма. И не содержание. А единство содержания и формы.

— Почему в ваших книгах нередко повторяются одни и те же темы?

— Потому что они нередко повторяются в самой жизни. Каждый день приносит нам что-то новое, но каждый день мы сталкиваемся и с одними и теми же вопросами. Например, с такими: как поступить, чтобы совесть была чиста? Как сохранить свое достоинство? Эти вопросы сопровождают человека всю жизнь.

— Что в первую очередь мешает поэтически одаренному человеку стать настоящим поэтом?

— Мешает его собственное безнравственное поведение.

— Какова цель поэзии?

— Пушкин говорил, что у поэзии цели нет. Цель поэзии — сама поэзия.

— Ну, тогда какова ее «сверхзадача»?

— «Сверхзадача» — отыскание смысла жизни, смысла счастья.

* * *

Жила-была деревня.
Немыслимо темна.
Неизъяснимо древня.
Прогнившая до дна.

Враги в ней выросли
Быстрее иных грибов.
Пришел товарищ Сталин
И разгромил врагов.

Жила-была наука.
Не выполняла план.
Была в науке скука.
А главное — дурман.

Наглеть враги в ней стали.
И вот, без лишних слов,

* * *

— Огневая бушует весна.
Почему ж эта зелень темна?
— Потому что из темной земли
Эти вешние листья взошли.

— Невеселая осень пришла.
Почему ж эта зелень светла?
— Потому что сияющий свет
В ней оставил свой солнечный след.

* * *

Пришел он к распахнутой сини,
Где стынет веков тишина.
— Сдавайся,— сказал он долине.
— Сдаюсь,— прошептала она.

Взошел он, послушный гордыне,
Туда, где звенит высота.
— Сдавайся,— сказал он вершине.
— Сдаюсь,— прохрипела она.

* * *

Перед глазами ярко, крупно
Встает страниц высокий вал.

Пришел в науку Сталин
И разгромил врагов.

Несла литература
В народ добро свое.
Но темная натура
Была и у нее.

Враги и тут не спали —
Слагали чуждый стих.
Пришел товарищ Сталин
И разгромил их.

В порту, в цеху, в артели
И в глубине тайги —
Везде, везде засели
Враги, враги, враги.

Был мир неидеален.
И, бдительный, в него
Пришел великий Сталин —
И разгромил его!

— Ненадежна весна и хрупка.
Почему ж эта юность крепка?
— Потому что из доброй земли
Эти юные песни взошли.

— Пред зимою погода ясна.
Почему ж эта старость грустна?
— Потому что сжигающий свет
Наложил свой безжалостный след!

И вот он победу вкушает.
И слышит средь каменных стен —
Сжимает его, удушает
Самим же им созданный плен.

Как стон, утопающий в столах,
Рыдания бессильно глуша,
В туманных глубинах бездонных:
— Сдаюсь! —
Воскликает
Душа.

Но голос шепчет неотступно:
Я это все уже читал.

Когда и где, скажи на милость?
Увы, нигде и никогда,

Но незаметно просочилось,
Но просочилось, как вода,—

Из одинокого намека,
Из мимолетного луча,
Давно иссякшего истока,
Навеки смолкшего ключа.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

О ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Как все должно было совпасть: голос, рост, артистизм для огромных аудиторий, маниакальные приступы трудоспособности, умение расчетливо, а иногда и храбро рисковать, врожденная житейская мудрость, простодушие, нечто вроде апостольской болезни и, конечно же, незаурядный, очень сильный талант.

Евгений Евтушенко прославился стихотворной публицистикой, стремлением поднять фельетон до уровня проповеди. Однако, мне кажется, его поэзия не только, точнее, не столько в этом.

«Я — разный» — так начинается одно из относительно ранних его стихотворений. Видимо, так оно и есть. Но я-то люблю и вспоминаю лишь одного из всех разных — автора первого тома. У Блока он третий, у Тютчева первый, хотя и во втором есть несколько гениальных стихотворений. У каждого поэта свой том среди томов. У Ходасевича единственный. Томов премногих тяжелей. У Боратынского — два и все же как бы один.

Второй и остальные тома Е. Евтушенко значительно обширней первого. Наибольшую известность получили, полагаю, никак не лучшие стихи поэта. «Бабий Яр» написан грубо, громко, элементарно. В «Наследниках Сталина» есть поэтическое вдохновение, но есть, как бы это сказать, какое-то преувеличенное чувство социальной справедливости, достигнутой не без помощи заднего ума.

В конце пятидесятых Е. Евтушенко создал целый ряд упоительных, редкостно оживленных, навсегда драгоценных стихотворений (например, «На велосипеде», «Окно выходит в белые деревья...», «Я у рудничной чайной...», «К добру ты или к худу...», «Я шатаюсь в толкучке столичной...», «Свадьбы», «Не разглядывать луну...»).

Позже произошло нечто вроде разветвления, и ветвь от раннего периода протянулась в более поздние годы. Ветвь эта не то чтобы засыхала, но плодов на ней было меньше, чем на других, что естественно, так как «лирический период короток» (кажется, это слова Ахматовой).

В действительности Е. Евтушенко прежде всего лирик, подлинный лирик по преимуществу, а может быть, и всецелый. Не ритор, не публицист, а именно лирик, что не помешало бы ему, будь он Некрасовым, сказать:

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?

Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа.

И в новой лирической поэзии роль Е. Евтушенко значительна и велика. Ему удалось, непреднамеренно, без умысла, корысти и расчета возбудить к произрастанью какой-то неведомый доселе звук. А звук и есть сущность поэзии. В звуке и мировоззрение, и мирозерцание, в звуке — врожденный идеал и все сущее. Звук, тон, форма — судьба поэта, его вечность, современность, но только не злободневность, потому что последняя всегда бесформенна.

Поэтам свойственно присваивать чужой опыт, опыт поколений. Е. Евтушенко в какой-то степени присвоил себе жизненный опыт людей нашего возраста, тех, кому во время войны было восемнадцать-двадцать лет.

Люди этого поколения, пройдя, как говорится, огонь, воду и медные трубы, трудно постигали новизну жизни, тяжело и медленно осознавали пережитое и собирались выразить все это в будущих стихах. Как вдруг на авансцене возникла фигура юноши.

С недоумением, переходящим в раздражение, воспринимали мы, старшие стихотворцы, этот рвущийся с эстрад, газетных и журнальных страниц голос. Как же так, думал я, мы выстрадали, а он высказывает; как же так, думал я: поэты всех времен и народов писали стихи о жизни и смерти. А он — о жизни... Как же так, Магомет бился в падучей, а он ласкает чуткую стальную чешую микрофона,

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять,
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь.
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир.

(Тютчев)

Значит ли это, что речь идет вовсе не о поражении какого-то поэтического периода, а только о победе продолжающейся жизни, неистощимой и вечной?..

В стихах Е. Евтушенко новые садятся гости за уготованный им пир.

Судьбы поколений шли не по касательной друг к другу, а пересекались, и в точках пересечения возникало не только случайное, но и закономерное.

Е. Евтушенко и Ю. Казаков многое предвосхитили.

В рассказе «Трали-вали» уместилась, может быть, почти вся последующая проза, получившая обидное и нелепое название — «деревенщики». Писатели-«деревенщики» — в стране Пушкина, Лермонтова, Чаадаева, Толстого, Достоевского, Гоголя, Герцена, Тургенева, Платонова... Что бы это могло значить?..

Без Евтушенко новую русскую поэзию трудно представить. Невоз-

можно. Даже Е. Рейн, первоначально очарованный стихией В. Луговского и оказавший сильное влияние на молодого И. Бродского, был буквально облучен поэзией Евтушенко. Евтушенко вообще практически повлиять на всех современных ему поэтов не только младших, но иногда и старших.

Б. Ахмадулина не бесследно предвозвестила процесс архаизации и усложнительства, ее приемами воспользовались многие молодые и старые стихотворцы и даже замечательные шансоны.

Влияние Вознесенского тоже существовало. Основа его поэзии — классическая, но не она вызвала подражания, а побочный эпатирующий момент, который был понят наивно.

Из более новых поэтов влиятельными оказались Е. Самченко и Ю. Кузнецов, стремящиеся любым способом вырваться за пределы рассудка, что было воспринято совсем молодыми лишь формально. Впрочем, эти стихотворцы — производное иных влияний и от Евтушенко уже почти не зависят.

Сологуб и Кузмин — поэты более крупные, чем Цветаева и Мандельштам. Однако жизнь они прожили внешне однообразную, бессобытийную, вроде бы серенькую, и умерли незаметно. И никто не знает толком даже «Александрийских песен». А ведь такая книга пишется раз в вечность.

И Е. Евтушенко и И. Бродский по-разному повлияли своими необычными биографиями на свою литературную известность. В конечном итоге Бродский оказался более подходящим для Нобелевской премии (не о ней, конечно, речь, она в данном случае — удобная метафора).

Конечно, по верховному замыслу Евтушенко даровитей Бродского, звуконосней, подлинней, простодушней, в нем больше вещества перво родной поэзии. Но Бродский отдал поэзии все, что имел, а Евтушенко — не все. Много отдал, многое распылил, пожертвовал черт знает чему. Всякой всячине, всегда клубящейся вокруг. К тому же не было над ним откровенно омерзительного судилища, не было ссылки, и великих заступников не было. Виноват ли он в этом? Не знаю.

Говорят, что Пастернак не любил слово «интонация». И правда, в этом слове есть какая-то неточность, ограниченность, но другого взамен пока не нашлось. Интонация Е. Евтушенко буквально подчинила себе сотни стихотворцев, казалось, что пишутся намеренные подражания.

Корневая рифма существовала в русской поэзии с незапамятных времен: народные стихи, песни, частушки были расцвечены ее игрой. Пушкин использовал корневую рифму скупно и очень осторожно. Позже она перешла в окончание строк Маяковского, Цветаевой, а еще позднее — в произведения формального толка, где прозвучала неестественно, предвзято. Евтушенко временно вернул корневой рифме право на существование. Корневая рифма у него из приема превратилась в неотъемлемый элемент формы, проявилась по-своему, по-евтушенковски. Это было чем-то вроде открытия, которое вскоре стало выветриваться (как всякое открытие в искусстве), уступая место даже слабым глагольным, но полнозвучным рифмам, требующим очень высокого мастерства и подлинной свободы. Я. Смеляков был последним поэтом, способным слабо (не специально) рифмовать глаголы

(«...вихрем песка ночного будку не занесет,
юноша мягкой тряпкой поршни вам не протрет»),

так естественно, что они выглядели убедительней «железных» до безнравственности рифм, поскольку форма — категория нравственная.

Шли годы. Е. Евтушенко писал стихотворение за стихотворением, по-

эму за поэмой, ни на минуту не отрывая пера от бумаги. В этом потоке трудно было разобраться. Удачи терялись в риторической пустыне, вкусовые орехи ставили под сомнение соседствующие с ними сильные и ясные строки.

Большинство критиков и поэтов по-прежнему видели в Е. Евтушенко только его слабые стороны (исключение составили несколько витиеватое эссе Барласа да излишне восторженная статья Б. Рунина).

Какую задачу ставил перед собой Е. Евтушенко в поэме «Братская ГЭС»? Можно сказать, не преувеличивая, что он хотел окончательно решить все русские, а заодно и мировые проблемы. И надорвался при попытке поднять штангу, весом превышавшую все олимпийские нормативы. Вес был не засчитан. Едва приподнятая штанга с грохотом рухнула на русский помост. Но всепоглощающее усилие не было напрасным. Несколько глав прозвучали тревожно и чисто, хотя и были приглушены чуждым грохотом.

Благородная тусклость и матовый холод не гасят внутреннего огня поэзии, а удесятерят его силу. Е. Евтушенко нередко предпочитает слепо доверяться огню, «пламенеть по инерции». Опасное предпочтение, исказившее гений Марины Цветаевой.

Слишком предварительные замыслы. Что это означает?

Настоящие стихи похожи на человеческое дыхание. Едва ли можно продумать заранее свое дыхание. Ведь Евтушенко не йог. Есть у него стихи, как бы вне своего восприятия, какой-то абстрактно-этический момент. Отсюда возникающее порой отношение к читателю как к существу, стоящему ниже.

Хватает ли ему умения не щадить себя в стихах? Он не щадит других. Но этого мало.

Взаимоотношения поэта-гражданина и государства всегда отличались исключительной сложностью, и гражданская поэзия сама по себе понятие непростое (достаточно подумать о том, какая пропасть лежит между гражданской доблестью и политической благонадежностью).

Между тем поэты малые и великие, классики и декаденты неоднократно декларировали свое безразличие к проблемам гражданственности, а на самом-то деле «Из Пиндемонти» и «Памятник» написаны почти в одно и то же время. И тот, кто спрашивал: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?», впоследствии назвал поэта пленником времени.

Мне хотелось сказать о том, что некоторым его стихам недостает молчанья, тишины, пауз; материала, из которого возникали бы фигуры отказа и умолчания, что в них ощутим иногда дефицит воздуха, росы, свободного дыхания.

Мне хотелось сказать, что есть у него стихотворения, как блочные дома первоначальных конструкций, но я подумал о том, **как велик был жилищный кризис**, и еще о том, что его сооружения стоят много лет, что они населены, и люди стремятся прописать в них себя и своих близких. Сквозь пыль, шлак и щебень строительных работ я не всегда мог разглядеть особую красоту, своеобразное совершенство зданий, воздвигнутых поэтом. И о том, может быть, что вслед за этими зданиями возникли дома в стиле модерн и рококо, и неоклассические, но оказались ни к чему не пригодными. А его районы, города целые стоят, и в окнах свет горит.

ВСЕГДА В ПУТИ

ЛЕВ СМИРНОВ

Родился в 1928 году в Калининне. Детство прошло в Карелии. Окончил Московский юридический институт. Автор книг стихов «Земной непокой», «Лепта», «Третья даль», «Автобус в марте», «Зимняя молния», «Монолог в чистом поле» и других. В печати много и активно выступает как переводчик поэзии с языков братских республик.

УРОКИ ЛЕСНОЙ ТИШИНЫ

Я подмостки житейского театра
Бросил ради печальника-дятла,
Ради трав у забытой межи.
Я узнал по синичьему пенью
Недоступные нашему зренью
Голубые твои миражи.

Преодо мной, на границе с полями,
Гриб засохший стоял на поляне
В треуголке петровских времен.
Окликнули деревья друг друга,
И, как бубен, гудела округа
От негромких древесных имен.

О, мой лес! Как и встарь, так и ныне
Ты дрожал от предутренней сини
В наготе первозданной своей,
Сквозь тугую и влажную почку,
Как ручей сквозь овражную почву,
Продирался на свет соловей.

В полумрак твой тропинка впадала
И в тиши, отдышавшись, устало
Из криницы безвестной пила,
Обрывалась, блуждала нелепо
И, спиралью свиваясь, на небо,
Как единственный выход, вела.

А в чащобе, как встарь под Лопасней,
С кляпом в горле, с ножом под лопаткой,
Билась в судорогах, тяжела,—
В окружении чудищ корявых —

Бывших душ, от испуга картавых,—
Вековая твоя тишина.

Там, где пахло иконой и лешим,
Было трудно и конным, и пешим.
Каждый пень чей-то день означал.
Докопавшись до истинной сути,
Чьи-то судьбы молчали, как судьи.
Пуп земли из болота торчал.

На кувшинке, как на эшафоте,
Сатанели две крошечных плоти;
Казнь вершилась, как будто во сне.
Но размеры сей твари и гили
До нуля впечатленья сводили:
Ужас скрыт был в обычной возне.

Ни разрушить трубою подзорной,
Ни понять этот мир иллюзорный
В его данности было нельзя
Без учета всех связей сознанья
С неисчерпанностью мирозданья,
С подсознательностью бытия.

Но вблизи серебрилось и пело
Ручейка полудетское тело
В материнских руках лозняка.
Эта песня на травах качалась,
И по воле ее начиналось
Становленье простого листка.

В микрокосмосе знали едва ли,
Когда свет, словно камень, тесали,
Громоздили дворец из лучей,—
Что он с ветки кленовой сорвется
И обычным листком обернется,
И уснет на ладони моей.

Он изрезан был, плоский и твердый,
По краям, как норвежские фьорды,
В фавориты мои норовил.
А прожилки его, словно вены,
Были древней исполнены веры
В золотистый, как ночь, хлорофилл.

В этом мире сплошных соответствий
Я бродил, потерявшись, как в детстве,
С отраженьем своим не шутя.
Но на пне разглядел я орбиты
Старых звезд и едва от обиды
Не заплакал, хоть был не дитя.

Я взглянул на высокие кроны —
Сосен древних венцы и короны —

Впережку янтарь и багрец.
Их густые и мокрые ветви
Показались при солнце и ветре
Недоступней, чем в небе Близнец.

Ведь стволы их враждебная сила
От ликующих глаз уносила,
Чтоб упрятать в космической мгле,
И лишь их заповедные корни
Копошились, трудились и мерли
В сером пепле — в бесплодной земле.

Эти корни на месте пустынном
Умирали и пахли бензином
И тоской в миллион киловатт,—
И, намереньями благими
Ровно вымощенная, меж ними
Пролежала дороженька в ад.

И тогда я расстался с тобою,
И побрел, попирая стопую
Вороха откровений и лжи...
И навек на невидимой грани
Вдруг растаяли где-то в тумане
Голубые твои миражи.

ВЛАДИМИР ГОРДЕЙЧЕВ

Родился в 1930 году. Печатается с 1950 года. Автор многих поэтических сборников, среди которых «Седые голуби», «Грань», «Узлы», «Пути-дороги», «Пора черемух» и другие.

Лауреат литературного конкурса имени Н. Островского.

ЗИМОЙ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Пустовал — из обыкновенных —
рядом с нами кирпичный дом.
После фронта военнопленных
под охраной держали в нем.
Голоданье и холоданье
наводили на них скулеж,
в нас рождая и состраданье:
хоть и вороги, люди все ж...
Утром ступишь на снег в проулке
и попробуй не сострадай:
из проломов оконных руки
с воплем тянутся: хлеба дай!
Чтоб к коровнику в их налете
смочь пробиться во глубь двора,
я бросал доходягам ломти
свеклы резаной — из ведра.
Той поддержки моей свекольной
только немец не ждал один.
Очень он, думал я, на Колю,
брата старшего походил.
Я судьбу его чуял сердцем:
жар простудный его глодал, —
так покорно он ртом отверстым
воздух выстуженный глотал.
Ни алчбы для него, ни жажды...
Но сиянием из-под век
одарил он меня однажды,

умирающий человек.

За сырую мою свеколку
сунул мне этот фриц чумной
с шеи сорванную иконку
с дамский ногу величиной.
Как на гривеннике, круглела, —
я ее разглядел потом, —
охранительная эмблема
с божьей матерью и Христом.
Только был и Христос бессилен
от людей отодвинуть смерть, —
милосердия хрупкий символ
в век, который немилосерд...
Дети списанные Европы,
мать божья и мать честна!..
Стали кладбищем вам окопы,
где ни имени, ни креста.
На задворках у нас, как мину,
зная пустошь, где страшно быть,
мне о смерти, безвестной миру,
до кончания не забыть.
«Боль испытывают»? Возможно.
Только я не упомяну дня,
чтоб сама эта боль безбожно
не испытывала меня.
Так меня захлестнула прочно,
немудряща и нехитра,
неразъемная та цепочка
из нерусского серебра.

КРОВНАЯ ТЕМА

«Никуда этой боли не денете:
из журналов-газет
командармы глядят, академики,
жертвы сталинских лет.
Ах, и ты, сторона захолустная,
не без траурных лент.
И не меньшего стоит сочувствия
рядовой элемент.
Вместе с ломкой твоей, академия,
и крестьянство у нас,
исключений особых не делая,
корчевали, как класс.

Обезлужено все, перемолото,
а итогом дано,
что в Канаде на русское золото
покупаем зерно...
(Так посмелось по давнему поводу
рассудить мужику,
что с пустыми ведерками по воду
поспешал к роднику.
Он знал воркутинские пайки,
пережил Колыму,—
ни в уме, ни тем более в памяти
не откажешь ему.
В бесхозяйственный вздор облеченные
он терпел миражи,
как того увлеченно-ученые
добивались мужи.
Лишь теперь они стихли до времени,
то, видать, ухватив,
что для них в разоренной деревне —
никаких перспектив.)
...Есть возможность арендой утешиться
на подрядных трудах.
Но колхоза повальные беглецы —
все они в городах.
Если дед, если внук раскрестьяниться
принужден со стыдом,
им, похоже, не вдруг и потянется
в заколоченный дом...»

МАНДАТ НА ИСТИНУ

Как за отдернутою шторую
бьет по глазам спящий свет,
нельзя без слез глядеть в историю
в прожекторах новейших лет.
Там воскресают люди светлые,
как перешагивают ров,
с посмертной славой их бессмертия
друзей народа. Не врагов.
Пятнала память их (не мука ли?)
в тома впечатанная ложь
людей ученых, что наукою
и в страшном сне не назовешь.
Сполна, история державная,
ты натерпелась срамоты:
кто брал тебя на содержание,
тому и услужала ты.
Ты взгляды столь меняла преданно,
что мы подчас до наших дней
вполне уверенно не ведаем,
кто твой герой и кто — злодей.
С утра одна оценка молвится,
в обед — другая, скок-поскок!

Тебя солидной даже школьница,
вращая свой калейдоскоп.
Тебе самой в задачках этаких
не стыдно ль в свой учебник лезть?..
Не весь твой день былой — с ответами,
и день сегодняшний — не весь...
Вглядеться в будущее пробуя,
что пожелать, не помню зла?
Чтоб ты некупленной оособо
всегда, история, была.
Твои зигзаги компромиссные
хоть как оспаривать примись,
а все же меру правды-истины
определяет не корысть.

ГОЛОВА САДОВАЯ

Время приглядеться к шахматистам:
на скамье садовой, за доской,
мужики под деревом тенистым
двигают фигуры день-деньской.
А кругом — компания. Болеют.
Чуть видна за спинами скамья.
Головы склоненные белеют.
Эта вот — в картузике — моя.
Что влечет к играющим? Свобода
самовыраженья игрока.
Кроме тополей и небосвода,
нет при них ни стен, ни потолка.
Здесь фольклору полное раздолье.
Аттестуя чуть не каждый ход,
репликами с юмором и солью
местный Теркин голос подает.
Шуткам улыбается мужчина,
а зрачки расширенные злы:
мысль все время вяжет, как машина,
комбинационные узлы...
Я бы так сказал: большие дети
время растранижируют тут.
Но меня уже в забавы эти
ноги сами, чувствую, несут.
За плечами сомкнутыми вперюсь
в лаковых ферзей и королей:
дай-ка, мол, заранее примерюсь
к пенсионной старости моей.

* * *

На оголтелом холоду
тоской осенней занедужу
и в лес войду, как вновь найду
не вовсе выставшую душу.
С дубов на просеке лесной

дохнет былинными веками,
и распахнется вековой
безмерный путь — под облаками.
Творящий дух неутесним.
Короной царствия лесного,
как намагниченная, синь
мои глаза притянет снова.

И взгляд, как жизнь тому назад,
от ординара отсечется,
и в даях лирики фрегат
проявится и повлечется,
Опять услышу, как привет,
стихи, потерянные было,
какие мне в семнадцать лет
судьба сама наговорила.
И озарятся новизной
все клады памяти, разъятой

всего-то вроде бы одной
негаданной самоцитатой.
Кто мне открыл бы в новый срок,
зачем родное захоlustье
во мне отверзло мой исток,
когда рукой подать до устья?..
Холмы с небесной высоты:
«Курлы-курлы!» — окликнет стая.
И блещет праздник,
до черты
с начальным счастьем совпадая.

БЕЛОРУССКИЙ МОТИВ

Вечен свет красоты в человеке.
И пока небосвод не потух,
выпивайте глаза мои, реки,
отнимайте, малиновки, слух!
Пусть срываются чувства со сворок
и несутся овчарками в лес,
чтоб ночного беспамятства морок
снова бодростью утром воскрес,
чтобы в промельке мига любого,
как желала бы росная рань,
холодком первородного слова
вновь могла ознобиться гортань.
Зазывайте, боры, погружайте

в цветование весен и лет,
только вы, лесники, не пускайте
к ним рычанье магнитных кассет.
Лучше ты, боровая кукушка,
на твоей древнерусской волне
лет под семьдесят жизни нескушной
накукуй обязательно мне.
Этот поклик чистейшего тона,
о котором молю и прошу,
пуще всякого магнитофона
я в себе, словно пульс, запишу.
И в какой бы я край ни уехал,
буду слушать, как сон наяву,
той чащобы кукующей эхо,
чьей щедростью жил и живу.

Что будет через тысячу столетий?
Что будет завтра, тотчас, через миг? —
не ощутит, не выразит в ответе
ни юноша, ни вызревший старик.

Грядущее маячит ложным ликом,
как в море донный риф, утеса мыс...
И лишь поэту надлежит проникнуть
и в эту даль, и в этот смутный смысл.

1989

* * *

Пережидая зиму в Ореанде,
он пил чаек душистый на веранде,
ловил вельможным взором луч зари,
кисля кизилом щеки изнутри.

А там, на севере, в Москве первопрестольной,
в системе аппаратно-подневольной,
в казенном кабинете Красной Пресни
сидела мышь в его уютном кресле.

Она из тьмы, из немоты подспудной,
из корневой системы беспробудной
сюда приходит — изнутри наружу, —
чтоб греться в кресле превосходным плюшем.

...Шумит немолчно пушкинское море.
Линяют мысли в величавом взоре.
А в кресле — тишь... Свистит зима в окно.
Скрипит паркет... И мышь летит на дно!

1989

ШЛЯПА

Под шляпой, как под крышей,
по шпалам — босиком —
с улыбочкой бесстыжей
бегом, бегом, бегом!

Не осуждайте кента:
от шляпы до штиблет
он был сегодня кем-то
раздет, раздет, раздет...

У Фени иль Маруси, —
ах, разница пустяк —
где подавали гуся, —
он был в гостях, в гостях.

Ему там наливали
и пудрили мозги,
а после трали-вали
с тоски, с тоски, с тоски...

Не в Риме, не в Париже —
пешком под Костромой,
под шляпой, как под крышей —
домой, домой, домой!

Мелькали ноги-спички,
в мозгах клубился дым...
И заливались птички
над ним, над ним, над ним!

1989

* * *

Осень. В инее аллея.
И живые
на асфальте стекленеют
черви дождевые.

Вот простуженный вороний
с ветки убеленной
крик — уже потусторонний —
мерклый, отстраненный.

Вот оттаявший, воскресший,
весь в угаре,

ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

Трава, тяжелая от пыли,
ночь в проводах жужжит, как
шмель.
...А ведь Есенина убили,
не вызвав даже на дуэль!

За красоту... За синь во взгляде...
Так рвут цветы. Так мнут траву.
Его убили в Ленинграде.
Где я родился и живу.

И, что б не мыслить о потере,—
снесли тот дом, где он затих.

не использованный прежде,—
в небо взмыл комарик!

Вот, прожегом, на дороге —
след подошвы.
Осень одури, мороки,
тишины дотошной.

Снег. Воробышек. Платформа.
Электричка.
...Просто так, не для прокорма,
вяжет песню птичка.

1989

Но и в фальшивом «Англетере»
витает боль его и стих...

...Вчера, сложив печаль в котомку
и посох взяв опоры для,
я вышел в призрачных потемках
тайком — из города — в поля,

туда — в зеленое... где птицы,
где нам глаза его цвели...
За убиенного в столицах
просить пощады у земли.

10/8—89
д. Тетерки

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Вл. Крупину

Как выпь в преддверии дождя
кричит протяжно и бездомно,
как раб в предчувствии вождя
в цепях поскуливает томно,
как рыбка, сквозь стеклянный плен,
предслышит гул землетрясения,
как посвист «ветра перемен»
предощущает поколенья,
как сердцу матери дано
в снах разглядеть погибель сына,
как свет вкушать, когда темно,
любовь способна в днях рутинных,
как прорицатель, сквозь года,
провидит нечто, как сквозь воду,—
так я — чрез Истину Христа —
уже предчувствую свободу!

10 сентября 1989 г.

* * *

Журчит живая речь, в ней выговор старинный,
как будто за стеной, а может, за окном
всесильный граф Орлов у ног Екатерины
о немощах своих лепечет перед сном...

Как поле или лес, как травы и деревья,—
минувшего цветут и зреют голоса!
Динабург, Гельсингфорс, Курляндия и Ревель,—
опавшие, шуршат в подкорке словеса...

В нас прошлое сидит, как деспот в саркофаге,
и памяти людской пирамидальна твердь.
Но... миг, и наша боль — застыла на бумаге!
И мы уже сильны. И — презираем смерть.

1989

ВАГИФ САМЕДОГЛУ

Вагифу Самедоглу в 1989 году исполнилось 50 лет. Крупнейший сегодня азербайджанский поэт, драматург, теоретик музыки, знаток джаза. Был одним из первых в СССР джазменов. Пианист. На Азербайджанском телевидении ведет «Клуб любителей джаза». Увлекается профессионально фотоискусством. Автор двух поэтических книг, вышедших в 1969-м и 1972 годах.^{9/10} его произведений: стихов, притч, эссе, пьес не изданы. Но тем не менее обладает непререкаемым авторитетом в области литературы. Кумир поэтической молодежи. Второй, после Расула Рза, реформатор в азербайджанской поэзии XX века. Окончил консерваторию по классу фортепьяно. Его называют «человек-загадка» или «человек-легенда». Заслуженный деятель искусств Азербайджана.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1939-м.
Арестован в 1937-м.
В 48-м умерла бабушка:
впервые я оплакивал
усопшего.
Держал в аквариуме

* * *

Этот сиротливый парк,
что охвачен дождем,
слишком похож на детство,
в котором
                        когда-то
  я жил.
Дрожит влажная скамейка,

* * *

Может,
вместе увидим мы сон?..
Может,
вместе,
                        закрыв глаза,
  поймем,
что никогда не уснем мы

* * *

Я совсем забыл.
То ли был вечер, то ли утро.

рыбок. И в зимнюю
ночь осталось открытым
окно:
замерзли рыбки...
...Сейчас:
январская ночь 1965-го.
Кажется,
хочется жить.

съежилась от холода тропинка,
а дождь
                        все идет,
  и идет,
  зазывая
  ночь...

Когда я умру,
прошу вас,
оденьте меня
потеплее...

вдвоем в этом мире?..
Может,
мне громко зарыдать,
а тебе — засмеяться?
Чтоб зазвучали — вместе —
голоса
                        наших
  судеб?..

То ли ветер дул, то ли трепетали
паруса?
И какой был месяц, и кто тогда умер?..
Забыл,
все забыл.

Все.

Только помню тропинку,
что ведет к заветной двери,
и женский голос
за дверью
помню..
Тот голос явился — вечером,
и был — утром,
тот голос явился — морем,
был — парусом.
Тот голос явился — месяцем..
...Был день того самого месяца,
когда я умер...

* * *

Где же
эти годы
и равнины?
Куда потекла река
и где спряталось
море?..
Почему нет следов:
ни гор, ни равнин,

ни реки, ни моря?..
...Я не вижу,
не вижу из-за тумана..
И туманы исчезли
сами..
Так что это стоит
перед моими
глазами?..

* * *

Во сне я встретился с судьбой.
Она не была стерта.
Во сне я увидел путь.

Он не плутал.
Во сне я наткнулся на стих.
Он не был написан...

Переводы
Валеха Рзаева

ВИКТОР ДРОННИКОВ

Родился в 1940 году в городе Орле. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор книг стихотворений «Колыбель», «Яблоня», «Земля-кормилица» и других.

СЛОВО

Кто поймет, а кто осудит,
Кто воздаст иную честь.
Говори о том, что будет,
Говори о том, что есть.

Не молчи о том, что было
И куда нас занесло.

Только б сердце не остыло
И быльем не поросло.

Только б радостно святое,
Посреди житейских драм,
Всплыло слово золотое,
Как ушедший в воду храм!

* * *

Выгорает душа без воли,
Как без света подвальный злак.
Кто там свистнул в разбойном
поле?

Чей там злобный возжегся зрак?
Кто там в чащах, ночных канавах
Победитель, а кто ослаб?

Чую в пресных измятых травах
Острый запах звериных лап.

Чья там песня любви не спета?
Чей там вольный сломался бег?
Сизый мох от прямого света,
Словно волчий подбрюшный мех.

О ТИШИНЕ

Человеку тягостна неволя.
Человек не создан для войны.
Гаснет лес и отдыхает поле.
Столько в мире доброй тишины.

Тишина гнезда и краснотала.
Тишина покосная луны.
Человеку бы всего хватало,
Если бы хватало тишины.

ПУТЬ

Мчался он по разбуженным водам.
И кричал ему с берега брат:
— Ты закат перепутал с восходом,
Этот путь на закат, на закат...

Никого удалец не послушал,
Кинул ветер себе поперек.

И загнал свою верную душу
Бесконечностью русских дорог.

Занеслась голова удалая!
Видит бог, он один виноват.
На обочинах русского края
Как восход полыхает закат.

ОЛЬГА ГРЕЧКО

Родилась в 1947 году в Пензе. Окончила Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской.

Участница IV Московского совещания молодых писателей. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Наш современник», в альманахах «Поэзия», «Стихи этого года». Автор книги «Земли и неба круг».

* * *

Не привыкать — два года, полтора
проколошматит приступ лихорадки.
Подвижниками став, редактора
дерутся за посмертные тетрадки.

Угрюмы, строги, час от часу злей,
вкус переняв у ветреной полыни,
с такой охотой строят мавзолей,
что хоть убей нас,
здравствующих ныне!

* * *

Пустое место, я не лезу
ни в душу к вам, ни на глаза.
Как вдруг железом по железу —
и поздно жать на тормоза.
Пустое место, я объезду
в своей стране не подлежу.

Но — в танках — по пустому месту
к очередному дележу!
Да все ли дома у гражданки —
своим же портить и вредить:
стране понадобились танки —
пустое место своротить!

* * *

Листвы сухой воспаленный плеск.
В огне кто по грудь, кто еще по пояс.
Когда бы костра под колдуньей треск —
а так куковать, опоздав на поезд...
Мое поколение, сезон, гастроль,
бурая пыль на пустом перроне.
Кому из нас выпадет царскую роль
при очередном сыграть Бироне?

ПОЛЫНЬ НА ДОНУ

Перекричу, продлившись в эхе,
всю эту тишь переору!
Гудят, как радиопомехи,
два улья брошенных в яру.
И, чуя сумерки, лиловый
с утра тревожится чабрец.
Отец, наш хлебушек — с половой!
Отец, — а эхо врет: — Борец...
Отец, отец, земля дичает,
вся сорной поросла травой!
Но уж отец не отвечает

ни шепотом, ни головой.
Земля не греется, а млеет.
В нас полдень врезался ножом.
И, степью стянут, Дон мелеет
и извивается ужом.
Отец! Я сирота отныне,
я все теперь начну с нуля:
не горькой — горестной полыни
пустые отведу поля.
И набожную тетку Марью,
и дядьку — как его — Кузьму
не горечью, а горем, гарью
я крепко за сердце возьму!
Запомню — древней, серебристой,—
и маки кое-где вкраплю.
В последний раз приду на пристань
не к пароходу — к кораблю.

АЛЕКСЕЙ ДИДУРОВ

Родился в Москве в 1948 году. Работал в «Комсомольской правде», затем — служба в погранвойсках, работа в журнале «Юность». Член Союза журналистов СССР. Песни на стихи Алексея Дидурова звучат в кинофильмах, в телевизионном и радиоэфире, исполняются многими рок-группами страны. Алексей Дидуров создал и руководит рок-группой «Искусственные дети», литературным рок-кабаре «Кардиограмма». Его стихи публиковались в журналах «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Смена», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии». Участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей 1975 года.

МАЙСКОЕ ГУЛЯНИЕ

Эту бестию в светло-зеленом,
Муку города, приму дворов,
Я счастливым встречаю поклоном,
Выгребая под утро из снов.
Я дышу смоляными духами,
Ослепленно сережки топчу,
Предавая себя с потрохами
За триоли теней по плечу.
Нелюбимый, как Гришка Отрепьев,
Хоть иные расклады знавал,
Как о «третьем» мечтает отребье,
Я по ней целый год изнывал,
И, на столькое плюнув слюною,
И такое отпевши молчком,
Я запойно играюсь весною,
Как ребенок в руинах — волчком:
Синий, красный и лиственно-желтый,
Громы, гаммы и гам-полигам,
И сержанты косятся на шорты —
И мурашки бегут по ногам!
Обожженный следами своими,
По асфальтовой глади лечу
И старинное женское имя
Повторяю, как будто учу.
От восхода кручу до заката,
Где по кругу везло — не везло,
Где сломали нам время когда-то —
Вновь пошло, да мое-то ушло...
Здравствуй, майская песня изгоя,
Телесказочная заря,
Сила боли, энергия горя,
И лжецарствие фразы: «Не зря!»

* * *

Лист календарный, горсть монет,
Сонет — мой быт стал проще, строже.
А что на свете счастья нет —

Так и покоя с волей тоже.
Но от нехваток лечит Блок,
Да за стеной неблочной, прочной,
Да непорочный кипяток
Под шепоток дождя проточный,
Что все пройдет, а снег придет,
Как в дом, под свод двора родного...
О господи, который год
Я буду полон этим снова,
Смотря, как вьюжит между стен,
Гоня к весне воображенье.
Нет в нашей жизни перемен,
Но в мире есть преображенье,
И я ему сподвижник вновь:
Все меньше свет в душе, как в сутках,
И осторожная любовь,
Что вся в уме, а не в поступках,
Но потому и стоит жить —
С округой составляя братство,
Тужа, блажить, спеша, кружить,
Преображаясь, повторяться...

ЭТЮД

Погасишь лампу, к раме подойдешь
И не поймешь сначала: «Что там... это?..»
А это просто ночь, и снег, и дождь —
Не слезы и не пепел с того света.

И просто у тебя такой настрой,
А вовсе, мой дружок, не катастрофа,
И снег густой на этот свет пустой
Идет, как первый опыт Саваофа...

...Но этот свет уже на все горазд,—
Я думаю, подставив лоб под стужу,—
Мать украдет и дочери не даст,
Да и в тебе самом задушит душу.

Но посреди финтов и эскапад
Случается, как быть от века должно —
Вдруг женщина ответит невпопад,
Посмотрит нежно и неосторожно.

Но отвернется и на «раз-два-три»
Уйдет, уедет, только уезжая,
И обернется — боже мой, смотри! —
И мать, и дочь мне, и жена чужая.

РОМАНС

...А будь тот свет, который не для нас,
И суд, что не пускает на поруки,
Меня бы присудили к высшей муке:

К разлуке, к вящей скуке Ваших глаз —
Я бы по-новой выдержать не смог,
И боль любви меня бы доконала,
Дабы признал я Бога в миг финала —
За то, что от меня Вас уберег,
Как и за то, что этот мир без Вас
Не стоил бы и меньшего мученья,
Чем новое от Бога отречение —
За то, что уберег меня от Вас...

ИЗ ДЕТСКИХ ФОТОГРАФИЙ

...Вот школьный фотоснимок — Томка Д.
Обнявшись на уроках, мы балдели.
Она ушла с восьмого в Дом моделей —
Моделью. «Слушай, малчик, быть бедэ!» —
Я слышу год спустя в ее дворе
Кавказский бас. Их двое. Все в джинсовом.
И третий в «Волге». Видно по игре,
Мне лучше делать ноги. Сделал, словом.
Я знал, как бить, но я не знал, как быть —
Я испугался их богатства, мощи.
С тех пор я ненавижу это. Проще —
Я не могу Тамару Д. забыть...

* * *

Остаток улицы. Фрагмент любви.
Вот здесь ступали классные твои.
Вон там висело: «Покупайте джем!»
Я бы остался, но зачем? Зачем?
Песчаный ветер взялся завывать.
Как я забыл уметь забывать?
И рай, и ад — все бренно на земле.
Стою на пустыре. Навеселе.
День ослепителен. В глазах темно.
Пью теплое крепленое вино.
Сдержаться — молод. Плакать — староват.
Пошли, пошли. Никто не виноват.

ОСЕНЬ НА ПАТРИАРШИХ ПРУДАХ

Господи, вымокших крон
Осмысленный шепот,
В сквер заезжает фургон,
Чтоб лужи расшлепать,
Не «душегубка», не склеп
«Раковой шейки» —
Что ты, приятель, ослеп?
Протри свои зенки.
Хватит, уймись, отрешись,
И, не отрешая,
Пробуй любить свою жизнь

За то, что чужая.
Есть — и не будет другой:
Расклад неизменен,
И не приснится покой,
И век твой измерен,
Вот почему оцени
Субботу над бездной,
Гулкие, долгие дни
И душ поднебесный.
Вот почему не перечь,
Не мучайся, тише —
Слышишь: дыханье и речь
Не сверху, а свыше.

АЛЕКСАНДР ЩУПЛОВ

Родился в Москве в 1949 году. Окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Автор семи поэтических сборников.

А. Щуплов часто выступает в печати как критик, публицист, как переводчик молодых поэтов из братских республик. Стиль его выступлений экспрессивен, остро-современен, метафоричен. Знание фольклора, русской истории связывает стиль с народной поэзией, с традицией русского стиха.

* * *

В год посещения Воландом Москвы
носился по-военному неброский
одежный стиль. И живописец Бродский
накладывал последние мазки
сухого лака, шедшего в отлив,
на полотно с названьем «Ленин в Смольном».
В деревне стал явлением застольным
фанерный патефон. Уж брезжил срыв
кулацкой хлебной стачки. Волчий вой
на сходках РАППа сделался неистов.
Смеялся лидер правых коммунистов
Бухарин (как и Каменев — живой).
В год посещения Воландом Москвы
из коммуналок радио гремело.
И танцевался «Красный мак» Глиэра,
и замышлялись новые мосты.
Хруст португепи шел через плечо.
Максакова невыразимо пела.
Еще не шилось «шахтинское дело»
и спорилось о боге горячо.
Но бог не снизошел со стороны,
чтоб в юную безбожность окунуться,
в грядущее взглянуть — и содрогнуться,
и отвести Голгофу от страны,
которая, поднявшись на мыски,
смотрела на вождей своих с любовью,
которая потом оплатит кровью
год посещения Воландом Москвы.
Но бог не снизошел, не поглядел,
не вырвал очи, не забился рыбой.
Он просто оказался не у дел
пред истиной, рожденной красной дыбой.
Страна тонула с веком наравне,
но верила безумному парому.
И Аввакум сгорал в своем огне,
и Аввакум подбрасывал солому.
В президиумах властвовал графин —
на тушинском параде и в застенке...
И плавал шестиполый серафим,
рожденный полым разумом Лысенки.

Сияли футболистские мослы,
и оставался век — назло Европам —
до посещения герром Риббентропом —
вослед за герром Воландом Москвы.

* * *

Приукрашивать радости этих дней —
как подкрашивать волосы у корней.
Притороченный нежностью к стременам,
я тебя звал по ласковым именам,
по твоим безрассудным и молодым.
Становился подспудным летящий дым.
Становился невидным слепящий свет.
Становился невинным ночной ответ.
И сбегали веснушки вниз по руке,
словно лодки-вертушки вниз по реке.
Загоралась для бабьих грядущих ляс
забубенная оспинка возле глаз.
Был бы бог — обратился к его суду.
Но впервые я понял: не пропаду!
Ни в аду ночном, ни в раю земном.
(остальные страхи пока замнем!)
Приукрашивать радости этих дней,
как подкрашивать волосы у корней.

* * *

Ты стоишь, словно тонкое пламя.
Я ладонью прикрою: «Гори!»
Освети мою душную память.
Помоги мне дожить до зари.

Эти старые, старые чувства,
Наша совесть, низость и суд...
Никогда они нам не зачтутся,
Никогда они нас не спасут.

Наши ребра торчком выпирают,
Жметса сердце под зимним лучом...
А они черт-те что напевают
Или шепчут нам черт-те о чем.

Посулив золотое бессмертье
И жалеющий взгляд позади,
То одно, то другое, то третье
По ночам умирает в груди.

ПОХВАЛА РЕЖИССЕРУ

Весенний дождь (по режиссеру — снег),
оспорив принадлежность к нервным клеткам,

рождает дрожь (по режиссеру — смех).
И дождь, и дрожь — сродни зеленым веткам.

Грачиный грай (по режиссеру — взгляд
на бельэтаж) ведет, как грех под дуло,
в тот самый рай (по режиссеру — в ад),
где херувим играет Вельзевула.

Когда крыло оплечь — плечам невмочь,
и все-таки сорвать проклятый батник
мешает день (по режиссеру — ночь,
и черт-те что, но где-то сбоку — бантик!).

Когда в душе восходит трын-трава,
сомнение остается за пределом,
как будто непришитость рукава
к чему-то, слишком связанному с телом.

По Фрейду — из колыбки — за грехом.
По Федору Михалычу — в подростки.
По Дарвину — с деревьев — за грибком.
По режиссеру — с неба — на подмостки.

* * *

Пишите письма в молодость. Ее непреходящность
влилась в осенний колокол, как вечность,
вещность, вящность...
Полночное безмолвие становится рассветом.
Пишите письма в молодость с оплаченным
отсветом.

Пером с фальшивым отблеском строчите, дуйте,
врите
на еллинском и аглицком (кто может — на
иврите!).

Кофейная размолотость идет словам
влюбленным.
Пишите письма в молодость. Я буду почтальоном.

* * *

Вечность минус две зимы — мелочь.
Счастье минус две зимы — милость...
Словно руку обвели мелом
и, как крылышко, рука смылась.
А бумажку от конфет — в пламя.
И не шорох — только глас трубный!
У нее ведь есть своя память.
Ну а с памятью прожить трудно.

Я-то знаю по себе это,
потому что отыскал повод:
песня минус две зимы — спета.
Губы минус две зимы — холод.

Не Расстрижка, чьи глаза с углем,
стрижка наголо и жизнь — обруч.
Скипетр минус две зимы — Углич.
Сердце минус две зимы — Овруч.
Не царевич: рыжий нож — в глотку.
Не Лжедмитрий: пепелок — в пушку.
Память может подменить водку
или тающего льда кружку.

Я-то знаю по себе это.
Жизнь в комок, как простыня, сбилась.
Песня минус две зимы — спета.
Счастье минус две зимы — сбылось.

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

Родился в 1949 году в Южно-Сахалинской области. Окончил Ставропольский медицинский институт. Служил в Советской Армии. Стихи публиковались в журнале «Дон», коллективных сборниках «Молодость» и «Станция отправления», вышедших в Ставропольском издательстве. Автор пяти поэтических книг.

Живет и работает в городе Железноводске.

* * *

Выстелил к зиме кедровый стланник
Ржавую игольчатой листвою
Под ногами хлюпающий мшаник,
Ощущающийся как живой.

Может, для того, чтобы забылась
Меж людьми, вдыхающими тлен,
Кратких радостей несправедливость,
Мир души даруется взамен?

Многое, что может быть на свете,
Если мы живем, считая дни,

Или же рубахой ловим ветер
С глазу на глаз с родиной. Одни.

Это здесь, под северной зарею,
Прокричал мне падающий гусь,
Что и я глаза свои закрою,
Как от кислой клюквы — содрогнусь.

Никого страданье не жалеет.
И, когда накатывает мгла,
Хвойная игла с конца ржавеет,
Впрочем, как и всякая игла.

* * *

Река меняет русло навсегда!
И, словно в проредь невода ерши,
Беспутная — попробуй удержи! —
Уходит в прорву полая вода.

А старый берег, камни обнажив,
Пригодные для кладки прочных стен
Следит за тем, как выворотни ив
Поднять камыш пытаются с колен.

РОМАНС

Когда одиночество не по плечу
И кажется, всюду я лишний,
Цветущую вишню увидеть хочу,
Цветущую вишню.

Ты трогала ветку, и время над ней
Стояло звезды неподвижной,
Над белою вишней у черных камней,
Над белою вишней.

А двор проходной, с тополями в пыли,
С бельем на веревке провисшей.
Я помню тебя, словно вижу вдали
Цветущую вишню.

За все ее милости, что не учел
Садовник и сторож давнишний,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню.

В ДЕРЕВНЕ

Легко стоять в дверях зерносушилки
И хлеб жевать, уставясь далеко,
Прихлебывая прямо из бутылки
Домашнее
Парное молоко.

Легко мешки перенимать с подводы
Попеременке с другом,
Без обид,
Но я давно не помню той свободы,
Когда ничто души не тяготит.

* * *

В кружку налью и раздумаю пить,
Словно меня укачало
Или рисковую навек разлюбить
Малый буксир у причала.

Как из каюты на мир ни взгляни,
Всюду суглинок и сырость.
Не оттого ль за минувшие дни
Многое что изменилось.

На дебаркадере флаг полинял,
На кочегаре — тельняшка.
И с поварихою, как я узнал,
Всем разговаривать тяжко.

Узкая юбка, высокая грудь...
Счастье на грани скандала.
Только и радости — чубом тряхнуть:
Где наша не пропадала!

Только и дела — вздохнуть от забот
И пошутить, коль смеется:
Тот, кто и вправду от радости пьет,
Тот никогда не сопьется.

* * *

И славен был, и оклеветан,
И пешим был, и на коне,
И вот снежок слетает с веток,
И многое понятно мне.

И то, что всяк спешит скорее
Осилить путь, который крут,
И то, что женщины — стареют,
Как только лгать перестают.

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

Родился в 1950 году в Москве. Учился в Московском государственном университете на историческом факультете. Член Союза писателей СССР. Поэт и переводчик. Основные публикации — переводные книги Вондела, Мильтона, Китса, Киплингa, Рильке, Бенна.

* * *

Не понять — не постичь — не сберечь — не увлечь — не помочь
На задворках Европы стоит азиатская ночь.
Это клен одинокий руками разводит беду.
Это лебедь последний крылами колотит по льду.
Это гибнет листва, это ветер над нею поник.
Это в городе ночью звучит неизвестный язык.
Только миг обожди — и застынет река в берегах.
Только миг обожди — и по горло потонешь в снегах.
Для кого — для чего — отвернись — притворись — претворись
В холодеющий воздух, стремящийся в гулкую высь.
Что ж, лети — ибо в мире ноябрь, ибо в мире темно,
Ибо в небе последнем последнее гаснет окно,
Ибо сраму не имут в своей наготе дерева,
Ибо в песне без слов беззаконно плодятся слова...
Плотно уши заткни, сделай вид, что совсем незнаком
С этим странным, шуршащим меж листьев сухих языком.
Он неведом тебе, он скользящ, многорук и безлик —
Это осени клик, это пламени длинный язык.
Это пламя голодное желтые гложет листья,
И поручен ему перевод с языка темноты.

* * *

Здесь, на земле, странной пускай и неживой,
Город стоит, все-таки твой, все-таки твой.
Если замрет — пусть хоть на миг — сердце в груди —
В каменный лес, в каменный лес лучше найди.
Пусть это бред, пусть это сон, пусть это блажь —
Все-таки плюнь через плечо, нечисть уважь.
Под мостовой в трубах в песке стелется гул —
Все ли с земли ветер ночной нынче слизнул?
Думал, в реке стерлядь живет, либо лещи?
Нет, не уди, нет, не броди, нет, не ищи.
Дом твой давно отдан под склад, пущен на слом —
Малой слезы не пророни здесь о былом.
Если солжешь малой слезой, стон вознося,—
Прахом пойдет исповедь вся, исповедь вся.
Нет ничего здесь, в глубине каменных чащ —
Только горит мертвый фонарь — тускл, но слепящ.
Отражены в черной воде скованных рек
Улица, ночь, сто фонарей, десять аптек.
Город и гарь, ветер и смрад. Скажешь не ты ль:

Доброй землей станет в конце мертвая гниль.
Может, тогда — верить во мгле не устану —
Бросит Господь семя Свое в землю сию.

* * *

Природа слагает зеленое знамя ислама
И рушится ливнем багровых осенних отрепьев.
Комедия кончилась. Видно, готовится драма.
Григорий Отрепьев, до завтра, Григорий Отрепьев.

Димитрий, забудь, что по-летнему сердце пригрелось.
Холопов зови — посмеемся слетающим флагам.
Кончается лето. Объявлены осень и зрелость.
Последние клены толпятся багровым аншлагом.

Пусть карта небес побелела от звездного крапа —
Даст Бог, расхлебаем. Да мало ли в жизни историй!
...Но с хрустом песчаным осенняя сфинксова лапа
Сметает меня и тебя, малоумный Григорий.

Листва, отлетай, заметая следы безобразий,
Пусть рушатся листья и звезды — пустая утрата.
Эх, так-перетак, бесполезные звезды Евразий,
Григории всякие, чертово племя разврата.

А ждать неverteпуж, так и ждешь, как лежишь на иголках —
Природы покров не растерзан — он ярок, лоскутен.
Пусть осень подходит — распутица, грязь на проселках.
Григорий Распутин, до завтра, Григорий Распутин.

* * *

Вот и подошли мы то ли к перекрестку, то ли к семафору.
Кто предупредил бы, что ли, остерег бы, дал бы, что ли, фору?
Кто бы намекнул бы, поделился мыслью, мнением хоть каким бы?
Со всего, что свято, время беспощадно посдирало нимбы.
Посдирало шкуру, так что вспоминать ли ордена и даты?
Так что нам ли хныкать, так что нам ли вякать — сами виноваты.
Ни тебе закуски, ни тебе обслуги. Прочь, свиные хари!
Нет ни человека здесь, в людской пустыне, здесь, в мирской Сахаре.
Все, что зеленело, и луга и доли, вытоптали козы.
Ни тебе подхода, ни тебе погоды, ни метампсихозы.
Женщина приходит, женщина уходит — это сколько ж можно?
Сам не молодеешь, оттого, конечно, несколько тревожно.
Заживает рана, да не обольщайся — тонок эпителий.
За чредою пьянок так же неизбежна череда похмелий.
Всюду вой далекий, всюду крик тягучий — не предсмертный хрип ли?
Укажи, о Боже, как, да и во что же, мы, выходит, влипли?
Я кидаясь в полночь, в сырость и в бездарность, пропаду напрасно
В этой тьме поганой, потерявши голос — но крича всечасно:
Этот мир безумный, мир благословенный, грязный и постылый —
Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

* * *

А я ведь не знаю, какое сегодня число.
Куда меня ветром времен и за что занесло.
А я ведь не знаю, кто бог на сегодня, кто черт —
Желания нет забираться в подобный кроссворд.
Мне только всего-то узнать бы, что цел кошелек,
Что в чьем-то окне помаленьку горит фитилек.
Что люди опять помаленьку твердят о душе,—
Хотя в телевизор глядят («Пуркуа ву туше?..»)*
А я их люблю, с их похабным житьем да бытьем.
В жилетку поплакать им некому в мире моем.
Я — только звено, только спичка на горьком ветру.
Пока не велят — поживу, ничего, не помру.
Пока не зовут — поучу их неведемо чему,
Хоть малую искорку брошу в кромешную тьму.
А справа враги, а и слева, и прямо — враги.
Уж, Господи, хочешь, не хочешь, а мне помоги!
Легка Твоя ноша, и вечна моя похвала —
Но, Господи, я ведь не знаю ни дня, ни числа!

* * *

Эту цепочку ломкою строчкой увековечу:
Шило на мыло, мыло на сало, сало на гречу.

Эта цепочка — точно по схеме, точно по слепку:
Бабка за жучку, жучка за внучку, дедка за репку.

Кружатся годы — белые враны, черные чайки.
Не ошибиться в качестве шила, в сортности швайки.

Цифры да цифры — как конвоиры с фронта и с тыла:
Шило на мыло. Было да сплыло. Сердце остыло.

Только бы тихо, только бы глухо, шито да крыто.
Это не ярость, это не злоба. Это защита.

Это защита от снегопада, от перепада.
Чур: не бороться. Если не дали, значит, не надо.

Можно молиться даже в канаве, даже в борделе.
Чтоб ненароком, в самом бы деле, свиньи не съели.

Чтобы как надо, шелестом сада кончилось лето.
Боже, спасибо: даже за это, даже за это.

Все остальное — побоку, на фиг. Не было речи.
Снеги да вьюги. Ветер на круги. Вечность, до встречи.

---

* См. А. С. Пушкин, «Дубровский».

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

Родился в 1961 году в Черкассах. Окончил английскую спецшколу, а также музыкальную школу по классу фортепиано. Работал военным переводчиком в Республике Афганистан. Был тяжело ранен. Имеет боевые награды. В издательстве «Молодая гвардия» вышел первый поэтический сборник «Разговоры со смертью». Живет и работает в Москве.

СОЛНЦЕ В ОСКОЛКАХ

Все, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,—
Все, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту...
Н. Г у м и л е в

Ты откуда пришла, синева?
Распростерла горячие крылья,
И в щемящем до боли усьлье
Закружилась моя голова.

Ты поведай мне боль, синева!
Ты как будто усопшая память,
Что от века кружится над нами
И не может облечься в слова.
Ты как будто уставшая грусть,
Что покой расплескала в лазури,

ФУГА ДЛЯ НЕСОБРАННЫХ ОСКОЛКОВ АВТОПОРТРЕТА

Бой, сраженья, кровь и раны —
Все сплошные мелодрамы.
Славно выдумал, старик!
Ничего ведь не случилось —
Только зеркальце разбилось,
Отраженье раскрошилось,
Что скрывало прежний лик.

Пушки выбили оправу...
Не печалься, боже правый,—

ЧАСЫ СТРАХА

Ты, быть может, в ученье

Бушевавшие выстрадав бури,
Пересилив их горестный груз.
Ты лети поскорей, синева,
От Каялы, Непрядвы и Волги —
В край, где видел я солнце в
осколках,

Где зеленая жухнет трава.
Ты неси свой лучистый фиал
За границу, где был
и где не был,
Чтобы высилось чистое небо
Над горами, где я погибал,
Где не сыщешь братишек
останки..

И тогда я уйду
спозаранку
И восстану над красной травой
Уплывающей вдаль
синевой.

Лучше тисни письмецо,
Попытайся из осколков,
Словно мысль из недомолвков,
Вновь собрать мое лицо!

Поезд мчит во мгле кромешной,
Но опять в тиши прибрежной,
Словно межи в борозде,
Чьи-то пламенные лица,
С жаждой перевоплотиться,
Отражаются в воде.

достигнул вершин,

Но в бою это
   вовсе не важно:
 Ты остался с собою
   один на один
 В час, когда только пулям
   не страшно.
 Хлесткий ветер ударит
   тебя по лицу,
 Пыль проникнет
   за ворот рубахи,
 И к тебе, удалцу, молодцу, храбрецу,
 Подкрадутся гремучие
   страхи.
 А еще и не начался
   первый твой бой,
 И такая
   у каждого участь:
 В напряжении сил, в мертвой схватке
   с собой
 Погасить
   этих монстров гремучесть.
 Нет, не мы в эти горы
   накликали бед,—
 Змеи, змеи кругом в год дракона..
 Кровью пирровых наших, но славных
   побед
 Мы достигли границ
   Рубикона..
 Ну а после, в Союзе,— кричи не кричи —
 На обломках
   дряхлеющей веры
 Кто-то скажет нам ласково: вы —
   палачи,
 Вы —
   аллаха земель..
   браконьеры.
 Ты, быть может, в сраженье
   достигнул вершин,
 Но в миру это
   вовсе неважно:
 Ты остался с собою
   один на один
 В час, когда
   только пулям не страшно.

ЦЕРКОВНЫЙ СЮЖЕТ

Приходят о гибели вести,
 И память о них не стереть.
 А знаешь, дружище, по чести
 Нам надо бы
   братством всем вместе

В обитель уйти и скорбеть —
 Молясь тем, кто пал
   за рекою,
 Но мы возвращаемся в мир,
 Где дьявол кровавой рукою
 Наш доблестный путь
   обагрил.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СКАТ

*Рыба ищет, где глубже, человек —
где лучше. Но иногда и человек
ищет, где глубже, хотя и ясно видит,
что там не лучше.*

Лев Шестов

Электрический скат в глубине
Плавно машет крылами, как птица,
Редко ищет моллюсков на дне
И не хочет чуть-чуть порезвиться.
Но обманчива вялость его:
Кто заденет его ненароком,
Оскорбит в сокровенном — того
Обдаёт он неласковым током.

Я был ранен на минной войне,
И в течении жизни покатом
Ещё долго мне плыть в глубине
Молчаливым пустынным скатом.
А среди мутноватых глубин —
Те же рыбы, трусливы и храбры,
И, как прежде, реален один
Лишь песок, засоряющий жабры...
Оттого и желанья смутны,
И мерещится запах тротила...
Я ещё не вернулся с войны.
Погасите дневное светило!

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НИКОЛАИ СТАРШИНОВ

ПОЭТ НАТАЛЬЯ БУРОВА

В 1961 году мне посчастливилось около двух часов беседовать в домашней обстановке, за самоваром, с Анной Андреевной Ахматовой.

Когда разговор зашел о современной поэзии, я назвал имя одной молодой поэтессы, которая как раз в ту пору входила в моду,— мне казалось, что ее стихи должны были нравиться Анне Андреевне.

— Я не понимаю, почему вокруг этой девочки поднято столько шуму?! — удивилась Ахматова.— Я в ней ничего особенно интересного не вижу... Решительно ничего!..

Она вдруг необыкновенно оживилась:

— Вот живет в Ташкенте Наталья Бурова — это поэт милостью божьей!.. Ее ни с кем не спутаешь!

Действительно, стихи Натальи Буровой, с которой я вместе учился, были настолько яркими и самобытными, что по рекомендации Н. Тихонова и В. Луговского ее в виде исключения приняли в Литературный институт, хотя у нее не было среднего образования...

На первых порах литературная судьба Натальи Буровой складывалась достаточно удачно. Подборка ее стихов появилась в журнале «Знамя», потом в сборнике «Молодая Москва», вышедшем в 1947 году к открытию I Всесоюзного совещания молодых писателей.

Но она тяжело заболела и вынуждена была оставить Литературный институт. Несколько лет о ней ничего не было известно. Потом ее обнаружили в каком-то отдаленном селении, где она работала медсестрой.

Отдельные ее стихотворения снова появились в печати, а в 1965 году в издательстве «Советский писатель» вышла ее первая книга «Семиречье». Она сразу привлекла внимание читающей публики и критики.

В ее широких, просторных стихах, при всей их женственности, была огромная, почти мужская сила, которая проявлялась во всем — в ритме строк, в образной системе, в удивительно конкретном и в то же время эпическом восприятии мира. Из них вставала ее родина — Средняя Азия:

От родины моей далеко города,
И за ночь не дойти до Каракола,
И надвое пустыню расколола
Цветной полоской горная вода,
Журча в камнях, выбитых и голых...
...От родины моей далеко города,—
Там хлесткие дожди и паводок обилен,
А по ночам осматривает филин
Жующие под звездами стада,
И камень опрокинутый намылен
Водой — не высыхает никогда.

Там каждый день казался мне новей,
И было много незнакомых звуков,
А дедушка казался мне сильней
Привидевшихся в снах богатырей,—
Он брал в карманы сладости для внуков
И бил кнутом плечистых сыновей...

Но судьба сыграла с ней снова злую шутку. Во время обострения болезни, когда она находилась в больнице, сестра поэтессы отнесла в Союз писателей Узбекистана тетрадку с ее стихами.

Работник Союза писателей А. М. Иванов, воспользовавшись ее болезнью и опираясь на поддержку Ш. Рашидова, не только не опубликовал стихи Буровой в своей книжке, но и обвинил ее в плагиате.

Хорошо еще, что поэтессу поддержали знавшие ее стихи еще в институтские времена товарищи по учебе — К. Ваншенкин, И. Гофф, Р. Гамзатов, О. Кожухова, Я. Козловский, Вл. Солоухин опубликовали в «Литературной газете» письмо в ее защиту. И суд не только оправдал ее, но и признал виновным настоящего плагиатора А. М. Иванова. Впрочем, никакого наказания ни за литературное воровство, ни за клевету он не понес. Дело было замято не без помощи того же Ш. Рашидова...

Все это пагубно отразилось на психике замечательной поэтессы, окончательно подорвало ее здоровье. А в 1979 году она загадочно погибла — ее тело было обнаружено в канале под Ташкентом...

У Н. Буровой вышли книги стихов «Семиречье», «Теплые камни», «Лицом к свету», «Год аиста», «Зеленые шары», «Синяя птица», «Горький колодец», «Тамариск».

За месяц до ее гибели я получил от нее письмо и полтора десятка стихотворений. Это письмо и стихи сохранились у меня. Сегодня мы их публикуем в альманахе. Написаны они, видимо, в 1978—1979 годах.

Мне остается выразить надежду, что ее замечательные стихи когда-нибудь будут изданы наиболее полно. Пусть с большим опозданием, но это должно произойти: стихи Натальи Буровой — яркая страница в нашей поэзии.

НАТАЛЬЯ БУРОВА

* * *

Алые раскроются тюльпаны,
Первый дождь омоет лебеду.
Может, призрак явится незваный,
Чтоб руками развести беду.

Но не развести ее руками,
В ней и грусть и злая немота,
Ласки не добудешь кулаками,—
Дорого дается правота.

Как забыть обиды, оговорки,
Если в песне вся не изольюсь?

Неохотно раскрывает створки
С дна морского поднятый
моллюск.

Никогда не жаждала я славы,
Ни хорошей славы, ни худой.
Саженцы берут не для забавы,
Раны закрывают добротой.

Как росточки вытянутся дети,
Сбросит дуб немало желудей —
Все равно на солнечной планете
Невозможно выжить без людей.

ОДА КНИГЕ

Я за добрые книги, хорошие книги,
Ради книги легко пережить и вериги.
Не страшны ради книги ни смерть, ни позор.
Книга — это наш детский осмысленный взор.
Книга — это моря, океаны,
Это свечками в небо немые каштаны,
Это ветер свободный, это царственный лес,
Это мир наш огромный, сверкающий весь.
Это льдинка холодная в теплой руке,
Ручеек торопливый, бегущий к реке.
Это солнышко наше и наша любовь,
Это руки в мозолях, растертые в кровь,
Материнство, сиротство и горечь судьбы,
Это яркие зори, это пламя борьбы,
Это взгляд человеческий, полный мольбы,
Чистота и здоровье, и голод, и срам,
Беспощадная суть человеческих драм.
Это воля и счастье, и желанье дружить.
И пусть сгинет все то, что мешает нам жить.

* * *

Милосердие! Милосердие!
Ни к чему мне теперь бессмертие.
Ясно светят мне сердце матери
И чистейший сыновний взгляд.
Пусть зловеще дымятся кратеры,
Пусть в бокале искрится яд.

Есть на свете любовь нетленная,
Есть горящие вечно факелы,
Есть на свете крошечный грех.
Я дивилась, как ивы плакали,
Я дивилась, как цвел орех.

* * *

Птицы тоже, тоже умирают.
Все равно не видывала я,
Как они от времени сгорают,
Исчезая в поле бытия.

Сколько раз от стаи воробьиной
Осыпался царственный чарас.
Воробьям приписывают вины
Садоводы многие не раз.

Но ликуют солнечные птицы —
Журавли, пичуги, пустельга.

Не мечтаю о вешних радугах,
И улыбок не жду я дружеских,
Не смотрю на дорогу дальнюю,
В неоплатном живу долгу.
Даже женщине нужно мужество,
Чтоб судьбу разделить печальную,
Чтоб всеильному лгать врагу.

Милосердие! Милосердие!
Ни к чему мне теперь бессмертие,
Но пусть светятся сердце матери
И чистейший сыновний взгляд,—
Пусть зловеще дымятся кратеры,
Пусть в бокале сверкает яд.

Даже совам иногда не спится,
Когда птицы чувствуют врага.

Хоть не знаю я трагедий птичьих.
Птичьих трупов не видала я,
Птиц из теста (был такой обычай)
Мать когда-то делала моя.

Время перечеркивает лица...
Долго ль по дороге захиреть!
А мне тоже хочется стать птицей,
Чтобы незаметно умереть.

Все же под счастливою звездой
Золушка родилась на земле.

Босиком прошла по травостюю,
Прятала картошины в золе.

Праздновала ранние рассветы,
Под котел бросала кизяки,
Старые запомнила приметы;
Провожая птичьи косяки.

Золушка! пусть меркнет моя
память,
Пусть сожгут стихи мои в костре.
Пахнет мандариновая мякоть
Югом в белоснежном январе.

Далека я от прекрасных сказок,
От улады сердца далека,

И порою не хватает красок,
Чтоб увековечить голубка.

Жизнь прошла, и каждая нелепость
Застилает горизонт вдали.
Коньяка сверкающая крепость
Тоже оправдание земли.

Маленькие Золушкины руки
День грядущий даровали мне.
Перед нею замирали звуки
И цветы горели на стерне.

Мне фальшивых радостей не надо.
Жизнь моя — цветочная пыльца.
Песнь моя — сердечная отрада,
Только ты верна мне до конца.

* * *

Почему ты не хочешь мне сниться?
Пропадаешь во тьме почему?
Негодую, а надо смириться,
И становится тошно в дому.

Ничего не открылось, не сбылось.
Сколько лет миновало и зим.
А хорошее просто забылось,
Как сгорает в моторе бензин.

Я была для тебя небылицей,
А могла бы и матерью стать.
Как-никак забываются лица
И минувшего не навестать.

Я хочу, чтоб ты снова приснился,—
Между нами натянута нить,
Чтобы голубь связующий взвился —
Это в памяти надо хранить.

МАСТЕРСКАЯ

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

ПОДРАЖАНИЕ БАТЫРАЮ

(Из книги стихов)

В истории литературы известен такой жанр, как подражание. Его родословная началась с фольклора. «Бродячие сюжеты» сказаний, легенд, мифов — это не что иное, как подражание. Автор художественного подражания в отличие от фольклорного — заимствует манеру письма, систему изобразительных средств, форму, но далек от чужого сюжета, далек предшествующему содержанию. Оставаясь самим собой, он создает не подражательную картину жизни, восприятия истории, осмысления человеческих взаимоотношений, он создает собственное ристалище страстей, он дает собственную оценку событиям и смотрит своими глазами на те или иные явления природы. Он чем-то похож на поэта-переводчика, чем-то на музыканта, который в стиле ретро пишет современную симфонию, а часто он походит на актера, который с позиций сегодняшнего дня переосмысливает в своей игре образ героя из старой пьесы.

В русской поэзии прошлого века подражания были широко распространены. Вспомните подражание Пушкина (Корану, Песни Песней, Анакреону, Данте), Лермонтова (Байрону), Некрасова (Шиллеру), Языкова (Псалму СXXXVI).

Я написал подражание Омарлы Батыраю — прекрасному даргинскому поэту. Он родился в ауле Урахи еще в пушкинскую пору. Его яркие, неотразимые стихи, исполненные почти зрительной выразительности, со своим инверсионным строем, похожие на кубачинскую насечку, меня очаровали в дни моей молодости, когда я знакомился с горской поэзией Дагестана.

Что из моего подражания получилось, пусть судит непредвзятый читатель.

* * *

Раскалив в огне тавро,
Как издревле повелось,
Свой рукоприкладный знак
Ставил горец на коня.

Совесть раскалив в груди,
Словно в кузнице чекан,
Слово на устах таврил
У даргинцев Батырай.

* * *

Из Египта Моисей
До израильской земли
Вел евреев сорок лет,
Хоть дороги — сорок лун.

Сорок лет их вел пророк
Для того, чтобы в пути
Рабства выветрился дух
В соплеменниках его.

Рис. Э. Мунка

* * *

У султана как-то раз
Молодой спросил визирь:
«Кровожадной тигра кто?»
И сказал седой султан:

«Кровожадной тигра муж,
Что жену свою застал
На постели не одну,
А с любовником вдвоем».

* * *

В древнем Вавилоне был
Храм Милеты. В жертву ей
Целомудрие свое
Приносили девы там.

И богиня этот дар
Принимала всякий раз
Через собственных жрецов,
Что порой валились с ног.

* * *

«Марк Антоний, что, ответь,
Было битвы горячей?» —
«Горячее страсть была
Женщин нильских берегов».

«Марк Антоний, что, ответь,
Холодней меча в ножнах?» —
«Холодней его — уста
У разлюбленной жены».

* * *

Из похода царь Бобур
Возвращался в Самарканд.
Книги на верблюдах вслед
Рукописные везли.

А в кутузовских войсках
Был калмыков эскадрон,
На верблюдах он вступил
Вместе с гвардией в Париж.

* * *

Чавчавадзе был убит,
И грузинские мужи
Из Сурама на плечах
До Тифлиса гроб несли.

Камень вырубив в горах
Для надгробия, они
Начертали в честь любви
Только имя лишь: «Илья».

* * *

Трижды грешен тот монах,
Что не одолел соблазн
И глядит из-за кустов
На купающихся баб.

Трижды грешен тот поэт,
Что, призванью вопреки,
Правду голую сокрыл
За кустарником вранья.

* * *

Отлетел гусиный крик,
Дни предзимия в тайге.
И, на водке настояв,
Красный корень пьет хакас.

Видел он, как вожделив,
В пору гона был марал,
Что заране кровь свою
Красным корнем распалил.

* * *

Неразлучна с ним была
Тень, как преданный двойник,
И на память — знала все
Пройденные им пути.

Он под пыткую себя
И ее оговорил.
Но она, хоть били в кровь,
Не сказала ничего.

* * *

Мчится между пристяжных
Коренник зимы — Январь,
На дороге — четырех
Лун впечатаны следы.

А когда ускачет он,
Снег взметая из-под лун,
Неизменно — два часа
Белому прибавит дню.

* * *

Грудь под шелком обливным
Дерзостно несла она,
Чьи два темные сосца
Словно целились в мужчин.

И казалось оттого,
Что за пазухой она
Два нацеленных несет
Пистолета боевых.

* * *

Двести двадцать Сименон
Смог романов написать,
И еще печатно он
Признавался пред людьми

В том, что якобы имел
Полубовниц десять тыщ
Для того, чтобы познать
Жен таинственную власть.

* * *

Пусть правитель триста лет
Будет жить, когда в стране
Благоденствие царит
И вражда запрещена.

В поте своего лица
Пусть живут кузнец и жнец,
И слывет на всю страну
Безработным гробовщик.

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА

Поэт ли пишет стихи, стихи ли «пишут» поэта? В данном случае, по моему убеждению, как раз стихи «пишут», составляют из многоцветных и разнозвучных осколков жизненного калейдоскопа портрет пишущего. Они — как поток, смешавший в себе жесткую подетальную реальность — и закодированную ирреальность образов; они ассоциативны и вместе с тем — в них крепок стержень основного замысла; в них вроде бы что-то лишнее, случайное, как в бегущей весенней воде, и — вот незадача! — без этого «лишнего» они, по-видимому, просто не состоялись бы. Этот поток выплеснулся наружу, но вместившись в живое человеческое сердце. Он выбивается из заданной формы,

как из берегов, и в то же время тяготеет именно к классической форме. Он по-весеннему взбаламучен и сумбурен, но этот поток — поэзия. С радостью и надеждой рекомендую стихи молодого поэта Владимира Чибисова читателям альманаха «Поэзия».

ВЛАДИМИР ЧИБИСОВ

ЛЕСТНИЦА

Напирай, за перила держись.
Мы идем только вверх, только
вниз.
Задержаться б, как в детстве
на слове,
Состыкованном через дефис.

Вот состаришься, сев на ступень,
И вот здесь то ли ночь, но не день.
А какой-нибудь вечер да утро,
И длинна твоя штучная тень.

* * *

В небе красный шар повис.
Тень от нас упала вниз.
Тень от нас упала рядом,
Пыль надземную прибив.
Сверху смотрит синим взглядом
Небосвода объектив.

* * *

День закрывается бесшумно.
Ночь поднимется. Она
Разучила роль безумной,
В серый плащ облачена.
Мне идти сквозь законный
Город без проводника,
Постигая смысл закона,
Не открытого пока.
Что за сила давит книзу,
Если ты один бежишь
По ночи, как по карнизам
Свежевыкрашенных крыш?
Кто-то страшный дышит в спину.
Не оглядываться! Там
Нечисть ищет мертвечину,

И сидим мы, и нам по пути,
И у нас уже ветер в горсти,
Мы теперь испокон молодые,
И сквозь нас уже можно пройти.
И о нас уже можно не знать.
Мы, как духи, отозваны вспять.
Нам оставлен лишь взгляд
бестелесный
Испугавшихся в спину толкать.

Нас огонь никакой не сожжет.
Не на нас остановится счет.
Да хранит нас надежда, и вера,
И любовь, или что там еще...

Мы позируем с задором.
Ты——Икар, и я——Икар.
Небо щелкнуло затвором.
Вспыхнул ярче красный шар.
Вверх посмотрим. Засмеемся.
Захотим и вознесемся.
Захотели. Вознеслись.
Тень от нас упала вниз.

Рыщет, жметя по углам.
И бегу я, беззащитный,
К свету дальнего огня.
Крови запах первобытный
Не догнал еще меня.
А вдали уже мерцает
Голубой огонь в окне.
Старец древний отворяет
Дверь скрипучую в стене.
Там старинный рай фабричный.
Тень на красных кирпичах.
Пыль чугунная в лучах
Подвесной луны тепличной.
Там Мария Магдалина,
Отказавшись от греха,
Спит у паровой машины
В ожиданье жениха.

Я вхожу под свод гудящий
У вселенной на краю,
Прохожу среди стоящих
И стоящих узнаю,
И хочу остановиться,
Отдышаться и напиться.
Здесь сошлись, чтоб потесниться

В страхе, в радости, в тоске.
Сверху синий свет клубится,
Пепел бронзовый струится
И блесит на верстаке...
И грядет невдалеке
Неизвестный в плащанице
С штангенциркулем в руке.

* * *

А чего бы здесь еще. Песни и считалки.
По стране небитых бьют. Дует из окна.
Я стою один, как волк, в дебрях коммуналки.
Здесь одна жила моя, дальняя одна.

У меня была она. А когда — не знаю.
Ночь стояла на дворе. Пели за стеной.
Мы сидели на полу, «Капитал» листая,
А в ногах у нас хромал ослик заводной.

У меня был умный пес даровой породы.
Мне сказали, что его ночью или днем
Вдел в железную петлю санитар природы
С документом в пиджаке, пьяный за рулем.

У меня был в клетку лист, и по этим клеткам
Я водил карандашом, пальчиком водил.
А еще с гуашью тушь, с циркулем пипетки.
А еще бы разных мне красных бы чернил.

А чего бы здесь еще? В эпицентре мира.
Я стою себе один. И моя страна.
Я стою один, как волк, посреди квартиры.
Здесь одна жила моя, дальняя одна.

* * *

Здесь, где царствует хаос, подвид или класс,
Лето кончилось или зима пронеслась.
Наступает сентябрь или март.
Увлечемся масштабами карт.
Мы умелой рукой прибавляем нули,
Чтоб увидеть внизу закругленье Земли,
И, на этой вися высоте,
Видим жизнь на квадратном листе.
А теперь убираем нули до тех пор,
Пока вдруг не увидим знакомый забор,
На котором плохие слова
Из-под краски заметны едва.
Наша улица. К окнам здесь тополь приник.
Или в прошлом году здесь сгорел дровяник.
Или девочка есть тут одна.
Или скоро уедет она.

Ты выходишь на улицу за молоком.
Или вечером танцы в саду городском.
Или воздух тревожен на вид,
Будто где-то пружинка звенит.
А часы на руке все идут и идут.
Стрелка плоская помнит порядок минут
И вращается, как бы сама,
Заведенная силой ума.
Время, плотно притертое с осью земной,
Так устроен внутри механизм часовой.
Мерно тикают звезды с орбит,
И стальная пружинка звенит.

* * *

Со всех сторон встает заря.
Зима растет из декабря,
И снежный выпел циферблата
Царит над горами старья.

Чужак, качаясь на ветру,
Прибился к нищему двору
И, сев на камень, тянет руки
Сквозь хлам дымящийся к костру.

А у костра сидели мы,
Сжигая мусор в честь зимы.
У нас закончились уроки,
И мы сбежали из тюрьмы.

А снег — как соль на языке.
А радость — птица в кулаке.
На берегу пустых бутылок
От злого горя вдалеке.

СТАТЬИ

А. В. МИХАЙЛОВ

ПАМЯТИ СТАРОГО ПЕРЕВОДЧИКА

(Н. А. Холодковский)

Среди немалочисленных русских «Фаустов» Гёте выделяются два — «Фауст» Бориса Пастернака и «Фауст» Николая Александровича Холодковского.

Впрочем, русских «Фаустов» немало, но доведенных до конца, полных, как раз совсем немного. Перед Фаустом II с его целым космосом хотя бы одних метров, не говоря об образах и смысле, оставалось большинство тех, кого не так страшило само соперничество с Гёте.

Из двух же названных «Фаустов» один отмечен высоким поэтическим подъемом, свойственным великому поэту, и еще тем, что он есть сознательная и подсказанная переводчику интерпретация немецкого шедевра. Разумеется, всякий перевод есть интерпретация. Однако есть большая разница между интерпретацией, уже вставшей как проблема, которую не обойти, и интерпретацией, которая как таковая не осознана и вместо которой переводчику кажется, что он передает оригинал на некотором общем чувстве смысла, стоя с поэтом на одной почве. Тут сама проблема перевода не сделалась еще столь острой, а презумпция переводимости не подвергнута сомнению; ничто не разъедает душу, и можно даже — будь только время — переводить очень много и уверенно. «Фауст» Пастернака, помимо несомненных поэтических высот, демонстрирует еще и известную суженность — относительно оригинала, суженность именно поэтического мира, между тем как Гёте себя по возможности ничем не ограничивал — и оставался самим собой лишь в той мере, в какой от себя все равно не уйдешь. Сравнить же с Борисом Пастернаком Н. А. Холодковского как поэта вовсе не приходится — странным образом человек, переведший за свою жизнь десятки тысяч строк (Холодковский), собственно, поэтом отнюдь и не был, — он переводил хорошо, и иной раз хорошими, на худой конец сносными стихами, но все хорошее и дурное, успешное и неудавшееся в его переводах — лишь отблеск чужой поэзии и чужого, воссоздаваемого мастерства. Насколько прозаичнее и трезвее Гёте у Холодковского, насколько сокращает он масштаб немецкого поэта, настолько же он сужает его по собственной воле — он, только послушный своему мастеру. Странный это поэтический феномен, Николай Александрович Холодковский, вышедший из каких-то поэтических безымянных низин русского XIX столетия, второй его половины, и в то же время, несомненно, не утративший своего значения! И доказавший право на память потомков и на их удивление!

В. В. Ястребцев в своих воспоминаниях о Н. А. Римском-Корсакове рассказывает о приехавшем из провинции молодом человеке, любителе музыки, — он, на представлении «Млады», узнает, что композитор с

семьей сидит через ложу от него, и тогда восклицает: «Господи! Мог ли я когда-нибудь мечтать так близко видеть такого гениального человека! Мне даже как-то жутко» (Воспоминания В. В. Ястребцева. Л., 1959, с. 70). Тут сильно сказались вторая половина века, ее представления. Не незначительное восклицание, но теплое и проникновенное. Оно свидетельствует о молодом человеке как прекрасном и убежденном слушателе музыки, перед которым музыка русского композитора предстала во всем ее величии, недоступном тогда очень многим еще слушателям, критикам и специалистам. Да и Римский-Корсаков написал тогда лишь четыре из 15 своих опер, и «Млада» была всего четвертой. И оно свидетельствует о настоящем переживании гениальности, слово не стерлось и не опошлилось, гениальность прочувствована во всю меру. И ощущение подлинного уровня искусства перенесено на человека, на его творца — он зримо олицетворяет свое искусство, свою гениальность. Ему можно бы почти поклоняться. Он вызывает трепет. Гениальность разделяет — гения и простого человека, который ему внимает... Разделяет? Нет, не только... Она и соединяет. Потому что это гениальное искусство понятно, и оно понятно настолько, что и не возникает ни малейших сомнений в том; нет, кроме факта самой гениальности, ничего в этом искусстве ни недоступного, ни таинственного, ни загадочного, ни закрытого, ни утаенного, ни отталкивающего слушателя своей неприступностью, нет в нем ничего высокомерного, нет ничего нечеловеческого или сверхчеловеческого... Нет настолько, что даже и не может быть ничего такого. Ничто не разделяет композитора и слушателя, гения и его понятливого современника и свидетеля, и вот, может быть, это-то и внушает ужас. Это искусство рядом, а ведь какое оно, несомненно, гениальное!

Гений остается гением, а ведь до него все равно близко, и есть соединяющая плавность, без ущелий и даже без рытвин. И, кажется, вот такой была и эстетика Н. А. Холодковского. Было в ней нечто трезвое, простое и как бы совсем не поэтическое, если брать это свойство само по себе. Не чуждо ведь оно было и Римскому-Корсакову, который, верный земному призванию искусства, как понимал он его, бесконечно далек от любых восторгов по поводу гениальности, который смотрит на все очень реально и который даже с своей собственной гениальностью обращается, на удивление, здравомысленно-прозаично, вроде бы и не замечая ее. Не считая, во всяком случае, нужным задерживаться на ней своим вниманием... Сами произведения получаются несравненно, несопоставимо более поэтичными, чем то, что автор считает нужным о них подумать и сказать. На такой же трезвости зиждется, наверное, и все понимание искусства у Н. А. Холодковского, который переводил Гёте, Шиллера, Мильтона, Байрона, Лонгфелло, Ленау, Имре Мадача, Зигфрида Липинера... Боже! чего же он только не переводил — и какие все по преимуществу большие, капитальные, основательные, неподъемные вещи, длиннейшие философские поэмы. Можно подумать по неведению, что это трудится какая-то переводческая фабрика, а не один человек! Кто-то к тому же со всем справляется, не страшится никаких изысков, все ей по зубам, ни один замысловатый метр не остановит ее, ни один метр...

Кто не знает, для того будет полнейшей неожиданностью узнать, что всей этой переводческой фабрикой единолично владел, и ею единолично управлял, и ее воплощал человек, который всю жизнь был страшно занят, — недаром он был профессором с европейским именем, энтомологом и гельминтологом, преподавал в Лесном институте, в Военно-

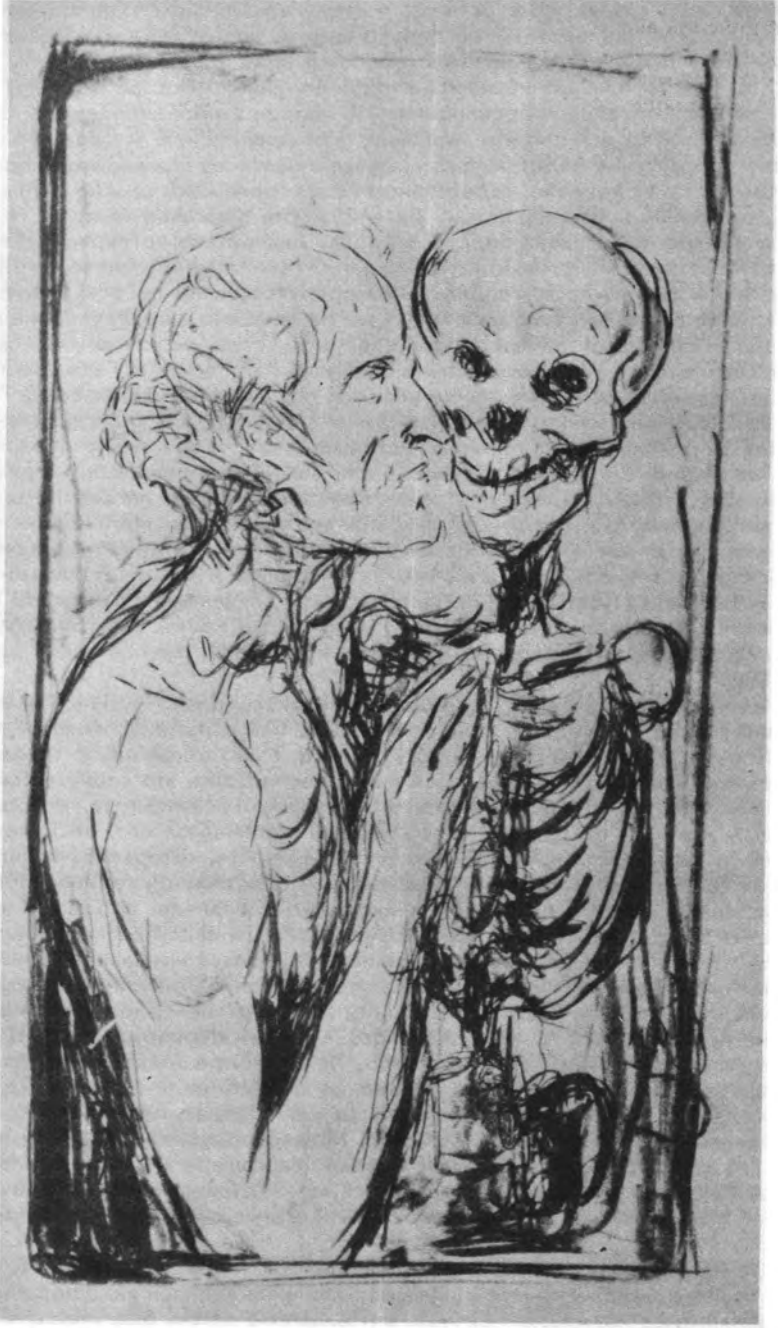

Рис. Э. Мунка

медицинской академии, которую кончал (когда она называлась Медико-хирургической академией) и которая, как известно, навеки славна химиком-композитором Александром Порфирьевичем Бородиным; недаром после революции, когда есть было нечего, он одновременно заведовал сразу тремя кафедрами (без всякого выигрыша для проблемы продовольствия). Тогда же, после революции, обреченный на умирание ненужностью и нездоровьем, он особенно много переводил (и стихов, и явно вынужденной прозы) и тут исключительно малоуспешен был с пробиванием своих переводов — в отличие от старого времени, когда, кажется, все напереведенное публиковалось и даже тем же любезным сельхозиздателем Девриеном. Н. А. Холодковский так был занят основным своим делом, что, совершаясь то по нормам нынешнего быта, ему и не снились бы никакие переводы... Заметим, однако, что, родившись в Иркутске, в семье военного врача, Холодковский учился в Первой Санктпетербургской гимназии, которая, укрепленная перед самым поступлением его еще и греческим языком, дала ему такую филологическую подготовку, которая и обеспечила будущему зоологу успешность его второй профессии. Прежде человек становился филологом, то есть любословом и любосмыслом, и отсюда прямой путь вел даже и в гельминтологию, если уж она так привлекала молодого человека своей особой поэзией. А она привлекала и увлекала, без чего нет и науки. Вот темы некоторых работ Н. А. Холодковского — магистерская диссертация о мужском половом органе чешуйчатых, докторская — об эмбрионном развитии прусака (носящего красивое латинское имя филодромии германской). Заглавие одной из последних работ (1919) звучит завораживающе: «О половом аппарате хренового листоеда».

Поразительна широта мира, который вмещал в себя разное (столь разное), явно объединяя все. Например, Н. А. Холодковский должен был передать несказанно-греческую плавность выхода гётевской Елены:

Хвалой одних, хулой других прославлена,
Являюсь я, Елена, прямо с берега,
Где вышли мы на сушу, и теперь еще
Морской живою зыбью опьяненная...

Несомненно, не достигнут уровень оригинала, однако перевод лежит в той же плоскости.

Хуже достается заключающему трагедию мистическому хору:

Лишь символ — все бренное,
Что в мире сменяется;
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания,—
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит,
И женственность вечная
Сюда нас возводит.

Как видно, понимание этих, скорее загадочных гётевских строк не составило большого труда для Н. А. Холодковского. Задача анализа выполнена им безукоризненно. Однако собрать разложенное в единство символа, тем более символа, внезапно уловленного поэтическим словом,

не удалось, и заключительный хор трагедии застревает на своей косноязычной ясности.

Но, впрочем, трагедия ли? Холодковский трагедию Гёте как такой жанр и не воспринимал — скорее как поэму. А все действительно трагическое в ней отодвигалось в тень, как и положено было читать такую вещь очень оптимистически и демократически настроенному русскому профессору, мысли которого сложились в ощущении необычайных потенциалов, что заложены в народе. И все это свое мировосприятие и мироощущение Холодковский, как тут и подобало, незаметно переносил на Гёте. «Гёте пришел к глубокому убеждению, что главный смысл, главное содержание сознательной человеческой жизни состоит в постоянной работе над собой, в упражнении и развитии вложенных от природы в человеке способностей и в совершенствовании через это его духовного существа». Усмотрено нечто для Гёте безусловно важное, но только Гёте был бы устремлен такой плоской распластанностью своего зрения. И еще о Фаусте: «Герой поэмы после долгой борьбы, долгого опыта, долгой работы над самим собой достигает высшей степени духовного развития, высшей точки «мудрости земной», и задачу свою полагает в том, и других людей привести к той же цели, видя в этом залог истинного благоденствия человечества... Не в каналах и плотинах дело, а в сознательном труде для общей цели, в труде, возвышающем человека и воспитывающем поколения. Поэтому-то и говорит Фауст, что свободы, как и самой жизни, достоин только тот, кто ежедневно заслуживает их трудом и борьбою, и что только таким путем может развиваться истинно свободный народ...» И опять нет ничего, собственно, неверного в этих словах, кроме нудности прозаического пересказа того, чего у Гёте... нет. Как нет?! Нет — в такой однобокой отдельности, в такой позитивистической одноколейности. На нее не надо было тратить и стихов. Но потратили, и Холодковскому тут, где его мироощущению привелось совпасть с гётевским моментом, случалось высказаться и классическим совершенством:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

И, подобно Фаусту, Холодковский-переводчик совсем забывает все, что творится кругом. Это говорит русский ученый с народническими тонами на его самозабвенной лире. И эта манера — вовсе не замечать беды, какая творится с Фаустом, и всей кричащей контрастности совершающегося окрест — как-то надолго установилась в нашем литературоведческом восприятии, так что тут старый ученый-переводчик поднял знамя фаустовского истолкования для очень многих литературоведов, а не зоологов и не энтомологов. И взгляд этот пережил революцию, тогда как Холодковский ее не пережил, потому что, умерев в марте 1921 года, в том же году, что Блок (ценивший его перевод «Фауста»), он последние годы не жил, а доживал, трудился, не получая благодарности, в голоде и холоде... Никому уже не нужный. Перевод же «Фауста», впервые полностью напечатанный им в 1878 году, — перевод обеих частей трагедии (!), с тех пор немало перерабатывавшийся, и так рано, что в это трудно поверить; ведь Холодковский родился в 1858 году! — 12 раз переиздавался при жизни автора. И очень много раз после его кончины.

Из воспоминаний М. В. Фофановой, которая рассказывает о событии, относящемся то ли к сентябрю, то ли к октябрю 1917 года:

«У меня дома был «Фауст» в переводе Холодковского, два тома. Владимир Ильич просмотрел его и говорит:

— Знаете, ведь это лучший перевод. Почему же он издан Девриеном?

Я отвечаю:

— Очень просто. Кто такой Холодковский? Это профессор энтомологии (теперь он в преклонном возрасте).

— Вот,— говорит,— как у человека бывает! Энтомолог, а посмотрите какой чудесный перевод.

Я говорю, что бывает у человека нечто сокровенное, любимое — своя святая святых. Возможно, что для Холодковского «Фауст» и был этим сокровенным».

Но, помилуй бог, какой же преклонный возраст? Холодковскому еще и шестидесяти не было... Разве что возраст складывается не из годов, а из переводов, из набегающей на человека, на его лета тяжести, не из одних дней, а из трудов и дней...

Кроме «Фауста», Н. А. Холодковский перевел из Гёте такие весомые тома прозы, как «Итальянское путешествие», «Поэзия и правда». И когда только успел он все это?..

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

ОБ АЛЕКСАНДРЕ СОЛОДОВНИКОВЕ — ПОЭТЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Александр Александрович Солодовников родился 12 июня (по ст. ст.) 1893 года в Москве в семье учителя правоведения (в советское время — юрисконсульта) Александра Дмитриевича Солодовникова, выходя из купеческой семьи.

Мать, Ольга Романовна Мальмберг, происходила из рода заводчиков Абрикосовых. У отца ее была в Москве кондитерская фабрика.

Родители очень любили музыку, литературу и привили эту любовь своим детям. В своих воспоминаниях «Святки в семье Солодовниковых», написанных в 1961 году для племянников, поэт так пишет о своей матери: «У нее было чудесное сопрано. Она сама себе аккомпанировала на рояле, и, кажется, никто так не волновал душу исполнением песен Шуберта, романсов Чайковского и «Сирени» Рахманинова, как она».

Родители были людьми глубоко верующими, и их влияние на детей для приобщения к вере и православной церкви было очень велико.

Жила семья в большой 5-комнатной квартире на Гоголевском бульваре, 29, в которой после смерти родителей продолжал жить и Александр Александрович с женой.

Кроме него, в семье было три брата — Георгий, погибший в 1915 году на фронте, младший — Алексей, прозванный в семье Люсик, Николай, хорошо рисовавший и обладавший литературными способностями (поэт пишет: «Сохранилась книга его литературных трудов и тетрадка воспоминаний, им же проиллюстрированная»), и сестра Анна.

Учился Саша в гимназии, а затем закончил Императорскую Московскую Академию Коммерческих Наук.

Очень рано приобщился к литературе; стихи писал с детства.

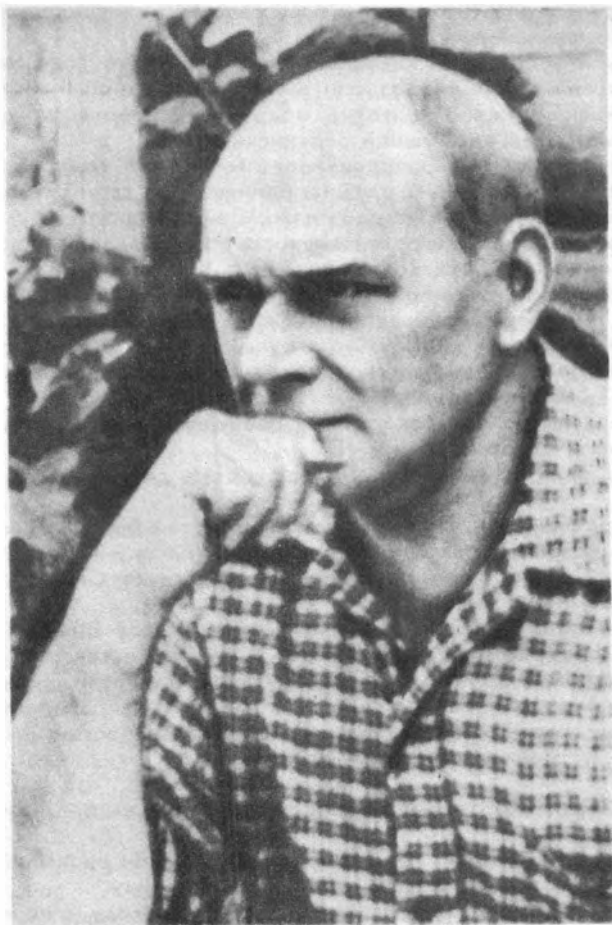
В годы первой мировой войны поступил в Алексеевское пехотное училище, был юнкером. Когда началась гражданская война, уехал на Дон, в добровольческую армию. В последующем — по вполне понятным причинам — этих страниц своей биографии поэт касаться не любил.

Вернувшись в Москву с фронтов гражданской войны, поэт устроился работать при помощи отца в синдикат по торговле нефтью. В октябре 1919 года он был арестован и почти 2 года просидел в тюрьме. Арест якобы был связан с махинациями в синдикате, в которых Солодовников замешан не был, однако из-за длительного разбирательства дела его пребывание в тюрьме затянулось.

Выйдя в июле 1921 года на свободу, Александр Александрович устроился работать в АРА («Американская ассоциация помощи»).

Впоследствии, до своего нового ареста в 1938 году, работает в качестве экономиста в тресте точной механики, в Москве.

В 1923 году поэт женится на дочери бывшего владельца цементного завода и нефтепромышленника, Нине Станиславовне Паутынской, с которой прожил до конца своих дней.

А. Солодовников

После Нины Станиславовны остались воспоминания, доведенные, к сожалению, только до времени замужества.

В жизни Александр Александрович был человеком очень компанейским, большим оптимистом, легко сходилась с людьми.

В 20—30-е годы в семье Солодовниковых часто устраивались домашние спектакли, обычно на Рождество или на Пасху. Авторами их были поэт и его брат Николай. Александр Александрович вспоминает: «Это были спектакли-шутки, импровизировавшие старинные святочные рассказы...» Заметим, что поэт обладал прекрасными актерскими способностями.

Его сестра Анна была обладательницей превосходного меццо-сопрано. Во время революции сестра вышла замуж за немца и впоследствии жила в Канаде. Вот что пишет о ней поэт: «В 1922 году она уехала учиться петь в Италию. По окончании курса у маэстро из «Ля Скала», она успешно дебютировала в театре города Катанья на острове Сицилия, а потом бы-

ла солисткой Королевской оперы в Брюсселе. Она пела под именем Анны Юргенс, по фамилии мужа».

Любовь к музыке, заложенную еще в детские годы, Александр Александрович пронес через всю свою жизнь. Многие свои стихи он пел, аккомпанируя себе на рояле, подражая А. Вертинскому. В семье его даже называли «домашний Вертинский».

Следует сказать, что Солодовников относился к тому целиком почти вымершему ныне типу людей, соединявших в себе глубокую религиозность и подлинный аристократизм. Что-то роднит его с личностью П. Я. Чаадаева. Ореол благодати и ясности сопровождал его всегда, в самых нелегких жизненных коллизиях.

В личной жизни поэта произошли в 20—30-е годы большие утраты. В 1926 году, прожив всего лишь несколько месяцев, умер сын Сережа; в 1931 году — родители (мать умерла буквально через три недели после смерти отца), а в 1934-м скончалась от скарлатины дочь Марина («Мисюсь») в возрасте девяти лет.

Для Александра Александровича, очень любившего детей, это явилось тяжелым ударом.

Вообще, если бы не арест, он мог бы стать детским писателем-драматургом.

С детства он испытывал тягу к театру. Вместе с братом Николаем они написали несколько пьес. Уже будучи на поселении на Колыме, в Магаданской области, он организовал в местечке Сеймчан самодеятельный драмкружок.

В лагере же его практически спасла тяга к театру. Вначале он был на общих работах, в молибденовой шахте, и если бы остался на них, то наверняка бы погиб. Однако судьба распорядилась иначе, и лагерное начальство, узнав о его театральных пристрастиях, направило его в культурно-воспитательную часть, где он и обслуживал детей начальства на лагпунктах, устраивая представления и проч.

Колесо сталинского террора прошло по всем трем братьям Солодовниковым.

Первыми в начале 30-х годов пострадали за свои религиозные убеждения братья поэта. Оба были отправлены в ссылку.

Николай из тюменской ссылки вернулся в 1935 году и, не имея права проживать в Москве, жил до своего второго ареста в 1938 году и отправки в лагерь в Рязани. В лагере он и умер в 1940 году.

Алексей вернулся в 1936 году из Чимкента, где он был в ссылке, и по тем же причинам, что и Николай, жил в Краснодаре. В 1942 году был призван в действующую армию и вскоре погиб.

В 1937 году был арестован сам Александр Александрович. По просьбе одного своего знакомого поэт передал посылку в американское посольство на адрес какого-то родственника знакомого, жившего в США. Доверчивость и неумение никому отказывать сыграли с Александром Александровичем злую шутку. В тот же день его арестовали. Освободился он спустя несколько месяцев, буквально чудом. Кажется, помог какой-то знакомый семьи, служивший в НКВД.

В 1938 году последовали второй арест, скорый суд «тройки» и колымские лагеря. На этот раз главным пунктом обвинения было родство и переписка с иностранной подданной (с сестрой Анной, жившей в это время в Канаде). И, хотя и переписки никакой не было, и никаких компрометирующих материалов также (был только донос одного из приятелей брата Алексея), расправа не замедлила себя ждать.

После отбытия срока, в 1948 году, поэт, очевидно предполагая для себя возможность оказаться «повторником», в Москву возвращаться не стал, а остался в качестве вольнонаемного на поселении в местечке Сеймчан, на Колыме, где работал в детском саду.

Вернулся он лишь после реабилитации, в апреле 1956 года. Недолгое время поработал в детском саду и вскоре вышел на пенсию. Уже будучи на пенсии, выступал в роли массовика-затейника на детских праздниках, елках и т. п.

До конца своих дней продолжал писать стихи. Собрал их в два сборника (частично они пересекаются): в 1967 году в сборник «Слава Богу за все!» и в 1973 году в сборник «Дорога жизни».

Писал также краеведческую прозу. Существуют работы по истории Ваганьковского кладбища, немецкого кладбища «Введенские горы» и подмосковной усадьбы «Гребнево». В 1960-е годы в Отделе рукописей ГБЛ был сформирован отдельный фонд Солодовниковых.

Тяга к театру сказывалась и в устройении (довольно-таки редком) сборных домашних литературно-музыкальных концертов, в которых участвовали знакомые Солодовниковых, отмеченные тем или иным талантом. Иногда они устраивались на квартире близкого друга поэта, философа Г. А. Лемана, как и он, многие годы проведенного в сталинских лагерях. Большое влияние на поэта оказал в эти годы русский богослов, в прошлом профессор, химик-органик Н. Е. Пестов. Он помогал поэту в подготовке машинописных сборников стихов.

До 1968 года Александр Александрович ездил обычно на лето в местечко Лешково на Истре, неподалеку от Москвы, где они с женой снимали дачу. Природой этих мест навеяны многие стихотворения поэта.

Многие местные жители до сих пор помнят его, хотя прошло уже 20 лет с тех пор, как он был там последний раз.

16 ноября 1974 года земной путь поэта завершился; он словно бы уснул, с миром и без мук отойдя к Создателю, любовь к которому исторгла из души его столько замечательных стихотворений.

Похоронен Александр Александрович в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Стихи Солодовникова, распространяемые в списках, приобрели большую популярность в среде православных русских людей. Их можно встретить в доме богомольной старушки, в келье монаха, просто у любителя поэзии.

Публикация стихотворений Солодовникова в журнале «Новый мир» открыла читателю поэта большого и значительного.

Готовятся и другие публикации.

Что можно сказать о поэтическом наследии А. А. Солодовникова?

Конечно, оно неравноценно. Не все выдержало испытание временем. Но эта неравноценность (не столь уж редкое, надо сказать, явление) искупается другой — и большей частью творческого наследия поэта. Александром Александровичем написано немало замечательных духовных стихотворений, пронизанных глубоким религиозным чувством. Практически «не религиозных» стихотворений у него нет.

Писать он начал очень рано. Один из шедевров русской религиозной лирики — «Светлая заутреня в молодости» (первоначальное название «Заутреня») — датирован 1914 годом.

Поэзии Солодовникова свойственно трепетное отношение к миру, понимаемому как проявление благодати Божией. Это можно назвать

«умилением» или «благоговением» перед Богом, проявляющим Себя в мире.

Поэзия Солодовникова обнаруживает глубинную связь с пантеистическими устремлениями поэзии Ф. И. Тютчева.

Недаром есть люди, называющие его «Тютчевым двадцатого века». И практически отсутствуют в его творчестве темы «сатанизма», борьбы сил Антихриста с силами Добра.

Его поэзия — светлая и словно осенена крылом Ангела Света.

Отметим также такой важный ее элемент, как «космизм». В этом он опять же перекликается с Тютчевым, а также с поэтами XVIII века — Державиным, Сумароковым и Ломоносовым. С поэтами XVIII века у Солодовникова существует не стилистическая, но глубинная связь, заключающаяся в том состоянии цельности и неразорванности, которое имманентно присуще его поэзии и вообще довольно редко встречается у поэтов нашего века.

Совсем нет в его поэзии какого-то надрыва, показной жертвенности, хотя, казалось бы, жизнь самого поэта могла бы дать для этого обильный материал.

Поэзия Солодовникова — это светлый молебен во славу Господа. Недаром же один из его сборников называется «Слава Богу за все!», и не случайно же рефреном одного из его замечательных стихотворений проходит фраза: «Господи, слава Тебе!»

Думается, что книга Иова нашла в лице поэта одного из внимательнейших читателей.

Именно эти светлые, жизне- и Богоутверждающие начала творчества этого замечательного русского духовного поэта XX века являются залогом долговечности и нетленности его поэзии.

АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ

НОЧЬ В ПОЛЯХ

Лег в полях, запрокинув голову,
Лишь узорная рожь видна.
После синего дня веселого —
Прохлада и тишина.

Обведают меня без отдыха
Дуновенья воздушной реки,
И мерцают сквозь струи воздуха
Огоньки, огоньки, огоньки...

Это тихо плывут созвездия,
Это вечность открылась мне.
Как волхвы — пастухи халдейские,
Растворяюсь в ее глубине.

И душа, надежно укрытая
В полевою пушистую мглу,
С мировым тайнодействием

слитая —

Воссылает Богу хвалу.

(1920-е годы)

МОЛИТВА

Я ношусь облетевшим листом
По долине безрадостно-снежной...
Помяни меня в царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный.

Вспомнив лик свой младенческий, прежний,
Мне бы вновь заструиться теплом...

Иисусе, печальный и нежный,
Помяни меня в царстве Твоем.

Мне бы сердцем пожить, не умом,
Простотою, с неведеньем смежной...
Помяни меня в царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный.

(1919—1921 гг.)

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ

Нас излечит не подъем энергии,
А молитвенно-глубокий взлет.
В чудотворце Радонежском Сергии
Положил я свой оплот.

Черпать воду чашей берестовою,
Сытым быть от малого ломтя,
Чтоб открылась пред душою новою
Глубина и высота.

Как с живыми говорить с березками,
И с лесным медведем, как с ручным.
Сделать руки грубыми и жесткими,
Сердце — нежным и большим.

(1920 г.)

* * *

За дверью кашляет тюремщик,
А за окном вздыхает май.
И переполнил звездный жемчуг
Тайницу неба через край.

Взволнованный весенний
шорох.
Минуты — заостренной
стрел.

А рядом — спутавшийся
ворох
Обезразличившихся тел.

Огромный ключ тюрьмы
холодной
И плесень кельи гробовой.
А я — безудержно свободный
И нестареюще живой.

(1920 г.)

ВЕСНА В ТЮРЬМЕ

Соловей захлебнулся ночью короткой
В полноте и значении майских минут.
Соловей! А я-то?.. Я — за решеткой,
И мимо меня минуты бегут.

Ты помнишь меня. Я жил у тропки,
Над тихим озером... Это — я.
И знаешь: здесь, в тюремной коробке,
Еще нежнее душа моя.

Зачем же май пробегает мимо
И слабым эхом доходит ночь?
Я жив, я жажду неутолимо,
Я из природы не вырван прочь.

Соловей захлебнулся ночью короткой
В полноте и значении майских минут.
Соловей! А я-то? Я — за решеткой,
И мимо меня минуты бегут.

(1919—1921 гг.)

* * *

В борьбе за хлеб, в земной тревоге
Нам суждены удары в грудь.
Но, лишь сойдя с большой дороги,
Мы обретаем правый путь.

Все не сбылось, о чем мечтали,
Бредем и мы в толпе калек,
Но чрез утраты и печали
Растет духовный человек.

(1930 г.)

ОБРАЗ «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ»

Ты потому скорбящим радость,
Что испытала свет скорбей.
Ты не отводишь чашу яда,
Но говоришь: «Смелее пей!»

Кладешь ласкающую руку
На голову, Благая Мать,
И на врачующую муку
Идешь и нас сопровождать.

(1931—1937 гг.)

* * *

Горная речка несется, шумит,
Зеленоватые струи сплетаются,
А над водою шиповник висит,
Прямо над бездной повис
и качается.

Это над вечным явилось
мгновенное.

Слава тебе, неустанный поток.
Все мы плывем во всемирном
течении,
Слава тому, кто нашел и сберег
В вечной струе золотое мгновение.

Это не речка несется, шумит —
Это поет, протекая, вселенная.
Это над ней не шиповник висит —

(1938—1956 гг.)

* * *

Вижу ризы Богородицы
В озареньи дня нездешнего,
Мне, нечистому, доводится
Подышать от вечно-вешнего.

Где-то плещут звуки Голоса,
Тайные и позабытые.

Дух мой жадно пьет от вечности,
Тает тело невесомое.
Впредь не буду жить

В сладком ветре лоб и волосы,
И глаза блестят омытые,

в беспечности,
Обращу ТУДА лицо мое.

ДВОЙНИК

Я сижу один вечерами
И гляжу на один портрет —
Нежный мальчик с большими
глазами
Ясным взором глядит на свет.

Чем я дольше гляжу, тем жальче,
Слезы жгут горячей огня —
Этот ласковый маленький мальчик
Превратился теперь в меня.

(1929 г.)

СЕНТЯБРЬ 1939 г.

В святилище времени доступ
Открылся... Душа зажжена.
Истории тяжкая поступь
В осеннем затишье слышна.

При вещем молчаньи природы,
Под грустные вскрики синиц,

* * *

Кто не изведаль боль потери
Безмерной, как пучина звезд,

ДВЕ ЗАУТРЕНИ

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ В ОТРОЧЕСТВЕ

В домово́й церкви тлеет золото,
Поблескивая в полумраке.
На грудь сестры сирень приколота,
Вся в белом мать, отец во фраке.

Мучительно волнуясь внутренне,
Гляжу я на входные двери.
Не так, не так светла заутреня
Без кружевного платья Мэри.

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ В СТАРОСТИ

По небу темными волокнами
Несутся тучи...
Блудный сын,
У храма я стою под окнами
В большой толпе, как перст, один.

Там свет, заутреня пасхальная,
Там пир. Там Отчий дом родной
Для всех, кому дорога дальняя
И кто закончил путь земной.

За возносящимися дымами,
В сиянии паникадил

Как листья кружатся народы,
Взлетают и падают ниц.

И белые крылья молитвы
Взволнованный дух понесли,
Чтоб слушать грядущие битвы
И пенье летящей земли.

(конец 1930-х гг.)

Тому в великой нашей вере
Еще не драгоценен крест.

(1931—1937 гг.)

Вдруг, по таинственному голосу
Переступив, я вижу сбоку
Ее распущенные волосы,
Ее зардевшуюся щеку.

И в тот же миг паникадилами
Зажглись и города, и веси,
И пролетело легкокрылое
Блаженное

Христос

Воскресе!

(1914 г.)

Мне мнится — полон храм
любимыми,
Которых я похоронил.

Там мама празднично-лучистая,
Отец с улыбкой доброты,
Головка дочки шелковистая
И братьев милые черты.

Но отделен решеткой ковано́й
От мира тайны и чудес,
Молюсь: да будет уготовано
Обнять их мне...

Христос

Воскрес!

(1960-е гг.)

А. Солдовников. Последние годы жизни

НА ПАСХЕ

Хоть он теперь не богомолен,
Наш заблудившийся народ,
И звон умолкших колоколен
Его к молитве не зовет,
Но голос сердца изначальный
В его душе еще звучит,
И в светлый день первопасхальный
«Христос Воскресе» говорит.
Тогда, покорный древним силам,
В распах кладбищенских ворот

Идет народ к родным могилам,
Идет, идет, идет, идет.
И на могилах теплит свечи,
И крошит хлеб, и кормит птиц,
И молится, и чаует встречи
С заветным сонмом милых лиц.

Тот голос сердца не задушишь!
Его ничем не истребить!
И каждый, кто имеет уши,
Достоин веровать и жить.

(1960-е гг.)

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

**Священник Храма Воскресения Словущего
на Ваганьковском кладбище,
Москва**

ВОСПОМИНАНИЯ НАД МОГИЛОЙ ПОЭТА

(Александра Александровича Солодовникова)

*Благослови, душа моя, Господа и не
забывай всех благодетелей Его.*

Пс. 102, ст. 3

Недавно, читая журнал «Новый мир», я обратил внимание на публикацию стихов под фамилией А. А. Солодовникова. Следовала краткая биографическая справка, и затем печатались стихи. Да, да, это были его стихи! Сомнений не было. Я читал стихи человека, которого хорошо знал...

В конце 50-х годов я впервые познакомился с А. А. Солодовниковым. Это был красивый, пожилой, аристократического вида человек, с коротким белоснежным ежиком волос и внимательным, добрым взглядом слегка выпуклых серых глаз. Речь его была нетороплива, исполненная некоторого восторженного пафоса. Говоря, он как бы декламировал, подтверждая свои слова плавными жестами красивых рук. Весь его облик говорил о глубочайшей внутренней духовной культуре и интеллекте.

Очень скоро на небольшом домашнем концерте мне довелось услышать, как Александр Александрович читал и пел, сопровождая себя на рояле. Слушатели были в основном из «бывших», как они сами себя называли. Дворяне, коммерсанты, представители научной и творческой интеллигенции, не так давно освободившиеся и реабилитированные, прошедшие по этапам ГУЛАГа и чудом выжившие. Средний стаж пребывания на сталинских «курортах» исчислялся от 15 до 20 лет. У многих собравшихся в глазах был страх, но на дворе стояла «хрущевская оттепель», и все знали, что за это, во всяком случае, не расстреляют и не загонят в лагерь.

Вот для этой аудитории и выступал со своими стихами и песнями Александр Александрович. Сам поэт также недавно испил до дна чашу

страданий в колымских лагерях. Его стихи были исполнены той глубокой боли, тех нравственных потрясений и прозрений, происходивших с ним в недалеком прошлом. Той искренности и боли, звучащих в его стихах, нельзя научиться ни в одном литинституте. Это — свойство души, ума, таланта. Александр Александрович был наделен этими свойствами в высшей степени.

Звучала музыка... Мягкий грудной баритон пел:

Пою о Веге,
    о весенней звезде.
Об облачном беге,
    о плывущем льде.
О летящих птицах,
    о соке берез,
О счастье молиться
    до теплых слез.
О свидании с теми,
    куда нет пути,
О том, что время
    Христу придти...

Чем большей частью является разговор о поэзии? Зачастую это рассуждения о формах поэтического образа, о средствах поэтической выразительности (поэтика) или о лингвистике, о его прагматике. Можно видеть в произведениях магические или мистические зашифрованные заклипания.

Но ведь во всяком творческом произведении воплощается духовная судьба творца, его цельный жизненный опыт. В восприятии искусства этот опыт неисповедимыми путями вливается в ткань нашей души. Возможно логосное, то есть разумное, выражение этого опыта. При таком подходе открывается, что так называемые кочующие литературные образы и темы являются не только литературными. В своей основе они опираются на первообраз — традиционную духовность, которая является стержнем культуры. Существует как бы некоторая копилка духовного человеческого опыта. И из нее прежде всего черпаются непреходящие вековые темы, сюжеты, образы, которые творец использует как материал и язык для высказывания своих упований и надежд.

Для всякого религиозного человека, а таким безусловно являлся А. А. Солодовников, ясно, что наиболее глубинным хранилищем общечеловеческого духовного опыта является «книга книг» — Библия. И, встречая в его произведениях библейскую образность, символику, терминологию, относиться к ним нужно прежде всего как к выражению громадного духовного творческого напряжения, а не только литературной или чисто культурной традиции.

Следует сказать, что творчество Солодовникова глубоко религиозно. Но это не отвлеченная декадентская мистика. Вся его поэзия озарена светом русского православия. Иконы, свечи, «запах ладана и воска», поэзия церковных гимнов — все это естественно вплетается в его поэтическую строфу, составляя с ней неразрывное единство.

Сирень клубится кадильным дымом,
Паникадило * зажег каштан,
И гимном Богу незаглушимым,
Звучит природы живой орган...

(Из стихотворения «Победа»)

* Церковная многоярусная люстра.

А. А. Солодовников — русский поэт. И он любит все русское, любит Россию, но не ту, которая была или будет в ближайшем будущем. Нет, он любит ту Россию, которая есть сейчас, в которой ему пришлось так много пережить, Россию тюрем и лагерей. И из уст его звучит гимн благодарения за все пережитое:

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума...
.....
Уж я не бьюсь в сетях словесных,
Ища причин добра и злу,
Но чую близость тайн чудесных,
И только верю и люблю.

(Из цикла «Житейское море» —
пять тюремных стихотворений)

Он верил, что добро абсолютно, что «чистая основа» жизни не может прерваться и непременно продлится. «Самое главное то,— говорил Солодовников,— что своей душой мы, люди, можем понимать, что такое добро и что такое зло... Самоотверженная борьба со злом должна вестись не только во внешнем мире, но и в себе самом... Человек, уверовавший в Бога и живущий по Евангелию, знает о добре, Истине, красоте и может желать их и находить».

Вера в Бога и жизнь по этой вере — вот та аксиологическая основа его творчества. Поэзия А. Солодовникова — это прежде всего искренность, неподдельность чувств, поэзия, отмеченная необычайной внутренней духовной красотой. В ней нет ни тени озлобленности, надломленности, неизжитого страха. Образы евангельских идеалов — любви, мира, добра, всепрощения, глубокой мудрости; верность родной земле и народу — живут в его поэтическом сборнике «Слава Богу за всё!»*.

Его поэзия очень автобиографична. Это поэтический человеческий документ — стихи чудом выжившего узника сталинской каторги. Если даже не знать судьбу автора, то достоверность боли в его строчках не вызывает сомнения.

Не так давно, читая статью в одном из журналов о Тарасе Шевченко, я был поражен одной фразой из его дневника, которую можно целиком и полностью отнести к Солодовникову.

«Я благодарю всемогущего Человеколюбца, даровавшего силу душе и телу пройти этот мрачный тернистый путь, не уязвив себя и не унизив в себе человеческого достоинства». И А. А. Солодовников прошел этот «тернистый путь», сохранив в себе живую душу и высокое человеческое достоинство. И он поет своим творчеством хвалебный гимн Богу за все ниспосланное Им.

Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь на свет и радость
Путями скорби и любви.
.....
Из рук Твоих люблю муку
Покорно, Господи, приму.

* Москва, 1970. Самиздат.

С ребенком смертную разлуку,
Темницу, горькую суму.

После своего освобождения А. А. Солодовников никогда не вступал в открытую конфронтацию с властями. Это объясняется тем, что он в своем творчестве почти не касался политики и при жизни нигде не публиковался (самиздат не в счет). Правда, в конце его жизни появилось несколько публикаций на Западе, но это уже не могло принести ему ни вреда, ни известности. Он был уже очень стар, плохо видел, и его дух готовился к переходу в Вечность. И в официальной литературе он не был известен, и его стихи читались лишь в узком кругу московской интеллигенции.

Следует отметить многогранность его таланта. Он был прекрасным актером (великолепно играл роль Деда Мороза на елках), писал маслом и акварелью, свободно говорил и переводил с английского и французского, играл и импровизировал на фортепиано, занимался археологическими и историческими исследованиями.

Последние годы жизни поэта проходили в маленькой квартирке на Арбате. Он тяжело болел, но дух его был бодр. Сбылись пророческие слова одного его стихотворения:

...И если лягу без движенья,
Когда я буду слеп и стар,
Сподоби даже те мученья
Принять, как благодатный дар...

Свой последний приют Александр Александрович Солодовников обрел на Ваганьковском кладбище в Москве...

Был на его могиле... Прорвавшись через тяжелые осенние тучи, луч солнца упал на могилу со скромным белым крестом и надписью:

Ал. Ал. СОЛОДОВНИКОВ + сконч. 1974 г.

Там, на кладбище, у его могилы, вспомнились и его стихи и подумалось: стихи его уникальны, талантливы, несут в себе радость и наполняют душу неизъяснимой евангельской красотой. Нужно, чтобы его поэзию узнал более широкий круг читателей, и она, на мой взгляд, заслуживает внимательного пристального изучения, чтобы нести свет и радость в будущее...

Не раз бывало в истории, когда откровение нисходило в форме поэтического творчества (псалмы, притчи).

Ведь «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3, 8). Сходит Он и в поэзии. И не метафорически, а реально, не только как дух поэтического вдохновения, но и Дух Господень, вдохновляющий пророков, поэтов, отцов и учителей. Думается, что особая провиденциальность нашего времени в том, что культура, в том числе и поэзия, в творчестве таких представителей, как А. А. Солодовников, все более возвращается к религиозным истокам.

IX ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

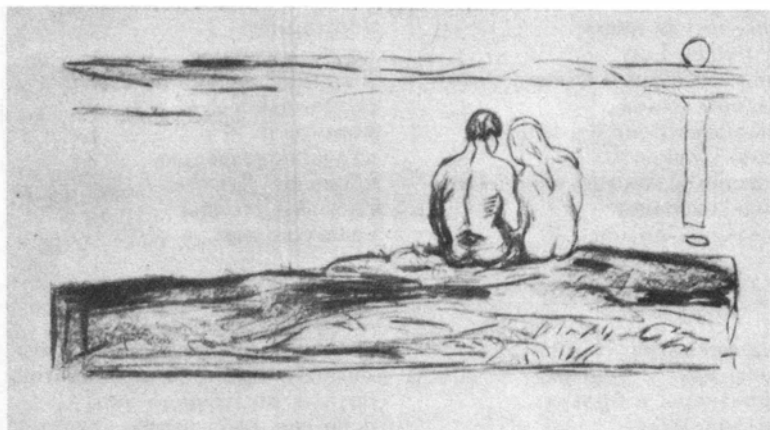

Рис. Э. Мунка

ГРАНТ АЛЕКСАНЯН

Родился в 1961 году. Окончил Армянский сельскохозяйственный институт по специальности инженер-механик. С 1984 года работает в Комитете по радио и телевидению НКАО (Степанакерт).

Печатался в ереванских журналах «Гарун», «Цицернак», «Пионер», в газетах «Авангард», «Коммунист», «Советакан Карабах» и других изданиях Еревана и Нагорного Карабаха. В 1988 году в альманахе «Литературный Карабах» (издательство «Советакан грох», Ереван) была напечатана первая книга стихов Г. Алексаняна. Недавно в Ереване издана новая книга поэта «Выходы».

* * *

ЗАВТРА —
звонница грядущего,

а СЕГОДНЯ
я поднял, как кувшин,
собирая
все его отголоски.

* * *

Поверх небес — иные небеса.
И в запахе цветов — цветы иные...
Недаром в траектории полета
мне мнятся желторотые птенцы...

Все небеса однажды вспыхнут в нас,
и все цветы свой нежный свет оставят,
и мы промчимся через сердце мира,
как стая ослепительных комет.

* * *

Дом —
зона любви,
экологическая ниша:
дому нужен Бог.
Иначе — яростный ветер
завладеет домом,
перемешает поцелуи и цветы,
детский плач
и бессонные месяцы взрослых,—
и туман ниспадет
на глазницы домов,

Я И ДЕМОКРАТИЯ

Я и демократия
связаны друг с другом,
как близнецы и братья.
Наше родство —
единственная надежда века,

и беззвучное счастье
канет в сумрак с порога.
Дом — вот зона любви,
система кровообращения,
в которой
кровь мужчины
и сердце женщины
создают Бога,—
дорога,
ведущая к звездам,
обвивает
опорные столбы
наших домов.

если это родство
не отторгнут плетью
на глазах бессловесной толпы.
Легко умирать за демократию.
Во имя ее труднее жить,
если сам себя нарек
телохранителем демократии.

* * *

Не осталось на небе звезд,
с которыми я не садился бы
за пир...

Пусть кто-то доказывает,
что я только землянин...

Переводы с армянского
Сергея Мнацаканяна

АЛЕКСАНДР АНДРЮХИН

Родился в Куйбышеве в 1958 году. По окончании Астраханского мореходного училища работал матросом, рулевым-мотористом, слесарем, автомотористом, регулировщиком ЭВМ, токсатором, помбуром, испытателем, электриком.

ПУТИНА

Звзвился флаг, гудки завывали,
строг причал, как обелиск.
Навигацию открыли,
льды в порту разбиты вдрызг!

Нараспашку с чалкой Боря —
ожил... Маня слезы льет.

Рыбаки уходят в море —
море манит и зовет.

На причал сбегутся дети
на матросов поглазеть.
В море ветер, в сердце ветер
да нештопаная сеть.

Новый сейнер на приколе:
Не удержишь! Не моги!
Рыбаки уходят в море,
а их жены — в кабаки.

* * *

Храни меня, мой талисман.
А. С. Пушкин

Храни тебя, моя печаль,
храни меня — я уплываю.
На судне спят, и пуст причал,
концы рублю, печаль скрываю.

Прибой беснуется, штормит.
Тебя штормовкой прикрываю.

САЛИ АРЧАКОВ

Живет и работает в Грозном.

* * *

В небе, на черной ветке
снова ведут бои,
но все не поделят неба
серые воробьи...

* * *

Время, как скакун неистовый,
скачет в будущее немо,
мчит на встречу с вечной истиной
незапятнанное время...

Нас путина, будто тина,
засосет на сто недель.
В море льдины, в сердце льдина,
а в глазах блестит капель.

Прощай! Печаль не сохранит,
а сам, увы, я уплываю.

Храни меня, не дай забыть!
В каких краях перебиваю?
Всю жизнь к тебе я буду плыть,
сейчас напротив — отплываю.

Храни тебя, моя печаль,
печалюсь сам, тебя печалю.
Хоть вдрызг корабль измочаль —
я знаю, после не причалю.

Перья взлетают птички.
Спор идет все лютей,
этой дурной привычкой
напоминая людей.

На земле с утра до вечера
снова брат идет на брата...
Почему же человечество
молвит: — Время виновато...

Перевод Сергея Мнацаканяна

МОДРИС АУЗИНЬШ

Учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Стихи Модриса Аузиньша публиковались в латышской периодике, переведены на русский («Литературная газета»), болгарский, греческий, чешский и польский языки. В Риге вышла книга его стихотворений.

ТАКОЙ СТРАННЫЙ ДЕНЬ СЕГОДНЯ...

Такой странный день сегодня...

Метеосводка
вчера напрогочила ясное небо — откуда

сырые тучи
стянулись над головой?

Такой странный день сегодня...

Водка
во всех магазинах с одиннадцати — откуда
в такую рань
на улицах столько пьяных?

Такой странный день сегодня...

С утра
проснулся кузнец,
чтобы выковать лемех для плуга —
а выковал пшик.
Ииииз дальнего леса
косматым медведем уже приближается вечер,
и он
окажется более страннымммм.

ВРЕМЕНА ГОДА

С зимой в душе
и с осенью под сердцем —
я снова говорю о вечном лете.

Уже давно заносит душу снегом,
под сердцем вороха опавших листьев —
купаю мысль в черемуховом море.

Желудочки запасливого сердца
опять готовят на зиму компоты;
в душе — с ноги озябшей на другую
топочет неуклюжий снеговик —
а я встречаю свой Иванов день.

Уже по душу снегом занесен
и в сердце нескончаемые ливни —
а рожь еще не колосилась...

Значит,

однажды утром —
с песней жаворонка в душе,
с подснежниками в сердце — я
проснусь в покрытой льдистой коркой
луже.

Переводы с латышского
Виктора Куллэ

ЛЮБОВЬ БЕРЗИНА

Родилась в 1959 году в Москве. Окончила Московский университет, факультет журналистики. Печаталась в журнале «Сельская молодежь», газете «Советский спорт».

* * *

Здравствуй, здравствуй, ворона!
Снова просишься в дом.
Мне твой вид похоронный
Нипочем, нипочем.

Ну а все же я трушу,
И смотреть мне невмочь:
Не заглядывай в душу
Глазом черным, как ночь!

Кровожадная птица:
От нее нет житья —
Она съела синицу,
Она съест соловья.

На ветвях, на балконах,
Без числа и границ,
Заменили вороны
Певчих, маленьких птиц.

И, блестя опереньем,
Тяжелы и важны,
Все идут со значеньем
По дорогам страны.

Слушай, слушай ворона,
Что тебе я скажу:
Я ведь тоже ворона
И с вороной дружу.

Только карканье впору
И привычно устам.
За железным забором
Пенье птиц по кустам.

А ночами я — каюсь —
По слогам, но с огнем,
Безуспешно пытаюсь
Говорить соловьем.

ИСТОРИК

Не юноша и не старик,
Ветшаешь ты быстрее собратий,
Историк, пожиратель книг,
Ушедшей жизни толкователь.

И окружающим чужой,
В упор увидеть не умея,
Назад — а что там за спиной? —
Глядишь, сворачивая шею.

Зачем сирень и мокрый сад,
Любовь, неповторимость мига,
Когда перед тобой лежат
Века, открытые, как книга?

Когда друзья — земля и прах —
Как много их промчалось мимо! —

Все в датах, будто в кандалах,
Лежат уже невозвратимо.

И ты ограблен, — посмотри!
На каждый день, прожитый дома
Средь лживых текстов, что в пыли
Лежат уютно и знакомо.

За дверью дождь, за дверью —
май,

Но ты туда не бросишь взгляда.
Там каждый шаг ведет на край,
Он страшен и непредугадан.

И ты сидишь, весь мир забыв,
Из-под его спасаяся ига,
Как страус, голову зарыв
В старинную, большую книгу.

ЛЮБОВЬ БЕССОНОВА

Родилась в 1958 году. Работала оператором перфорации машиносчетной станции, корреспондентом заводской многотиражки, руководителем кружка художественной самодеятельности в сборочно-кузовном производстве Волжского автозавода. Окончила заочно Литературный институт имени А. М. Горького. Живет в Тольятти.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ты — совесть,
спавшая покойно и глубоко,
ты — совесть русская,
проспавшая до срока —
самой себе ты многое должна:
мы пустотой полмира наводнили,
мы письма пустые выводили,

и — выгорели эти письма.
Стремления напряжены, как луки.
Мы более не умываем руки...
И дышит робкой правдой наша речь
И надо делу скорому отдаться:
ззорно в наблюдателях остаться,
пока еще нам есть
что уберечь.

ДВА ДОМА

В том доме —
комнаты тихи,
слова —
круглы, как блюда...
А в этом —
пишутся стихи
и часто слезы льются.
Зимой —
запах пирогов,
и дух варенья летом,
там нет друзей,
там нет врагов,

а в этом...
О! А в этом...
В том доме —
тишь да благодать,
да чистая посуда,
А в этом —
музыка опять
неведомо откуда.
Не лампы свет,
а свет звезды
всю ночь у изголовья...
И только шаг
от ерунды
до смерти и любви.

* * *

А я — когда тебя ждала —
совсем не горевала:
усердно штопала крыла
и — нимб полировала.
Дым ест глаза.
Но нет огня
без копоти и дыма.
Ты не отнимешь у меня,
что я тобой любима!
Ты появился —
я прошла!
Красивая такая!..
...И развеались два крыла,
вперед меня толкая.

НАТАЛЬЯ БОГАТОВА

Родилась в 1959 году в Москве. Окончила художественное училище. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

Стихи публиковались в коллективном сборнике «Вдохновение».

* * *

Как шорохи весны в начале января,
Как новизна чужой, случайной фразы
Мне тень твоя
Ложилась в угол глаза,
Все сущее закрыв и озаря.
А мне — зачем?
Мне больно без того.
Мир, как ребенок, полон превосходства.
Он сопрягает красоту с уродством.
И в нем совсем немного моего.
И вечно зелень режет белизну,
И лиственные тени все бездонней,
И бесконечно —
каждую весну —
Бесстыдно лгут мне линии ладони.

* * *

То, может быть, от беэнадеги,
От серой стенки за окном,—
Привычка подводить итоги,
Чтоб уничтожить их потом.
И все одна и та же ересь,
Пристрастье к хлопотам пустым,—
Так дергали за шнур, примерясь,
Но пушку разносило в дым.
И что же делать в этом мире,

где на зубах скрипит зола?
Лишь вспоминать, как перелили
На пушки те колокола.
И снова равной среди равных
Приветствовать, скрывая дрожь,
И припозднившуюся правду,
И преждевременную ложь.
И забывать, как на востоке
Иль, где там, говоришь, всегда
В дожди все крепят водостоки,
А в них не держится вода.

* * *

Иногда зовут —
Зная, что приду.
Иногда зовут —

Чтобы не пришла.
Иногда зовут
Просто потому,
Чтобы не забыть
Человечью речь.

ГЛУХОЕ МЕСТО ДЛЯ ПРОГУЛКИ

Там сосны траурное пели —
Гудели сумрачно и низко.
И лапы воздымались елей
Совсем как горсти пианиста.
И, в легкий снег вжимая плечи,

Земля под соснами лежала
И, словно восковые свечи,
Стволы оплывшие держала.
И черной рваной нитью
в гору
Ничейный след тянулся тяжко.
Как будто зашивал у горла
Последней белизны рубашку.

Стихи публиковались в журналах «Юность», «Охота и охотничье хозяйство».

ВЗГЛЯД ПОЭТА

В природе все
Достойно удивленья.
И воровство,
И даже черный цвет.

В природе нет
Ни одного явления,
Чтобы сказать:
«Его в природе нет!»

В природе действуют
Такие силы,
Что скажем прямо:
«Господи спаси!»

Такая мысль
Поэта посетила,
Когда поэт
Природу посетил.

НЕБЫЛЬ

Ах, вы рябчики, вы рябчики!
Вы как пестренькие тряпочки.
Коготки у вас на пальчиках,
Вы зверюшки, а не пташечки.

Будет, будет вам посвистывать,
Уж меня-то не обманете,
Зарычите вдруг неистово
И в гнездо свое утянете.

Деткам скормите досужего,
Беззащитного да бедного...
Вот так сон! Никак за ужином
Рябчика схарчил я вредного.

ВОЗМЕЗДИЕ

Нынче в каменном зверобое
Отворил я девять капканов.
Обращаюсь к лесному духу
И прошу мне послать добычу.
Завтра вверх по замерзшей речке
Лыжный след я оставлю рано,
Чтоб напомнить серому брюху —
Мне известны его привычки.

Вертлюги — не под силу лосю.
Цепи в лед глубоко вморожу.
Сам капкан в углубление спрячу
И парашей сверху укрою.
И пожму я сильную лапу,
Посмотрю на сытую рожу,
Как он по льду в бессилье скачет
И когтями в наледи роет.

И спрошу разбойного зверя:
«Помнишь двух молодых оленей?
Ты убил их с горы о наледь,
А теперь же крыть тебе нечем.
Ты ведь даже не тронул мяса,
Не спустился добить несчастных.
Лишь один из них умер сразу,
У которого лопнула печень».

И поймет хитрец твердолобый —
За злодейство пришла расплата.
Не пристало матерому зверю
Перед смертью юлить и прыгать,
И поникнет он сильным сердцем,
Взяв себя в свои волчьи лапы,
Никогда не увидя пули,
Что меж глаз его кость проломит.

Родилась в Таганроге. Получила педагогическое образование. Работала учителем математики в средней школе, экскурсоводом в таганрогском Литературном музее А. П. Чехова. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи печатались в областных газетах, журнале «Дон», в коллективном сборнике «Проталины» Ростовского книжного издательства, в альманахе «Поэзия». Автор книги стихотворений «Зов Приазовья».

* * *

Не извиню, но из вины выпущу,
как птицу в поле из клетки.
Свою печаль пригоршнями
выплещу,
в азовском иссушу лете.

Не разлюблю — раз любить
зелено,
да так, что в вечности сердцу тесно!
Не знаю, кем это мне доверено
в недрах земных и небесных?

Не вспомню — вспять пойду
памяти
и вплавь осилю глубины.
Но сердце, мой живой маятник,
зайдется в муке старинной.

И зерна слез я из глаз не вылучу
с ростками взгляда, где ты
и ветер...
Не извиню, но из вины выпущу,
лишив пристанища на столетья.

* * *

Из вечных льдов,
издалека,
во весь рассвет,
во весь размах
шли кучевые облака
с подпалинами на боках.

Шли,
будто тучные волны —
в расклинья хрупких журавлей,
взрыхлив твердь неба и земли,
отшлифовав кристаллы дней.

Шли —
силой грозовой полны,
не обронив под ноги кладь,—
то ли полшага до весны,
то ли до вьюг рукой подать.

Шли,
сгрудившись,
по ветру грудь,—
грузны, сутулы и круты:
к земным низовьям вязок путь,
и до созвездий — три версты!

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Родился в 1967 году. Учится на факультете журналистики Московского государственного университета.

* * *

Выйдешь в ночь — заблудиться несложно,
Потому что на улице снежно,
Потому что за окнами вьюжно.
Я люблю тебя больше, чем нежно,
Я люблю тебя больше, чем можно.
Я люблю тебя больше, чем нужно.

Так люблю — и сгораю бездымно,
Без печали, без горького слова,
И надеюсь, что это взаимно,
Что само по себе и не ново.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спой мне колыбельную про звезды в небесах,
Спой мне колыбельную про ветер в парусах,
Спой мне колыбельную про плеск волны
морской,
Сладость карамельную, ладошку под щекой.

Про мышей летающих, про шорох камышей,
Спой про засыпающих зверят и малышей,—
Костерок пастуший догорает на лугу,
Дудочка играет на туманном берегу.

...Мне приснится сутолока, крик, и хрип, и храп,
Мне приснится судорога, кровь, и пыль, и прах,
Пыльная, могильная, свинцовая тоска,
Лик твой умоляющий, бессильная рука.

Улицы окраинные — не видать ни зги,
На вокзалах — крапины подсолнечной лузги,
Мусорные, драные, зловонные бачки,
Взгляды оловянные, прицельные зрочки.

Залы ожидания, дорожные столбы,
Хриплые рыдания гармони и трубы,
Рваные, вагонные ночные голоса,
Черные, бездонные, пустые небеса.

...Под окном троллейбусы качают провода.
В них традиционная качается звезда.
Запахи весенние, открытое окно,
На листе зеленое фонарное пятно.

Свет и тени меряются силой на стене.
Два кленовых деревца на нашей стороне.
И стоят, сплетенные зеленые юнцы,
То ли как влюбленные, а то ли как борцы.

* * *

Как смешна эта девушка с балалайкой,
Ударяющая с напряженьем странным
Суетливой, короткопалой лапкой
По дрожащим, по дребезжащим струнам!

Предусмотрен праздничным планом, чтобы
Причастилась музыки наша рота,
Этот шефский концерт музыкальной школы
В День Советской Армии и Морфлота.

Как жалка убогая эта лепта —
Этот детский концерт в продолжение часа,
Как смешон этот бант — голубая лента —
В волосах ученицы восьмого класса!

Эта девочка, видимо, пела в хоре
Лет с шести-семи иль того помене,
У нее, наверное, мать-тихоня,
А отца, наверное, нет в помине.

...О, какая грусть и какие муки —
Замечать за соседом, что пахнет потом,
Изо рта ли запах, липкие руки,
Иль привычку странную, или что там!

Хоть кулак грызи, хоть голову стисни —
Уязвимы все. Бесплезны прятки.
Словно нас при рожденье купают в Стиксе
И по старой привычке держат за пятки.

И в какую бы бронь душа ни оделась,
И в каких бы высях мы ни витали,—
Распотать нас, в общем, нечего делать,
И вполне довольно одной детали.

Ах, и ты, искатель такой детали,
До чего ты бедный и непригретый! —
Ибо как же ребра тебе считали,
Если нету радости, кроме этой!

И когда тебя пожалеешь тоже,
Поглядишь вокруг с ледяным испугом:
До чего ж мы все беззащитны, боже,
Пред тобой, пред собой и друг перед другом!..

...Горбоносый юноша с кислой миной,
Что молчит над открывшейся взору бездной,—
До чего мне жалко тебя, мой милый!
До чего мне жалко тебя, мой бедный!

ПОСЛАНИЕ К ЮНОШЕ

Пусть так. Я прав.
Р.-М. Рильке

Мечтая о надежности семьи,
Забыв о детских бреднях, юных сплетнях,
Любимейшие девушки мои
Выходят замуж за сорокалетних.
Они звонят меня предупредить —
Уже почти как друга или брата,
Они с улыбкой просят заходить,
Но радуются как-то виновато.

Есть выбор: дом-гора и дом-дыра.
Нора, где скрип пера и плачут дети.
Да нет, какой я муж? А им пора.
Написан Вертер. Не держу. Идите.

Пусть так. Он прав. Ты с ним. Вы есть. Нас нет.
Прощай. Я буду тени незаметней.
Когда-нибудь мне будет сорок лет,
Я встречу со своей двадцатилетней.
Я встречу взгляд ее бездонных глаз,
Она не отведет их. Так и выйдет.
И юноша, родившийся сейчас,—
О наш удел! — меня возненавидит.

Прости меня, о юноша! Прости!
Не шлейся по Москве, не бей бутылок,
Сумей зажать отчаянье в горсти
И не бросай проклятий ей в затылок —
Все таковы они! Пусть так. Я прав.
Их дело — глотку драть в семейных ссорах,
А наш удел — закусывать рукав
И выжидать, когда нам будет сорок.

О юноша! Найди довольно сил
Не закоснеть в отчаянье и злобе,
Простить ее, как я ее простил,
И двинуть дальше, захромав на обе,
Уйти из дома в каплющую тьму
В уже ненужной новенькой «аляске»
И написать послание тому,
Кто дрыгает ножонками в коляске.

ЗАМИР ВАЛИЕВ

Родился в 1956 году в Самаркандской области. Окончил Самаркандский университет.

Стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Звезда Востока», «Молодая смена», «Молодость». Автор книги стихов «Длинные короткие годы».

УТРОМ И ВЕЧЕРОМ

Выхожу из дома,
иду на работу.
Вырастаю до размеров:
автобуса,
улицы,
города,
нации,
страны...

А вечером,
возвращаясь с работы,
вновь уменьшаюсь до размеров:
дома,
семьи,
макарон
и щеток
для чистки зубов...

* * *

На уроке в третьем классе
маленькая Вика всем доказывала,
что снег ночью съели
большие черные лошади...
Она, оказывается, видела,
как лошадь,

привозившая в школу хлеб,
ела снег...

Я спросил ее:
— А что такое снег?

На что она ответила:
— Это вода, которая умела
летать!..

КОРНИ И КРОНА

Деревья растут в обе стороны —
кроной в небо
и корнями в глубь земли.
Деревья по пояс в земле,

и мы привыкли
к одной их половине...

Как много мы знаем о жизни
ветвей!
Как мало мы знаем о жизни
корней...

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВ

Родился в городе Мирном в 1969 году. Студент Литературного института имени А. М. Горького. Стихи публиковались в сборнике «Молодая поэзия-89». Живет в Москве.

* * *

День прибрал имеющее цену,
Но пространство — чистый
водоем;
Копны неухоженного сена
Делят звезды пополам с дождем.

Помахав худыми рукавами,
Спрячусь в дом до наступленья
дня,—
В сундуке с полезными вещами
Есть немного места для меня.

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ

Родился в 1961 году в Коломне Московской области. Служил в Советской Армии. Живет в Иркутске.

Стихи публиковались в журнале «Литературная учеба», в коллективном сборнике «Ранний рассвет», в альманахах «Поэзия», «Сибирь», в газете «Литературная Россия».

* * *

А там, за лиственной полою,
За соловьиною стезей
И сердце сходится с землею,
Как небо сходится с землей.

А там... поплатишься жестоко
За дерзость — встречу испытать.

До ослепляющего стога
Все ближе... все рукой подать.

Все дальше руки простирая,
Сжимаю пальцы сам не свой.
И там, и здесь земля сырая.
И сердце свидится с землей.

НЕГРОМКАЯ РЕКА

Не обнимай луга чужие,
Моя негромкая река.
Не обещаю небесной шири
Ни полдуши, ни полглотка.

Не отнимай у птиц надсадных,
Ночных — безумный голос вдов.
Не отнимай от щек прохладных
Ладоней темных берегов.

Обнимет май, и выйдут сроки
Недолгой звонкости земной.
А помню — обивал пороги,
Грохочущие надо мной.

Прими стремительно речью
Негромкий, родственный поток.
Я, славя долю человечью,
Настолько был, насколько мог.

ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА

От глиняной свистульки остаются
Озвученные слезы гончара.
У глиняной пичуги дознаются:
— Зачем свистишь в лихие вечера?

Пичуга защебечет неумело,
От чистого дыханья запоет.
— Зачем свищу? А вам какое
дело,
Не стоит принимать меня в расчет.

Затем свищу, что музыка
под боком

Подвизгивает трубам бытия.
Пусть мастер на земле пребудет
богом,
Пусть птицей на земле останусь я.

Минувшую судьбу размяли глиной
И вылепили мудро и светло
Нелегкую печаль дороги длинной,
Ведущей в позабытое село.

Зачем свищу в молчании глубоком
От вздохов опустевшего жилья? —
Пусть мастер для людей не станет
богом,
Но птицей на земле останусь я.

СУПРУГИ

Милые бранятся — только
тешатся.

Не спешите вмешиваться
в бешенство
Языков, и, к слову говоря:
Вечером на шею слаще вешаться,
Оплеухи утречком дая.

Под рубанком брани обнажаются
Сердцевины. В стружках бытия
Бдительнее жены наряжаются,
Тщательнее бреются мужья.

Прибирают гнезда разоренные.
В разговорах воздух, высота...
То ли твари умиротворенные,
То ли падших ангелов чета.

МАРИНА ГЕОРГАДЗЕ

Родилась в 1966 году в Москве. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Печаталась в журнале «Октябрь» и газете «Литературная Россия».

* * *

Я сделаю себя
во многих экземплярах.
И каждому из всех
на память подарю.
Веселых и смешных,
в нарядах и футлярах,
из пуха и пера
я кукол смастерю.

Я подарю тебе
отглаженную дочку.
И подарю тебе
красотку Вивьен Ли.
На всякий вкус и лад,
в горошек и в цветочек,
чтоб все, когда хотят,
в меня играть могли.

И каждый будет рад,
своею куклой занят.
И не взглянут, когда
я выскользну за дверь.
Не будут горевать,
когда меня не станет.
У каждого — своя
игрушка есть теперь.

Кто кормит, кто рядит,
кто — вешает на елку.
А кто — поцеловал
и положил в карман.
А было столько лжи!
А было горя столько!
А нужен был один,
единственный обман.

ВЕСНА

Вот так теряют шапки, режут вены
И Рим ломают варварской весной.
Куда бежать, когда светлеют стены
И воздух пахнет жизнью как больной?

Ни зелени, ни пения, но воздух
Так жизнью пахнет! Где ее найти?
И сердце ускоряется, как поезд,
И птица каждая как из груди летит.

Но прежние надежды, вспыхнув было,
Осветят лишь безвыходность утрат.

И на железный карниз... Это Париж?
Нет, не Париж, конечно же, ну и пусть.

Не ударит по клавишам эта рука,
Не нарисует лицо, другой руки не сожмет.
А небо идет, глотая невнятные облака,—
Чем меньше двор, тем быстрее небо идет.

* * *

Четвертое действие перед вторым,
А первое — в эпилоге.
Но только б все время клубился дым
И разбегались дороги.

Но только бы кто-нибудь воскресал,
Куда-нибудь уезжали,
И над вокзалами голоса
Любовь и смерть обещали;

И кто-то гладью обман вышивал,
Скользя улыбкой змеиной...
— Начните с концов, начните с начал,
Начните играть с середины.

Пускай вперемешку и наоборот,
И в жизни так не бывает,
Но только бы видеть, как жаждущий пьет,
Холодную воду глотает.

Но только не так:
Целый день повторять,
Считая упавшие листья,
Что все это — было, и все это — зря,
И больше не хочется смысла...

СЕРГЕЙ ГЛОВЮК

Родился в 1958 году. Работает инженером-реставратором в институте Спецпроектреставрация. Учится на заочном отделении Литературного института имени А. М. Горького.

Стихи публиковались в коллективном сборнике «Вдохновение».

* * *

Дачная пустеет электричка,
горькую рябину дрозд клюет.
Листья облетают — все обычно,
вот уже и осень настаёт.
Ветер от прохлады оживает,

как пора такая хороша!
Только почему-то замирает
и скорбит созревшая душа.
Хоровод прощальный водят птицы
и кричат надрывно на лету.
Мне ни улететь, ни возвратиться,
лишь мечтать и рваться в высоту.

* * *

На край света завела судьба
и царя, и жалкого раба.
Царь взглянул угрюмо, тяжело —
раб стоял, не опустив чело.
И у самой роковой черты,
позабыв про жезлы и посты,

замерев над пропастью на миг,
царь раба и раб царя постиг.
Каждый за другого примерял
платье, путь, заботы, идеал.
Усмехалась за спиной судьба,
то царя толкая, то раба.
Царь мрачнел, ступая тяжело,
у раба светилось чело.

АРТУР ДОЛЯ

Родился в 1962 году в Целинограде. Закончил Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи публиковались в коллективных сборниках, в альманахах «Истоки», «Парус времени», в журнале «Литературная учеба».

* * *

Кресты из земли,
словно в земле
сотни церквей,
лишь кресты видны,
и деревья — тени крестов,
по кладбищу проросли.

Замри, и почувствуешь крест,
который в себе несешь,
а под собой храм —
и над тобой Бог.

В дерево крест превратится,
на ветках проступят листья...

* * *

Снег хрустит,
человек на снегу корчится,
словно кости хрустят,
словно ворон не может взлететь.
Ком земли,

смерзшийся, костенеющий,
белея, бормочет снегу:
— Пусти, под тобой земля.

А под снегом
на тысячи лет
снега.

* * *

В поле мечта о том, что не будет предела:
ежится человек на осеннем ветру,
по-человечьи наивно и неумело, —
не растворяясь. Кто-то найдет поутру
сухую травинку — изгиб человеческого тела,
бросит в костер и поможет подняться костру.

* * *

Падали яблоки с неба —
перезревшие капли дождя.
Дети сидели на ветках,

спелые капли срывали,
и монологи детей
доносились плавной беседой.
Осень в Эдем пришла.

Родился в Москве в 1951 году, окончил Московский авиационный институт. Стихи публиковались в альманахе «Истоки».

* * *

Гитаристу С. Орехову

Нет, не гитара там звучала...
 Не звуки, нет! Не пальцев бег...
 На сцене маленького зала

Не бог, но и не человек.
 ...И вдруг — непрожитой
 вернулась
 Любовь. И вечностью дыша,
 Душа земной струны коснулась
 И болью неземной ушла...

* * *

Ты снова
 Время провела
 Не с тем...
 А ведь это было

Твое время! —
 И оно уже не вернется к тебе.
 Ты думала,
 Что просто провела время...
 А это —
 Время провело тебя!

АЛЕКСАНДР ДЮРИНКО

Родился в 1956 году в Ленинграде.
 Работает заведующим литературной частью ленинградского молодежного театра литературно-музыкальной композиции.

ПРОХОДНОЙ ПОЕЗД

Шпалы под составом заплясали
 в два
 притопа
 на один
 вагон.
 Рельсы в пустоте изнемогали,
 превратившись в энский
 перегон.
 Шпалы с полустоном заходили:
 — Нами вдаль
 проложен верный
 путь!..

Кто-то уезжающий
 бессилён
 свой
 быллой
 покой
 домой
 вернуть.
 И везет сквозь ветры мира
 поезд
 от полей
 в индустриальный гам,
 века колесованная совесть,
 тех, кто от земли поубегал.

НОСТАЛЬГИЯ

Наркотическое средство —
 ностальгия
 по
 себе!
 Вроде некуда и деться

от повинности судьбе:
 разделяешь на три
 части
 сутки,
 очень бренный дар,
 и совсем
 не замечаешь

в уходящем
взора
жар.

Сон...
Работа...
Остальное...
Остальным

осталась жизнь
для себя самих нам,
но не
этим стоит дорожить —
недопряденные нити
предлагаемых дорог
расправляет по наитью

день,
взошедший
на порог.
Что вчера казалось важным —
устарело,
как строка
новостей уже вчерашних,
что в столбцах
газет
пока...
Распрявленная дорога.
Позади — уютный сон.
Ностальгически
немного
оставляет жизни
он.

ИВАН ДУДА

Родился в 1951 году в селе Борочичи на Украине.
Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.
Печатался в сборнике «Молодой Ленинград».

* * *

Хутор мой помнится,
все его жители:
дедушка в стеганке, дедушка в кителе.
И рождество не без ряженных. Ну и волхвы.
Холодно, холодно. И тем не менее
оттепель первая, недоумение —
вы с поцелуями, бабушка. Вы.
Помнится луг мой. Провинция помнится.
Конь на лугу и — о господи — конница
пыль поднимает, и даль еле-еле видна.
Непредсказуема, незабываема
музыка дней. И Марина Цветаева.
И журавли. И стихи о любви. И она.
Помнится, помнится именно тот
неба высокого купол и свод,
годы, минуты,
годы, с которыми не отдохнуть,
выход не выход, а так себе, путь,
долгий не в меру, но в меру жестокий и лютей...

* * *

Землю пахавший и сеявший рожь,
джинсы носивший, и джинсы, и нож,
здесь, а не где-нибудь в Африке, в Адене,
я говорю вам, что солнца не надо мне.
Надо мне дождь.

Если ручьи ошалело бегут,
море минуя, в заброшенный пруд,
если полынь с лопухом и смородина
мокнут и мокнут, то это и родина.
Родина тут.

Мне без дождя не наладить контакт,
мир не задеть, не замедлить мой шаг,
не познакомить с этюдами Шумана
очень уж взрослое сердце, я думаю,
Думаю так.

Прожитой жизни внушительный шлейф,
сотканный мною из облачных дней,
сравнивать с дымом в преддверии вечера
доброй погоде, по-моему, нечего.
Нечего ей...

ИРИНА ЕРМАКОВА

Родилась в Керчи, живет и работает в Москве. Стихи публиковались в газете «Московский комсомолец», в альманахе «Истоки».

* * *

В городе моем маленьком,
в городе, не во сне —
ссохшиеся завалинки,
липы, горшки на плетне.

В темных глубинах дома
есть за иконою Спаса
фото — старик мой знакомый
из параллельного класса.

Доски зеленоватые,
барских купален слизь,
там меня виноватые,
умные псы заждались.

Солнечные поводья
тянутся в щели купален,
каждый козел в огороде,
каждый лопух — гениален.

Лучшие дни, нет — кра́щие,
пыльные площади спящие,
лошади настоящие,
к ночи — луна на выкате...

Солоны воды пресные,
смилуйся, Дева небесная,
я ль чужеземка местная?
Дай мне глотнуть из Припяти...

В ГОСТЯХ

В гостиной — модно. Блещут
рамы.

Взвивая брови высоко,
здесь разговаривают дамы
высоким штилем кококо.

В углу с гитарой — гвоздь
программы,

последний писк «вареной» куртки,
дымятся в хрустале окурки,
упоминают чью-то маму.

Какие каверзные звуки!
Гвоздь надрывается зело,
и штамп великосветской скуки
венчает низкое чело.

Родилась в 1965 году в Москве. Участница VI совещания молодых писателей Москвы. Публиковалась в журналах: «Новый мир», «Литературная учеба», «В мире книг», в альманахе «День поэзии».

С ОПОЗДАНИЕМ НА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

1

...Иду, а это Яблоня упала Ольга.
(Есть сорт такой.) Барахтается
в собственных цветах...

В. Щ а д р и н

...в лазури мучилась заноза...
О. М а н д е л ь ш т а м

...Раз это — сад (а ты же — это сад,
где в каждой клеточке по дереву сокрыто
и ею бережно обжато и согрето),
то это все — кому живописать?

Кому сказать, как несказанна стать
у той смоковницы, в тебе плодоносящей,
и — о душа! — вот эту книгу голосащей
ее листвы — кому перелистать?

Кому содрать умершую кору
с ее ствола, кому пробиться в этой книге
к той изнывающей, немотствующей неге
ее корней — кому же, ну, кому?..

Знакомы будемте.
Вот это, деревья,
садовник ангельский по имени Владимир.
Чья вот и Яблоня упавшая Вдова.
(Есть сорт такой.)
Хотя никто не умер.

2

Звала се б е его в ц а р и.
Сама же метила — в царицы.
Совне оплачено сторицей.
Но просияло изнутри,
в ее публичной преисподней,
величие р а б а Г о с п о д н я.

Что, получила, вражья сила? —
ц а р я-т о — запросто,
р а б а — не тут-то было!

...Любите, Диоген,
того, кто Демагог!
— Вы делали рентген? —
Похоже. Диалог.

— Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз молодая дева
Мечтами легкие мечты...

Аптека. Улица. Менты.

.....Но как нигде в литературе
черна у вечера вуаль.....

— Привет семье.
Оревуар.

Татьяна Ларина.
В натуре.

...Мне голос был...
(А х м а т о в а)

Поскольку это было — это жуть.
И это жаль, поскольку это было.
Мне голос был. И я не перебила.
Что совестно. Что в дочери гожусь.

Что надо — на корню. Что эта боль
в предсердии — напрасна и чревата.
Пока твоя инфанта туповата,
твоя подслеповата этуаль.

И это было: бусины огней.
И города игривые регистры.
И селяви. Ну и, понятно, в ней
рога трубят, и танки наши быстры...

...а вот уже предательство — некстати.
Поскольку это было — сто из ста.
И не под каблучком у Нифертити,
но и н о ч е с к и истина чиста.

Проклюнется, нутро перевернет
и тотчас же отпрянет, отрезвляя.
И не то что эту жизнь сводя на нет —
Намека на нее не оставляя.

Виршь ипохондрическая

...Распад времен. (А связь еще
не началась...)

В. Щ а д р и н

...И что же с нами случилось, что случилось, Ольга?
От юности остался только отблеск...
облик...

С улыбкою и шубкою едва ль собольей...
в снегу... все остальное — погребально...
больно...

Без варежек... без бабочек без полек...
а где, бывало, крестик, стало — нолик...
и поет...

Вишь оно как! — и десять лет спустя —
не без любви...
к какой читатель ждет уж рифмы бритвы, крови...
Да это — дудки!
Ведь, чай, не гимназистки уже, не институтки.
Хотя и дочери ведущего инженера.

...И да не падше и обленившеся,
но бодрствующе и воздвижени в делание
обрящемся готови...

Но та моя — да довлеет вместо всех, та да отвечает,
та да оправдит мя, та да покажет мя
причастницу славы Твоя вечныя —
какая-никакая — а ВЕРА.

РАВИЛЬ ИЗМАЙЛОВ

Родился в 1959 году в Москве. Окончил Московский энергетический институт. Служил в армии на Дальнем Востоке. Работает инженером в научно-исследовательском институте.

Стихи публиковались в журнале «Новый мир».

* * *

Этот берег песчаный в огнях,
В чешуе золотой, в рыбьем жире
И застрявшая рыба в сетях,
Как добыча последняя в мире.

Сколько нужно поклонов отдать
На пути от варягов до греков,

То ли дело хамсу промышлять,
А не грешную плоть человеков.

И качается старый баркас,
Заполняя трюма ожиданьем,
Как ковчег, убаюкавший нас
До кромешной потери сознания.

* * *

Об осени больше не нужно,
Она обойдется и так
В сверканье мечей харалужных
И газовой пене атак.

Туман пробирает...

Но это
Не стоит совсем ничего,
Пока продолжается лето
И держится жизнь за него.

* * *

Кривым янычарским ножом
Я вырезал хриплую дудку.
А петь-то, скажите, о чем,
Уж если завелся не в шутку?

Откалывал номера
Опасные раньше безмерно.
Лечили меня доктора,
Да перестарались, наверно.

Но вот, когда образ возник
Свободы, которою бредил,
Я взял да и срезал тростник
И восемь отверстий наметил.

Меня неуменье страшит,
Но пальцами перебираю,

И дудка, гляди-ка, пищит,
А дудка взаправду играет.

Казалось, возникла броня,
Спасая от зла и фавора,
И, черт побери, на меня
С немецкого смотрит фарфора
Пастушка,

не думая, зная,
Зачем ей прекрасное тело,
Она научилась плясать
И, значит, годится на дело.

Я в жены ее затащу
И жизни паршивой не выдам.
Поэтому в дудку свищу
И так отбиваю копытом.

* * *

Голопузый апрель на проселках дерет провода,
А поднимешь глаза — все окажется в полном порядке:
Затеваается дождь, май приводит с собой холода,
Так приводят приятелей к танцевальной площадке.

Их отпетые рожи не то чтобы страшны, отнюдь,
Их тяжелые пальцы трехдневную чешут щетину,
А как страх одолеешь и воздух захочешь вдохнуть,
Холода обступают и ломают, проклятые, спину.

На гомеровой речи я говорить не мастак,
В отдаленном улусе не к месту хваленые греки,
Если каждая байка здесь начинается так:
Разверзаются хляби, и с курса сбиваются реки.

сквозняками по ступеням
мир летит, на май похожий;
разбиваясь на осколки,
громко хлопает фрамугой,
позабыв про кривотолки,

называю сладкой мукой —
случай — вымокнуть под ливнем,
убережь себя от вздора...
После ливня в небе синем —
ни обиды, ни укора.

ЕЛЕНА ИСАЕВА

Родилась в Москве в 1966 году. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Стихи публиковались в газете «Московский комсомолец», в журналах «Смена», «Студенческий меридиан», в альманахах «Истоки», «Молодежная эстрада».

* * *

«Эта встреча случайна...» — резонно вполне
Мне пластинка твердит в назиданье.
Я лежу на тахте, отвернувшись к стене.
И во мне происходит страданье.

Хоть до смерти ты музыкой душу травы,
Здесь никто не подскажет решенья.
Да поможет нам Бог дострадать до любви
И доплакаться до утешенья...

* * *

Какое ветреное лето.
И от дождя — лицо в слезах...
Деревья падали не где-то,
А близко, рядом, на глазах.

Под тяжестью грозы ссутулясь,
Ты этот вихрь переживи.
Где это было? Город Углич,
И дождь, и церковь «на крови».

И дуб, погибель не приемля,—
Его так просто не возьмешь! —

Цеплялся яростно за землю,
Корней не сдерживая дрожь,

И падал с невозможным криком,
Как будто в нем душа рвалась...
Тень от креста ложилась дико
На вывороченную грязь...

Когда я буду жить нахмурясь,
Господь, передо мной яви —
И опустевший город Углич,
И дождь, и церковь «на крови».

* * *

В старых ящиках стола мысли
Запылились и пришли в небрежность.
Я люблю читать твои письма,
Потому что в них звучит нежность.

И шуршат страницы, как листья.
Останавливается полночь.

Я люблю читать твои письма,
Потому что в них слышна горечь.

Словно по снегу хвостом лисьим,
Снова сердце теплотой ранить.
В ненаписанных твоих письмах
Все еще живет моя память.

* * *

«Не талантлива, только способна,
Инфантильна немного в быту,
Ты устроишься в жизни удобно,
Хоть споткнешься не раз на ходу.

Много счастлива будешь едва
ли...» —
И не в домыслах, а наяву
Я живу, как вы мне предсказали.
Вы — так думали, я — так живу.

* * *

И люди как будто не люди.
И звуки как будто не звуки.
Играют-играют прелюдию
Красивые, тонкие руки.

Предчувствие — не спугнуть бы! —
Над городом сонным кружится
Молитвой за годы и судьбы,
Которые могут сложиться.

Прелюдия жизни и смерти,
Безвестности или признанья...
Преддверье, предгорье,
предвестье,
Предвиденье, предначертанье...

О наши стандартные крыши
Безудержно музыка бьется!..
Имеющий уши — услышит.
Имеющий душу — спасется.

ИННА КАБЫШ

Родилась в 1963 году в Москве. Училась на филологическом факультете МГЗПИ. Работала учителем русского языка и литературы в московской школе. Стихи публиковались в альманахе «Поэзия», в журнале «Юность».

* * *

В природе нету безобразия,
как и в большой литературе.
А все ж: мы кто? Неужто Азия?
Ну не Европа же, в натуре!

И хоть народу понапичкано,
как в плюшкинской четверте,— кучки
и куча книжек понаписана,
все — по большому счету —
скучно.

Ишь, разухабилась громадина:
от Сахалина и до Веста.
Сколь метража для жизни дадено,
а не сыскать живого места!

И как-то так у нас устроено:
проходит лепший друг сквозь сито,
любовь и та неладно скроена
и на живую нитку сшита.

* * *

...время разбрасывать камни,
и время собирать камни.
Екклесиаст, 3 гл., 5 ст.

Февраль — и стало быть, пора
не плакать, а плясать.
И мысль на кончике пера
висит: пора писать.

пора понять без словаря
соотчицей язык.

И даже если все больны
смертельно: животом,
пора замешивать блины
перед большим постом.

На небо кисти Грабаря
поднять глаза от книг,

Признать, что снега кружева
уже ползут по швам,
а ты по-прежнему жива
и предана словам.

И надо этой жизнью жить:
единственной, мирской,
и рифмой к мысли мысль пришить
суровую: мужской.

...Среди зияющих пустот,
нитья и черноты,

* * *

Так всякий раз бывает по весне:
душа взрывает снежную коросту,
готовая к любви и новизне,
паденьям и болезненному росту.

И столько в ней накоплено щедрот
за русскую безвылазную зиму,

* * *

Да всяк в единственном числе:
и тот, кто едет на осле
и очень скоро примет муки,
и тот, кто умывает руки,
и тот, кто скалится в толпе.

в грязи пусть догнивает тот,
кто умер, а не ты.

Пора ходячим мертвецам
под камнями лежать,
а тем, кто жив,— идти к венцам,
и мыслить, и рожать.

что хватит на мужчин и на сирот.
Что хватит на Спитак и Хиросиму

березового сладкого питья:
душа кору, как чашечку, разбила.

...В такие дни до волчьего вытья
мне жалко всех, кого я разлюбила.

...Бредут — в затылок — по тропе:
и окруженный сыновьями,
и горячо любимый сын,
и всяк внутри себя, как в яме,
зверь,— ибо всяк один.

ЛЕОНИД КОЛГАНОВ

Родился в 1955 году в Москве. Стихи публиковались в газете «Московский комсомолец», журнале «Литературная учеба», альманахе «Истоки». Выступал со стихами по радио и телевидению. Работает экспедитором на автостоянке. Стихи публиковались в еженедельнике «Собеседник» и в «Дне поэзии».

ЗАПЛАЧКА

Отворотись! —
Чужак, вражина, отчим! —
Дай с матерью побыть наедине,—
Простоволосой ивой —
Среди ночи —
Она беззвучно плачет обо мне —

Бесслезными пустынными глазами...
О, не постичь тебе — вовек — любви такой,
От всех мужчин, что тлели между нами,
Стоит оскомный привкус —
Отжитой!

Меж нами —
Лишь родимое пространство,
Вместившее всю нежность на земле,
Пред ним припали все земные царства,
Единой ивою, подрубленной во мгле...

ЗЕМНЫЕ ПОЛЕТЫ

Старый оползень-дом наплывал, оплывая,
Утихая во мне пересвистом годов,
Но скреблася о память, как мышь полевая,
Потаенная нежность наших тихих прудов.

Присяжной змей-ремень перехватывал горло,
И голимая степь приближалась, пыля,
И скорбели о нас смертным выпотом стекла —
Выносила нас мертвая жизни петля.

Выносила к иной — беспредельной Отчизне,
Красным вспыхом планет озарялись глаза,
И вбегали, как дети, мелодии жизни,
И на лике земли проступала живая слеза,—

И катилась она по земле, как по старой иконе,
И манила заблудших среди мировых пустырей,—
Я покой обрету на рассыпчатом глинистом лоне,
Но слизнет меня вал заповедных незримых
морей...

СЕНТЯБРЬ

Как в силу входит бабье лето!
В двадцатиградусной жаре
Оно лежит полураздето
На порыжелом пустыре.

И Золушки ложится след
На коммунальные паркетки,

И золотится старый плед,
И проясняются предметы.

Так улыбается жнивье,
Так улыбается кладбище,—
И женщина берет свое
На потрясенном пепелище!

ЕВГЕНИЙ КАМИНСКИЙ

Родился в 1957 году. Геофизик. Стихи публиковались в журналах «Нева», «Аврора», в ленинградском альманахе «День поэзии», в сборниках «Молодой Ленинград-88», «Истоки». Автор книги «Естественный отбор».

* * *

Застыли в окнах кошки,
скучает каланча.
И люди по дорожкам

опять спешат, с картошкой
авоськи волоча.

Их караулят звоны,
их стерегут гудки:

спеши, вот-вот с разгона,
рассыпав макароны,
жизнь схватит за грудки.

плечами невзначай
столкнулись — что-то будет...

Спеши, спеши...
Вот люди

А ничего не будет —
ни здравствуй, ни прощай.

ЧАС «ПИК»

Клубами пара жаркого облит,
в трамвай внесенный властно и сердито,
я — льдинкою — был вкраплен в монолит
еще не затвердевшего гранита.

В рой разнородных мнений и забот,
в толпу истцов, ответчиков и судей,
спрессованных в компактное «народ»,
на равных я вошел, как — вышел в люди.

В «пик» ненавистой давки, в час, когда
накопленное за день раздраженье
огромным пузырем идет со дна,
чтоб броситься отчаянно в сраженье,

молчали мы. И как-то горячо,
дыханием соседа согревая,
стояли, придавив к плечу плечо,
во тьме обледенелого трамвая.

Друг другу ненавистны и чужды,
быть может, друг и недруг рядом тесно
стояли — но ни страха, ни вражды
не ощущая, вот что интересно.

И плакало трамвайное стекло.
И не было иных меж нами истин,
чем общая дорога и тепло...
Ужели этим миром правит зло?
Ужели быть он может ненавистен?

СЕРГЕЙ КАСЬЯНОВ

Родился в 1957 году в Николаеве. Работал каменщиком, слесарем, вахтером, инженером на теплостанции. В настоящее время заканчивает Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи печатались в альманахе «Истоки».

МУЗЫКА ПРИМИРЕНИЯ

Гуляли молния и гром в шуршащей тишине,
И дождь дышал,—
мой дом, как гном, дивился их возне.

Но я увидел в путях туч, почти лишенных сил,
Как легкий луч, зеленый луч дорогу осветил.

И с ним возник созывный звон и дольний, добрый стол,
Куда был каждый приглашен и всяк туда пришел,

Куда и старый, нежный враг не получил отказ.
Притек и тот под теплый стяг, кому я не указ.

И были все поражены, как водится, друзья...
Вот только не было жены — зато ей Бог судья.

Покой беседы на кругу — вечера той удел.
Я в очи тихие врагу смотрел и молодец.

И та, кому душа хмельной в награду отдана,
Владела мною...

но женой мне не была она.

И плакал я: ты не пришла... держал открытой дверь,
Потом смеялся: что — грешна? И кто твой Бог теперь?..

Зарделось в небе уголье — карминовая медь,
Но сердце белое мое устало розоветь.

И я глядел на Божий сад, на дождь его и чад,
Где от черемухи стократ звончей сердца стучат.

И только жар, капель, и гул, и сорок лун, и сто...

И кто-то свиток развернул, но я не видел, кто.

* * *

Ворочая сугроб, по пояс холодея,
Обвисли деревья под тушами ворон...
Чтоб горло обнажить заваленной аллее,
Зверье машин пошло с ворчаньем под уклон.

Клешнями волоча, ползут они кургузо,
Лохмотья льда с листвою вздымая на хребет.
И мерзлый грузовик взрыхленную обузу
В утробе увезет, вминая жирный след.

Вот город, наконец, зевает, меднолицый,
Окраины трясет, как мятую постель...
Приветы бормоча, болтая небылицы,
В сереброустый звон сливается капель.

Набрякшие глаза наш дом раскроет тоже,
С распаренного бра сосульки сна сгребать
Начнет...

И ты, душа, так на него похожа,
И ты, моя земля, во всем ему под стать.

АРСЕНИЙ КОНЕЦКИЙ

Родился в 1968 году в Свердловске. Работал корреспондентом областной молодежной газеты. Стихи печатались в газете «Литературная Россия», в альманахе «Истоки», в коллективном сборнике «Урал — земля золотая», в антологии молодой советской поэзии «Стихи этого года».

Живет в Москве.

РЕЧКА ЛОСИХА

Старый лось обронил над водою рога —
Заиграла, искрясь, у порога река.

Перекатом рогатым катая агаты,
Упирая в песок плавники-якоря,
Нельмы стадом идут вверх по дну переката
И на нерест несут по горсти янтаря.

Шелестит, шевелясь, шелковистая пена
На распахнутых жабрах, косых плавниках.
У истоков Оби и в верховиях Лены
В икряных отражается солнце боках...

Ты такой мне и снишься, речушка Лосиха.
В первотоках твоих, полновесно и тихо.
В непорочной воде вызревает икра...

Но грядет с человеком лихая пора.

И твои светлоструйные девичьи косы
Расплетут катера торопливым винтом.
Усыпив зыбкий разум бензиновым наркосом,
С динамитом пройдут перекат напролом.

Обезумев, поставят тебя на колени
Перед хмурым железобетоном плотин.
Закатают асфальтом тропинки оленье
И усядутся слушать гуденье турбин.

И забрасывать сети, не чуя беды,
В рукотворное озеро мертвой воды...

* * *

Когда я слышу бравый крик трубы,
То думаю вполне обыкновенно:
Не повторить бы только нам судьбы
Своих отцов — детей послевоенных —
Детей на обещанья щедрых лет,
Наивно полных близорукостью веры

В то, что для них действителен билет
На скорый поезд самой светлой эры.

Тогда под громогласное «Ур-р-ра!
Ур-р-ра!» — был путь объявлен чистым.
Но где-то подвели диспетчера,
Недосмотрели что-то машинисты.
И в путь совсем уж собрались, когда
Открылось,
Что, покуда в горн трубили,
Столбы упали, скинув провода...
А рельсы проложить в тот рай —
Забыли...

ВЛАДИМИР КОРОБОВ

Родился в 1953 году в Тобольске. Служил в рядах Советской Армии. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи публиковались в журнале «Москва».

* * *

У самого обрыва,
Не зная чар ручья,
Росла, дичая, слива,
Печальна и ничья.

Она, шутя, коснулась
Червивого ствола,
И слива вдруг проснулась
И тихо расцвела...

Зима, еще блуждая,
Вязала сети сна,
Когда обманом мая
Повеяла весна.

Не думала, шутница,
В пылу своих погонь,
Что в деревце таится
Гармонии огонь.

ПУТИНА

В моря цветение,
В завязь зари,
В дни непогожие
И штормовые
Волны вставали —
Как поводыри.
Мы же за ними брели —
Как слепые.

Город роился
Миганьем огней.
В будни не снился
Нам берег лазурный,
Где среди пальм
И ажурных аллей
Мальчик шалил
Со стрелюю амурной.

Там, среди соли
И пены морей,
Не на уютном
И людном причале,
Мы постигали
Под лязг якорей
Силу стихии
И чувство печали.

Нам по ночам
Над бессонной кормой
Свечи, кадя аромат,
Не светили.
Звезды пылали
Своей чешуей.
Из трюмов несло
Острым запахом гнили.

Где-то стонал
И боролся прибой.
Ноги гудели,
Как ржавые сваи.
Но как азартно
Зато под рукой
Рыба в сетях
Серебрилась живая!

Солнце вставало.
Пьянела душа.
Сейнер трясло
И шатало от груза.
И бесподобная —
Так хороша! —
Чайка над нами
Летела, как муза.

ЕЛЕНА КРЮКОВА

Родилась в Куйбышеве в 1956 году. Окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано и органа, работала в Иркутске концертмейстером и органисткой, в настоящее время — концертмейстер вокальной кафедры Горьковской консерватории, выступает с концертами.

Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книги стихов «Колокол» (Волго-Вятское книжное издательство), стихи публиковались в периодической печати.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все, что было, пусть исчезнет, как слепящий
снеговой.

Я стою в конце дороги среди Родины моей.
Путь закончен мой российский. Радость дивно
велика —
Та, что рот мне зажимает комом снятого платка.

Отзвенят вагонов звоны. Отгорчит грузинский
чай.

На разъездах енисейских отворчит собачий лай.
Всю на станциях заштатных бабы снедь
распродадут...

А в вареную картошку черемшу они кладут!..

Но разыметса однажды мое русское кольцо,
И, как матери-старухе, загляну Москве в лицо.
Посреди большого града встану прямо, как
стрела.

Помнишь, я щенком вокзальным хлеб из рук
твоих брала?!..

А на площади широкой, как товары на лотках,—
Лица в кепках пропыленных, лица в расписных
платках,

Лица, словно снег холодный, в жизнь летящие
мою,—

Поименно, принародно вас, любимых, узнаю!

Я стою на Комсомольской, весь пройдя
в короткий срок
Путь, которым эшелоны шли на Запад и Восток.
И, от счастья прозревая,
от рыданья став слепой,
Я лицом одним сливаюсь
с беспредельною
толпой.

ПЛАЦКАРТА

Какая гарь!
И рваные кофтенки,
И яблоки, хрустящие во рту...
И слезы неумытого ребенка.
И поезд, рвущий тьму и пустоту.

В окне летит пейзаж индустриальный,
Где все мертво, где бродит новый Босх.
На полке — песня матери печальной
И сонный мальчик, желтенький, как воск.

И он в руках у мамы тает, тает,
А песня все горит, горит над ней...
Она о жизни
очень много знает,
А я не знаю ничего о ней.

Идет ко мне, шатаясь, проводница.
На сказочном лице — мазут и грязь.
И я качаюсь!

Это как больница.
А кто-то в карты режется, смеясь.

И ложка, будто колокол, в стакане
Звонит
по всем похмельным на пиру...
Старуха плачет: внук в Афганистане.
Ей легче, коли слезы на миру.

Ей тело холодит белье сырое.
И зимних звезд
цветной колючий звон
Плывет в окне...
Я штору приоткрою.
Как сладко спит измученный вагон!

И медный привкус на губах дорожной
Воды,
и соль мороза на стекле,
И мысль о смерти, все же невозможной,
Пока в плацкарте
мерзнем
на земле.

ДМИТРИЙ КРЮКОВ

Родился в 1968 году в Горьком. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

* * *

Александрю Башлачеву

Добровольно ушедшим
из жизни —
будь я волен —
Поставил бы храм,
Чтобы правилась вечная тризна
По приглаженным кровью вихрам,
Чтоб,
забыв годовщины и даты,
Время шло,
безраздельно скорбя
по безжалостно стертой когда-то
Неопознанной
части
себя.

ЕПИТИМИЯ

...Выбрав звезду любую,
Чтобы
не ждать рассвета...
Д. К.

Полночное небо
по жизни тоскует,
тасуя
пожитки зимы,
Чтоб утром,
утратив значение сует,
дома превращались
в дымы,—
Мета-
фора в целом
непере-
водима.
Но раз,
уходя на постой,
я видел, как струйка
февральского дыма
кидалась
последней
звездой.

К «ТРИПТИХУ»

Марии Володиной

Я лежу под Москвой,
Глубоко под Москвой,
Под колесной
тоской,
Под Кремлевской
доской,
Я лежачий мандраж,
Я шахтерский мираж,
Постмортальный кураж,
Соцкультбытантураж,
Я — тринадцатый гад,
Я — семнадцатый год,
Я обмыт анекдотом
Ом отравленных вод,
И на влажном лице эллипсоид земной
Проступает свободной своей стороной.

ВИКТОР КУЛЛЭ

Родился в Ленинграде в 1962 году. Учился в Ленинградском институте точной механики и оптики, служил в армии. В настоящее время — студент Литературного института имени А. М. Горького.

Стихи и переводы публиковались в журналах «Юность», «Литературная учеба», «Студенческий меридиан», «Вопросы литературы», в «Литературной газете».

* * *

Кровь густеет под утро, себя вспоминая смолою.
Сверхлимитное время — чрезмерная милость и тяжесть.
Високосные судьбы засыпаны мерзлой землею;
неужели и мне — на излете — вот так же?
Протянувший полжизни на куреве и валидоле,
я уже не надеюсь на право дышать откровенно.
Високосные яблоки канут в другие ладони,
и янтарная кровь остановится в каменных венах.
Милосердия, Боже! — на сутки продли мою муку
на весах, примиряющих тяжесть секунд и столетий.
Дай охрипнуть в гортани еще не рожденному звуку,
дай смириться душе, не простившей полеты и плети.
Увязаю по брюхо, и лапы в снегу волочатся —
даже волку без логова мыкаться степью не должно.
Ни о чем не прошу: лишь бы только пришло в одночасье;
лишь бы мать, и отец, и любимая жили подольше...

* * *

Милая, на улице темно.
Ледяное красное вино
как-то согревает наши души —
этот свет, идущий изнутри
мертвых тел. Но, как дельфин на суше,
легкими пуская пузыри,
мучается морем, так и мы
вспоминаем частности — невольно,
из нагой молекулярной тьмы,
где уже не холодно, не больно
и бессильны горькие умы...

ЛЮБОВЬ ВЕДОВА

Родилась в Путивле Сумской области. Стихи публиковались в журналах «Радуга», «Работница», «Студенческий меридиан», в альманахе «Истоки».

* * *

От грязи избавляю этажи.
Так поступаю по велению души.
Но с родичами состою в раздоре.
Мне говорят:
— Любовь, ты наше горе.
Что люди скажут о тебе, скажи?
Вот докатилась! Моет этажи!
Да что поделать нам с тобой такую? —
Все говорят.
А я все мою, мою.

* * *

Куплю билет до отчего Путивля.
Поеду во владения весны.
Там расцвела сирень, купаясь в ливнях,
там Ефросинья плачет у стены.
О, судьбы вдов....
Над Сеймом и над Росью,
лишь чуть забрезжит майская пора,
в соседней хате плачет баба Фрося
и смотрит, смотрит в сторону Днепра.

СТАРАЯ СКАЗКА

Царевна жила Несмеяна,
где русло сгибает река.
Любили ее два Ивана,
конечно же, два дурака.

Живет и сейчас, как ни странно,
одна у изгиба реки.
— Не женишься!
Все Несмеяны.
— Не выйдешь!
Одни дураки.

ВИКТОР ЛЯПИН

Родился в 1959 году в городе Кстове. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Служил в Советской Армии.

РЯБИНОВЫЕ НОЧИ

В рябиновую ночь ты не уснешь, забава!
Мать с бабкою уснут, и кошка, и петух,
но я-то буду знать —
ты мечешься на славу
в постелях дорогих, как в лапах повитух!

Сударыня моя! В окошка слюдяные
пригоршню частых камушков метну!
Не хочешь выходить? — так на тебе отныне:
зашьешь себе глаза слезой по полотну!

Я парень озорной, не вашего колхоза —
пройтись, кося глаза, да хоть разочек спеть:
— Твой полубовник, лада, будет в красных розах,
дай срок ночам доцвести да ягодам доспеть!

Иди сюда! А нет — поклоны бей земные,
когда в рябинный час найду тебя одну
и верною рукой в окошка слюдяные
пригоршню частых камушков метну!

ДОМ

Ты остался один. И вокруг ты глядишь осторожно,
обживая свободу, как зверь обживает нору.
Полыхают Стожары, и дом твой шатает безбожно.
Созревают пожары, а время стоит на ветру.

Здесь жена твоя шила, и плакал младенец в кроватке,
и ногами бессонными ты его грел и качал.
Ты сотрешь и забудешь ладошек родных отпечатки,
чтоб не пахло бедой и чтоб призрак в глазах не торчал.

Ты собрался здесь жить, терпеливо и неистребимо,
ты достал карабин, и патроны, и соль, и еду.
Ты сказал за порог: — Здесь потеряно все, что любимо,
но и в жирной печали есть место посту и груду.

Подними, черноризец, в безумстве сожженные книги,
что страницами черными руки твои холодят.
Это запах завета, и это свободы вериги,
хоть от них разрываются вены и жилы гудят.

Собирай и вари свое брашно впомешку с отравой,
дохлых птах приноси и с молитвой швыряй в синеву.
До свидания, брат, мы прощаемся, брат мой лукавый,
и, тобою возвращенный, на новый огонь я плыву!

АЛЕКСАНДР МАШКАРА

Родился в 1947 году в Белгороде. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

Стихи публиковались в журнале «Подъем», в приложении к журналу «Молодая гвардия», коллективных сборниках Центрально-Черноземного книжного издательства.

* * *

В грусти, в недоле и ностальгии
Сдавлено сердце, стенает душа.
Молча смотрю на деревья нагие —
Тихо молитва земная слышна.
Там, где вдали то ли песня, то ль ропот,
Чей-то платок или чья-то сума...
Страшный по мудрости горестный опыт,
Страшный по силе, сводящей с ума.

СНОС КУРГАНА

Бульдозер надвигался властно.
Рыхлил. Пахучая земля,
Которой луг сейчас был застлан,
И клин, где были зелены,
Дышали вековым настоем,

Тянулись вширь, рыхлились вкось...
И дети, как солдаты, строим
Стояли, заслонив откос.
В тысячерукой грозной силе
Мотор, как сердце, глухо ныл...
Притихли дети: их учили
Не ворошить чужих могил.

* * *

...Сыне родимый, спаси!..

Т. О.

В этом доме давно уже нечем дышать.
В этом доме душа подневольная стынет.
Ну куда мне от дома родного бежать?..—
Посоветуй мне, сыне...

В этом доме закат так похож на рассвет.
В этом доме мне боль мою время не снимет.
Как душе обрести тот утраченный свет?!
Посоветуй мне, сыне!..

В этом доме достаток похож на разор.
В этом доме мое нарицательно имя.
Как очистить мне душу? Как вынести сор? —
Посоветуй мне, сыне.

И чем дальше идем, тем труднее дышать.
Кровь уже не пульсирует, медленно стынет.
Но куда от себя, от себя убежать? —
Посоветуй мне, сыне.

В нашей светлой стране рубежей и побед
Непонятная гордость и присно, и ныне.
Как же этот наш дом нам избавить от бед?..—
Посоветуй мне, сыне...

ГЕОРГИЙ МАРГОВСКИЙ

Родился в 1963 году в Минске. Работал слесарем, униформистом в цирке, служил в железнодорожных войсках. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

* * *

О, ты, мой единоутробный бред!
Разводные веки сомкну —
И представлю, сколько плакучих лет
Ожидаю Ее Одну.
Я вращал небес телефонный диск:
Полночь глохла — кричи, не кричи...
Отряхалось пространство от звездных брызг,
И за сучья цеплялись ручки.
Истрепала меня ветровая езда,
Грбовая пьета тяжела.
Но мечта в сердцевине больного гнезда
Лишь о Ней об Одной жила.
Подниму, как якорь, улыбку со дна,
И прибой, сглотивши слюну,
Повторит за мною: Она Одна —
И прибавит: Ее Одну...

* * *

На то и человек, чтоб замечать,
Глотая слезы и латая дыры,
Как немощны мечты, как звезды сиры,
Когда на них безликости печать.
Микрорайон бугорчат и коробчат.
Дома похожи: этот, да не тот.
С утра пройдут — вечерний след затопчут.
А то, бывает, за ночь наметет...
И все она, проклятая привычка,
Что ускоряет будничности бег!..
...Прислушайся, как воет электричка,
Хоть на минуту — если человек.

Живет и работает в Ульяновске.

* * *

В голубом наводненье березы.
Золотится от листьев вода.
Этот глядящий, ласковый воздух!
Эти блики звездчатого льда!

Я не знала, что можно такое:
воскресающим пеньем луча

из тепла, тишины и покоя
создает себя снова душа!

И на мир раскрываются очи,
отрясается пепел, и вот —
узнавая, счастливо бормочет.
Но уж в руки ничьи не идет.

* * *

Подъезжаю к дому я, а лес в огне —
это мать моя тоскует обо мне.
Ждет она меня с купавой золотой,
словно праздник, праздник сердцу дорогой.
Отъезжаю — веет сырость из болот.
Мать с платочком провожать меня идет.
Там, где светится купава из окна,
отпускается мне всякая вина.
Только путь, лукавый темный путь земной,
только месяц, как купава за душой.

* * *

То не месяц провозят печальные кони,
и сияния не унять,
то колотится сердце сейчас в ладони,
и сиделка со мной опять.

Не считает, черная, пульс покуда,
а берет из моей руки,
как расплату за жизнь, за личную ссуду,
неостывшие черновики.

* * *

Московский март прохладен и приятен.
Как леденец, у марта холодок.
А снег рябит от новых темных пятен,
и под ногой ломается ледок.

И церковь «Всех о радости скорбящих»
оторвана как будто от земли.

В размыто-синих сумерках все чаще
я на нее люблюсь издали.

Она чиста, как праздник всепрощенья!
И явственнее я со всех сторон
над обновленной, над землей вечерней
какой-то чудный различаю звон!

Неярким светом заливают площадь.
А на душу нисходит кроткий час.
Тогда добрей я думаю и проще
о жизни, о судьбе своей, о вас.

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ

Родился в 1953 году в Архангельской области. Окончил Ленинградский педагогический институт, преподавал историю. Сейчас работает киномехаником в ДК железнодорожников ст. Волховстрой. Печатался в сборнике «Уроки правды», в альманахе «Поэзия».

КОНЬ

На кузове замедленной машины
Перевозили крупного коня.
Смотрели вслед у пивларька мужчины,
Зауспокойно кружками звеня.

Стоял недвижно конь, печально-гордый,
Всем телом чувствуя машинный бег.
Готов был рухнуть на колени город,
Пожертвованьем падал крупный снег.

На заторможенном, зловещем ЗИЛе
Официально, на виду у всех
Коня, как Символ Русский, увозили
Под еле слышимый нерусский смех.

КОРОТКИЙ ДЕНЬ

Позерски идти на сопку —
Не дело для мужика.
Расчистит лопатой тропку
Туда, где во льду река.

До проруби путь проложит,
Поставит ведро к воде.
Оттуда он тоже сможет
Свой взгляд устремить к звезде.

На холм городские праздню
Взбираются. Вот нужда!
Еще над холмом проказно
Себя поведет звезда.

Капризная, как девица...
Богиня земных огней...
Пусть в проруби отразится,
А я постою над ней.

КОТЛАС

Помню Котлас!

Два вокзала рядом:
Железнодорожный и речной.
Время заполнялось здесь разладом,
Смехом и угрюмостью лесной.

Разрывалась лучшая гармошка,
Отправляя с двух вокзалов враз.
Как она играла на дорожку,
Как вела свой песенный рассказ!

Волнами прокатывались боли
По вокзалам жертвенной страны...
Были мы подстрижены под «нолик»,
Бледные, больные пацаны.

Помню пароход и звуки танго.
Был Архангельск — наш ориентир.
Капитаном нулевого ранга
Из отсека я смотрел на мир.

В русло детства трудно возвращаться,
Нет былых простора, ширины.
Мне плечом не отодвинуть, братцы,
Левый берег Северной Двины.

ЕЛЕНА МОСКОВЦЕВА

Родилась в 1970 году в Москве. Стихи публиковались в альманахе «Поэзия».

* * *

Откупаешься — волосы гладишь,
Так столетья в молчаньи идут.
Я не знаю, о как с тобой сладишь,
Мое счастье, на десять минут.

А потом я на улице темной,
На тропинке из лжи слюдяной
Вырастаю свечою бездомной
Под кирпичною желтой стеной.

Безнадежной, и жуткой, и тусклой,
Словно оттиском этой строки,
Жизнь мне кажется узеньким спуском,
Я скольжу, и трещат узелки.

* * *

М. Павлюк-Павлюченко

Нет, так не курят — так, тоскуя,
Проваливаясь в сон-дурман,
Вновь из трагедии кочуют
В театры бесконечных драм.

Тоской укутана, как сетью,
Цепями календарных дат
Прикована к двадцатилетию
Земных поправок и утрат.

По бесконечности скитаясь,
Живя всегда по белойой,
Застыла девочка-китаец
С открытой солнцу головой.

РОССИЯ

Я прозреваю от твоих ресниц,
Я просыпаюсь от твоих ночей,
Я доверяю чуткости десниц,
Не принимаю даровых харчей.

Безоблачностью края непокой
И силой неотверженности дая,
Мне разрешаешь робкою рукой
Пролистывать бесстрочья букваря.

ОЖИДАНИЕ

О Фауст! — Не дыша...
Заставы колебанья... —
Извозчичья душа!
Ненужные страданья...

Тебе уже никто
Давно не назначает

Раскладывать лото
Небесное за чаем.

И, как ни чаешь ты
Высокого звучанья,
Уходят в решето
И слово и молчанье.

* * *

Мир веществен до отвращения.
Долгий день на прозренья похож.
Развернулись крутые ступени
Стройным рядом забытых галош.
О, нежданное мною явленье
Рам, шпалерно задернутых сном.
И пока не пришло отрезвленье,
Я сдаю свою нишу внаем.
Потускневший гостиничный номер
Усмехается каждым углом.
Сигареты, как горсти соломин,
На окне, на полу, под столом.
Я пишу про снега и про прачку,
Каждой строчкой в дорогу
влекома.

Ложь затянута в белую пачку
С кошельком из руки скопидома.
К ней лицом повернуться не смея,
Я пишу, как метель заметет —
Холодею, седею, немею —
Топкий след от московских ворот.
Ленинград надоел, непригляден.
Вот сейчас соберусь и уйду.
И следами, монетами пятен
Всех запутаю в Летнем саду.
Я пристроюсь на узкой скамейке,
Мне сквозь говор моих неудач
Ручейковая бредится змейка
И московский рассерженный грач.

ЕЛЕНА НАУМОВА

Родилась в 1954 году в поселке Вахруши Кировской области. Заканчивает Литературный институт имени А. М. Горького. Автор двух поэтических сборников — «Девочка и дождь» и «Выстрел ветки».

* * *

Все было ясно, просто, мило.
И вдруг в душе сомнений рой.
Я печку молча растопила
Сухой березовой корой.
Посуду мыла — больше била.
Шить села — колется игла.

И что-то было, накопила,
А высказаться не могла.
И сколько эта мука длилась,
Не дать ответ,
не вспомнить мне...
И штора тюлевая билась
От ветра в низеньком окне.

* * *

В твоём окошке день.

В моем окошке ночь.

Мы в городе одном,

но мы с тобой точь-в-точь

на разных полюсах.

Хоть время на часах,

не замедляя бег,

стучит одно и то ж —

в моем окошке — снег.

В твоём окошке — дождь.

А были времена —

в моем окне — луна,

в твоём окне — луна...

А ТЫ ДА Я

А ты да я — да мы с тобою...
Над нами не изба с трубою,
Не дом многоэтажный, нет,
А только неба звездный свет.

Одни лишь птицы да деревья,
Да только мудрые поверья

О том, что с давних-давних пор
Любовь — жестокий приговор.

А ты да я — да мы с тобою...
Уж так назначено судьбою —
На бесконечном сквозняке
Стоять,
зато рука в руке.

БАБУШКА

Улицы в наряде новогоднем.
Снова я у милого порога,—
В гости привела меня сегодня
К бабушке вечерняя дорога.
Кажется, вот сяду возле печки,
Затрещит огонь, озорничая,
Заструятся дымные колечки,
Стебельками синими качая.

Бабушка подаст баранок связку.
Мы с ней почаевичаем вместе.
Валенки поставит к печке,
сказку

Перед сном расскажет,
перекрестит..

Но молчит печурка виновато,
За окном белым-бела дорога...
Валенки, как серые котята,
Одиноко дремлют у порога.

Надбой крыла я видел в пене брызг.
...Был ветки хруст как запоздалый выстрел.
Пространство гулко, зыбко и бело,
Лишь в дымных росах осиянье спектра.
Что есть волна — такое же крыло,
Что небо есть — волна крутая ветра.

РУМЯНЕЦ

Когда появляется привкус у яблок, у ягод,
И спелость плода вождеденно-запретна,
И свет убывать начинает заметно,
Оскоминой терпкой, не на день, а на год.
Как нечто, в другом измеренье, в другом отраженье —
Вдруг зрение слышит упругий, под крыльями, воздух,
Да, зрение слышит. И взмах — это роздых,
А пауза, что перед взмахом — движенье.
Движение сока, под корочкой зрение слышит,
Темнеет от пальца она при нажатии резком.
Темнеет листва и, как горнее облако, дышит,
И дышит трава жухлым, ветреным всплеском.
И птиц безголосье должно через миг оборваться,
Над тонким и влажным дыханьем акаций,
Мне б выждать момент нарастания этого пика —
Под небом царит ожидание свиста и крика.
Сады у реки оглушают вишневою брагой,
Томительно сочно и неоглядно бесхозно...
Как чувство утраты, являясь ни рано, ни поздно,
Роса затеняет румянец спящею влагой.

**Родилась в Москве. Окончила Московский государственный институт культуры. Работает преподавателем в школе Зеленограда.
Печатается впервые.**

* * *

Не верилось в холодные дожди,
смывающие зелень с листьев клена.
Молила солнце я: «Не заходи!
Не уступай зиме земного трона».
Но наша жизнь сплошной круговорот —
как день и ночь играют в прятки,
забот закружит пестрый хоровод,
и заспешим вперед мы без оглядки.

* * *

Старалась я тебя оберегать
От суеты ненужной и от боли.

Я так устала искренности ждать,
Свободы испугавшись поневоле.

* * *

В час, синевой облитый, поздний, и плакал тихо ветер звездный.
к вечерне колокол сзывал, Я разлюбила, ты не знал.

* * *

Так жаждет первого тепла земля,
тепла, что в нежности твоей таится.
Выглядываю в небе журавля,
ну а синица, что это за птица?

Явь не воспринимается всерьез,
но что-то неотступно вновь тревожит,
как твой полуответ на мой вопрос,
как день, что с полуправдой нами прожит.

* * *

Телефон — молчаливый уродец,
Тупо смотрит глазницами цифр,
Электронного века питомец,
Фехтований словесных арбитр.

Безобразная, глупая штука,
Зазвони, затрезвонь на весь дом,
Чтобы наша с любимым разлука
Вдруг растаяла мглой за окном.

Я хочу, чтобы в ритме обычном,
В суете сумасшедшего дня
Для него стало просто привычным —
Ожиданье увидеть меня.

* * *

А я —
обычный пешеход,
Я в толчее городской загипсована, и эта осень —
но, слава богу, не просто поворот
закомплексована. к зиме.
Весьма надежен мой автопилот. Сплошной круговорот.
И по маршруту он меня ведет: И многое бы я успеть смогла,
квартира, улица, завод. но все дела, дела, дела...

БОЛДИНСКИЕ ПРУДЫ

Мы стояли там, где плачут ивы И на редкость были молчаливы
И зеркальны старые пруды, Тени в отражениях воды.

* * *

Жить — значит, верить, видя все вокруг.
Жить, ни во что не веруя, так трудно,

Чтоб выскользнувшей чашею из рук
Как бы случайно не разбилось утро.

И хрупки, словно первый лед, мечты,
В тумане жизни просто затеряться.
Но только будь самим собою ты,
Умей над неудачами смеяться.

ЕВГЕНИЙ ПЕРЕМЫШЛЕВ

Родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Живет и работает в Москве.

* * *

Он шел, и тени метрономом,
лишь фонарям благодаря,
качались в снеге насекомом
чудовищного января,

он проходил, и дом за домом
по мелочам себе даря,
он сам казался насекомым
роящегося января,

он шел, и застывало комом,
о чем молчал, не говоря,
он в этом гуде насекомом
бессмысленного января,

и думал так: Содом — Содомом,
но скоро зашумят моря

над этим веком насекомым
и над развалом января,

и повернул, путем ведомый,
и в дом вошел, подъезд, горя,
был полосатым насекомым
в гудящем улье января,

он думал, что пришел к знакомым
и что, наверное, не зря
он шел сквозь город насекомых
в глухом начале января,

он отогрелся, сквозь истому
глядел он, как она, паря,
прошла в круженье невесомом
под елкой в центре января,

и трещина легла изломом
по клеточкам календаря,
в кишенье чисел насекомых,
от декабря до января.

* * *

куда опаздываешь ты
куда приводит опозданье
из темноты
как мирозданья
куда из холода в тепло
пока ты выпитым крепился
не очутился

но привело
туда где ночи новогодней
полупритушены огни
и ты сегодня
не премини
увидеть сквозь покровы быта
как жизнь добра и ждет кого
бокал налитый
шампанского

АНДРЕЙ ПЧЕЛКИН

Родился в Ульяновске в 1964 году. Окончил историко-филологический факультет Ульяновского государственного педагогического института.

Работал учителем русского языка и литературы в сельской школе.

Участник зонального семинара молодых писателей Поволжья в Ульяновске.

Стихи публиковались в газете «Книжное обозрение», альманахе «Искатель».

* * *

Марево на большаке,
ни ветерка, ни протоки.
Женщина в черном платке
долго идет по дороге.

Преют стога вдалеке,
буйные травы скосили.

Женщина в черном платке
долго идет по России.

Белую прядь узнаю,
платье из ситца того же —
очень на маму мою
женщина эта похожа.

* * *

На сеялке трясусь на посевной,
стирает ветер все мои веснушки,
дышу, хриплю, ору, плюю землей
и землю пью с напарником из кружки.
И если вдруг когда-то заблужусь,
то разжую щепоть земли немного,
и чем сильнее будет прежний вкус,
тем правильнее до дому дорога.

* * *

Вдоль по улице Советской,
по аллейке, не спеша,
шел солдат с коляской детской,

чуть качая малыша.
И вдогонку им капли
перезванивали с крыш,
и знакомился с апрелем
разговорчивый малыш!

ВИТАЛИЙ ПУХАНОВ

Родился в Киеве в 1967 году. Служил в Советской Армии. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Стихи публиковались в альманахе «Истоки», в коллективном сборнике «Молодая поэзия-89».

* * *

Пока я жил на этом свете,
За двадцать лет
Я только то узнал о смерти,
Что смерти нет.

Когда она, меня заметив,
За мной брела —
Я знал, что смерти нет на свете,
А жизнь была.

И все же — вы видели мертвую куклу,
Обнаженную, растерзанную, повешенную на древе,
А рядом — еще одну.
А выше — спокойное, древнее небо и солнце,
А рядом — северная река с мягкими берегами,
Осокой, где прячутся птицы и родники,
И красноголовки живут при дороге,
И сено скопилось в зарод на опушке.
А на той стороне — невинно убиенная мученица — деревня
С обезглавленной церковью
Среди бесполезного золота полей, усыпанных
бирюзой васильков.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Молоденькие девочки читают декадентов
И грациозно пускают по этому поводу
интеллигентные слюни.
Они бы хотели ощущать себя неповторимо одинокими
Артемидами.

А потом они что-нибудь рожают,
Уверяя себя и родных, что не от первого встречного,
А от великой и вечной любви,
И подцепляют сепсис в поганом родильном доме.
— Это явление интересно в отношении к зависимости
Коэффициента рождаемости от степени
интеллектуального недоразвития

ЭВОЛЮЦИЯ

Слово стерлось по причине
Миллионов потребителей его значения,
Как прямого, так и переносного,
И давно уже только делает вид,
Что может быть
Жалом иль медом и будит чью-то совесть
В тех редчайших случаях, когда это необходимо.
Мы уже привыкли к искусственным словам,
Как несколько ранее примирились с искусственным
мехом и порошковым молоком.

У сердца уже на расстраиваются желудочки,
И количество душевности на душу населения
(По данным социологов)
Должно в результате приблизиться
К намеченному уровню.

РОЖДЕСТВО

Млечный Путь, как битое стекло;
Тяжело смотреть босому глазу,
Под лопаткой время затекло,
И былое вспомнится не сразу:

На Руси рождение Христа!
Девки для гаданья ладят свечи,
Щеголяют парни без креста,
Полушубки вывернув овечьи.

Под забором дремлет коляда
После дарового возлиянья.

И сгорают звезды со стыда,
Исполняя девичьи желанья.

У окна моя седая мать
Снежной нитью чинит одеяло,
Ей сегодня не о чем гадать,
Все уже, что надо, нагадала.

Впереди ни света, ни следа,
Завывает ветер, как волчица...
Поутру замерзший коляда
В двери рая посохом стучится.

ХУДОЖНИЦА

В квартире у художницы,
Куда ни сунешь нос:
Одни худые ножницы
Да бородатый пес.

На стенах, точно яйца,
Облупленны,— холсты,
С них рожи ухмыляются,
Румяны и толсты.

Вот старая безбожница
Лениво жрет ростбиф...
Сидит всю ночь художница,
Последний чай распив.

Сидит людской напраслиной
И, в кисть вгоняя злость,
На завтрак краской масляной
Для пса рисует кость.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Как провижу я душ кривизну,
Как почую я правду нагую,
Языком пол-России слизну
И оставлю на память другую.

А потом за моря полечу,
Отдохну под голгофой-горюю...
С полстраной поступлю как хочу,
А другую дотла перестрою.

ЛОШАДЬ

Как будто старою калашей
По лужам шлепая губой,
Навстречу мне плетется лошадь:
«Куда, родная?» — «На убой».

Поговорили, постояли
Среди внезапной тишины:

«Конечно, лошадь, ты ли, я ли,
Селу мы нынче не нужны».

Друг другу руки мы пожали,
Слезу смахнули со щеки,
А в стороне над нами ржали,
Мычали, выли мужики.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВ

Родился в 1951 году во Владимирской области. Окончил радиоприборостроительный факультет Владимирского политехнического института. Служил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке.

Живет в Красногорске.

Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Юность», «Литературная учеба», в альманахах «Истоки» и «Поэзия», в сборнике «Стихи этого года. Поэзия молодых. 1987».

* * *

С достаточной степенью ясности
Можно понять устройство самолета
И даже более сложных аппаратов.
Но, когда дело касается
Жука, ящерицы, ласточки, жирафа
Или иного нерукотворного существа,
Формальная логика бессильна
Вследствие внутренней неисчерпаемости
Объекта исследования.

* * *

Любовь,
Преодолев расстояния, преграды, разлуки
Часто гибнет,
Не выдержав того,
К чему стремилась —
Кратчайшего расстояния
Между влюбленными.

* * *

Не дарите любимой девушке ничего,
Кроме цветов и конфет.
Если вы расстанетесь навсегда,
Что случается гораздо чаще,
Чем обратное,
То ничто не будет
Тревожить ее память,
Напоминать ей о вас.

* * *

Когда переворачивается айсберг,
Становится обозримой
Его подводная часть,
Казалось бы, интересно посмотреть,
Что было там, внизу.
А ведь нет —
Такой же однородный лед.
Как и везде.

ЮЛИЯ СКОРОДУМОВА

Родилась в Москве в 1964 году. Окончила филологический факультет Московского государственного университета.

* * *

Жара! Над трибунами флагом колышется лето.
Трещат и рвутся из рук билеты
ввиду разгара коммерции крупной.
Бицепсы лопаются, как целлофановые пакеты,
в которых потеют тучные фрукты.
Белые спины мороженщиц

сулят молочные реки,
перебродивший кисель в мармеладных тюбиках.
В зарослях рук над тропой велотрека
лязгают семечек птичьи клювики.
Плевое дело — взлететь.

Приблизительно треть
незрячих зрителей в темных очках
бегло ощупывают газетные рубрики,—
чтиво для пальцев, кубики-рубрики.
Капают пудра с облупленного пяточка
взвизгивающей публики.

Где-то внизу готовится зрелище,
поджаривается на солнце, которое злей еще
здоровой спортивной злости.

Его пережевывая, частые гости
ощущают во рту привкус столовского хлеба.

«Берегите хлеб, берите
столько, сколько вы съедите!»

Кто сим правилом пренебрежет на виду
у шеф-повара Феба,

тому из болельщиков тенты палаток
и продавщицы в белых халатах,

боюсь, на беду,

напомнят о зимах в больничных палатах,
где с равным бесчувствием

вкушаешь тщету облаков,

радио и еду.

А пока рекорды и страсти горят синим пламенем.

Лидеру лижет пятки расплавленный «адидас».

Белозубый его анфас

скоро предстанет зрителю

распечатанным в зрительной памяти

тиражом миллионным.

Ну а пока

трибуны народные шумны и бдительны,

зрителю хочется наверняка

сильней, чем даже руку пожать победителю,

просто хлебнуть пивка.

* * *

Скорый поезд минует вокзалообразную станцию,
областных устремлений престол.

Ветер врачует преклонного возраста статую,
отбиваясь от вороха жухлых больничных листов.

Антисанитария. Бутерброды на мягкой газете,
торопливая трапеза, символ любви дорожной.
Ни жандарма, ни чепчиков, ни занимательной рожки,
отвечающей инициалам в гремучем клозете.

Поезд тянет, хрустя позвонками, гусиную шею.
Мир меняет состав, консистенцию видимой зги.
Три стопарика, щедро внимая печатным свершениям,
льют горячие слезы на жадные наши мозги.

Постояв на распутье, сторгуем фригидную связку
декораций съестных у потомка степных янычар.
Проводник, проводник, расскажи нам ревизскую сказку,
мы дадим тебе фору на твой засекреченный чай.

Ты уже ревизор. Мы уже подъезжаем к острогу,
не решив с неизвестным тобой уравнение рельс,
коим грезит на полке, завернут в казенную тогу,
обкурившийся дымом отечества эпикуреец.

* * *

В четверг после дождя взываешь ты не без
надежды: бог, неужто снова дождь прольется?!

А небеса тебе на то ни ме, ни бе.

И плюнул бы в колодец выжатых небес,
но даже в потолок попасть не удастся.

И светлый горизонт, как карточный должок,
так обязателен, но долог и далек,
что ничего, как ждать его, не остается.

В розетке тока нет, но грома есть раскаты.

И так как твой экран не пашет голубой,
тебе преподнесут на блюде с голубой
каемочкой небес щепотку голубей.

И робко про себя подумав вслед пернатым,
что жизнь перевелась, захочешь, хоть убей,
быть если не котом, по крайней мере, скатом.

В ногах нет правды, нет в отечестве пророка,
один Илья, увы, теперь он на коне.

Нет в небе журавля, в руках синицы нет,
и нету кур, и нет, что им клевать — монет.

А то, что есть, увы, давно лишилось прока,
поскольку вновь четверг, и дождь, и в том беда,
что сутки проплывут — останется вода,
и будет протекать на землю ненароком.

выходят интуристовские гуси.
В пределах монастырской стороны
их манит трапеза в маршрутных точках —
густой коктейль из русской старины,
традиция под соусом в горшочках.
Храм Покрова на вкрадчивой Нерли
стоит, не дрогнув, как во время оно;
гогочут гости, на глазах — нули
сиреневых очков-хамелеонов.
И перед ними открывается сезам,
трава вытягивается, чтоб обнажить им корни...
Взирает Матерь — и, как бритвы по зрачкам,
гуляют фотовспышки по иконе.
Прошли века защитных рвов и стен,
никто на чужака не смотрит люто...
Восток и Запад — не объятья, но обмен,
и здесь у каждого — своя валюта.

* * *

В восемь,
как было условлено,

ты не пришла.
Часы удивленно разводят
руками —
начало десятого.

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

Родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. Окончила Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Работала учителем в Уржумском районе Кировской области, корреспондентом, затем редактором районной газеты (г. Уржум), корреспондентом областной молодежной газеты «Комсомольское племя» (г. Киров).

Печаталась в журналах «Литературная учеба», «Волга», «Родник» (Рига), коллективном сборнике «Встречи» Волго-Вятского издательства, в областных газетах «Кировская правда» и «Комсомольское племя».

* * *

В твоих краях цветет сирень
и тихо бродит воздух пьяный.
И дышит зноем долгий день
на разомлевшие поляны.
Когда луны тяжелый круг
отображается в озерах,
леса смыкаются вокруг,
тая крамольный свист и шорох.
Бессонный лес! И там, и тут,
гонимы страстью, зверь и птица
подругу ищут и зовут,

стремясь в любви соединиться.
Ты мне прислал в письме цветок,
и он в пути пыльцу осыпал,
он долго шел, и он засох,
и тенью из конверта выпал.
Уже не твой, уже ничей,
хранится он в прохладе комнат
и шелесты лесных ночей,
бессмертным став, уже не помнит.
Аукнется ль в чужом краю —
в пути развеется дыханье.
Так мудрость ясную мою
оберегает расстояние.

И Муза со своих высот
не так ли в дольний мир взирает?
Покуда чувство к ней дойдет,
оно до остова сгорает.

МАРТ

Мученик! Так и прошел,
так и облекся в хулу,
меньшее выбрав из зол —
непротивление злу.
В землю зарывший талант,
попусту теплил алтарь,
слухов не оправдал,
вписанных в календарь.
Посланный быть впереди,
что ж ты не свергнул мороз!
Разве не ты на груди
книги крамольные нес?
Ночью, бывало, не спит,

ДЕКАБРЬ

Как ослепшего — за рукав
и как тонущего — за плот,
пусть затянет меня в декабрь,
пусть хоть это меня спасет.
Заметет с четырех сторон,
занавесит со всех высот.
Это — зыбка, а в зыбке — сон:
пусть хоть это меня спасет.
Не страшна небесная твердь:
ватой выложен небосвод.
Что поэту русскому — смерть!

* * *

В августе по ночам
крут созвездий наклон.
Роща стоит, как храм
в тысячу белых колонн.
Путь был тернист, но здесь
выпусти посох из рук,
одежды свои повесь
на белый месяца крюк.
Дальнему зову вняв,

* * *

Лишь бы вечер в воздухе повис,
лишь бы снова город вмерз
в него —

Что ж, Муза! Перейдя предел,
очерченный для божьих тварей,
люби постылый свой удел,
копи печальный свой гербарий.

нянчит идею борьбы...
Где же он — твой динамит,
где твоё «мы не рабы»?
Милый, тебе каково
было свой век коротать:
все понимать и страдать,
и не свершить ничего!
Так и ушел навсегда
с чистым дыханьем стыда.
Но накопилась вода
в сумраке снега и льда;
где-нибудь с крыши навис
пласт, и зимы не спасти:
двинулся, рушится вниз,
рвя провода на пути.

Пусть хоть это меня спасет.
В свой тулуп меня заверни,
о декабрь, и носи, храня.
Так носили в детские дни,
полусонную, в сани меня.
И уже во сне досмотреть
нескончаемый санный путь...
Что для русского — умереть?
О, не более чем заснуть.
Ибо жизнь ему — и тесна,
и неслыханно широка.
И ему потребны века
для его короткого сна.

поле пересеки
по белым зонтикам трав,
как по камням реки.
Чтоб до утра во тьму
шепот твой убежал:
«О я еще никому
в жизни своей не солгал!
Поверьте, я так же чист,
хотя и колеблем молвой,
как этот осиновый лист,
дрожащий над головой».

на трубе у дома моего
вырастает дыма кипарис.
Дайте этим наддышаться всласть!
Жизнь переместилась в вышину,

СЕРГЕЙ УХОВ

Живет и работает в Кирове.

* * *

Они на зеленых скамейках сидели,
глядели на небо, покрытое дымом,
и дым им казался счастливым виденьем,
немыслимым в мире машинно-аршинном.

Им виделся дворик, заросший травой,
и восемь во дворик, отворенных окон,
и тополь, ведущий ветвями на волю,
и воздух, пронизанный, лиственным током.

И в то же мгновенье менялась картина:
и на полотне бездыханного неба
краснела от пристальных взглядов калина
и каялась в липких объятиях снега...

А дым опускался все ниже, и стал он
оскал свой выказывать смрадный и страшный,
но люди не видели, как он слизал их,
когда заходились отравленным кашлем.

ПАМЯТНИК

Вдруг снег напал на нашу землю
и на опешивших людей.
Ну как им жить теперь без зелья
осенней слякоти своей?

Вон мужичонка кривоватый
застыл, как памятник себе.
Открылся рот его щербатый,
и снег не таял на губе.

В мозгу крутились те понятия,
к которым он давно привык,
но даже грубые проклятья
не изрыгал его язык.

Вопрос, как снег, его измучил,
но изо рта не вылетал.
А снег все падал неминуче,
хоть весь он так и не упал.

МИХАИЛ ФЕДОСЕЕНКОВ

Родился в 1957 году в Кемерове, окончил Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, служил в армии, работал инженером, музыкантом, сверловщиком, литконсультантом, живет в Тюмени. Стихи печатались в альманахе «Поэзия», в коллективных сборниках.

* * *

В дома идут слова Луны,
чтоб пошептать с нами
и обернуться снами,

чтоб превратиться в валуны
и замереть на берегу
большой реки покоя,
в которой глубоко я
их отраженья берегу.

* * *

Чудо времени бежит,
ажно лыткой дребезжит.
Во все стороны оно
в никуда нацелено.

Мы торопимся вперед,
обгоняя его ход,
чтоб на дерево залезть,
чтобы дьяволочко съесть!

* * *

А гости не рады приему...
Несолоно смотрят хлебавши.
Вот речи навеяли дрему
на них немудреные наши.
Вот плюнуть готовы в лицо нам,
но — смотрят с улыбкою кроткой.

Вот взмахом бровей удрученным
прощаются с русской водкой...

Ах, странные люди уж очень!
Средь ночи войдя хитромудро,
не глянув хозяевам в очи,—
чего ожидали наутро?

АНАТОЛИЙ ЦВЕТАЕВ

Родился в 1950 году в Волхове. Окончил Петрозаводский университет. Историк. Работал в краеведческом музее старшим научным сотрудником, директором городского Дома культуры, замполитом в школе ДОСААФ, воспитателем общежития. Сейчас преподаватель истории в ПТУ.

Стихи публиковались в сборнике «Молодой Ленинград», в журналах «Нева», «Аврора».

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Исаакий похож на старинный чернильный прибор.
Продавщицею гордо взирает Фелица.
Медный всадник, как всаженный в плаху топор,
Пушкин только что выпустил птицу.

И Нева в шумной пене журнальных страниц.
Я на склизких ступенях как тец-завсегдатай.
Две огромные лодки на трепетных веслах ресниц,
Неужели так близко ко мне приплывали когда-то?

Я влюблен в эти бивни Ростральных колонн,
И Суворов напомнил мне топот корриды,
Но под ливнем бездомный дрожит Аполлон
И Таврический сад, не похожий ничем на Тавриду.

Зимний строгим каре завершает торжественный марш.
Много охры сырой, словно здесь бесконечная осень.
Гордый город-герой, я рисую твой дружеский шарж.
Свою кисточку в медном слегка окунув купоросе.

За колоннами стрекот, сварливых чиновниц возня,
На порталах мерещатся всеми забытые яти.
Пахнет морем аптека, космический дует сквозняк,
И Казанский собор обнимает как старый приятель.

У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Стоят лохматой кучкой
Плюют, пуская дым.
Им очень, очень скучно,
Здоровым, молодым.
Один упрятал стопку

И прошипел: «Атас!»
Другой мне крикнул: «Топай,
А то получишь в глаз».
Заскрежетал как трактор:
«Ну, что ты к нам пристал?»
О взезных контактах
Я в юности мечтал.

РАЙ-ОНИ

Районо,
Райпо,
Раймаг,
Райком,
В трех домах соседствуют рядом.
Райкооп,
Райкнига,
РайГАИ,
Филиал закрытого НИИ.
Райкультсбыт,
Райснаб,
Райфо,

Райтоп,
И везде при въезде надпись:
«Стоп».
Райспецстрой,
Райсправка,
Райсобес,
Райотдел, чтоб бес сюда не влез.
РайГО,
Райтранс,
Райздрав,
Райторг
Вызывают бешеный восторг.
Утверждаю, и на том стою:
Я родился и живу — в райо:

ДЕЖУРСТВО В ДНД

Позабыли выключить трансляцию
При «разгрузке», в суете и шуме,
В отдаленье от нытья и клацанья,
В отдаленье тихо входит Шуман.

Сквернословит женщина продажная,
Бомж скучает, колобродит пьяный.
А из репродуктора — адажио!
Теплым ливнем хлещет фортепьяно.

А из репродуктора — каприччио
Бурным завершается стаккато.
Бомж проснулся, пьяный закапризничал,
Пол хрустит осколками стакана.

Хлещет мат. Ругает МУР эзка.
Наркоман свалился на колени,
А над ним, как мать, рыдает музыка
В шумном привокзальном отделении...

НАДЕЖДА ЦВЕТКОВА

Родилась в Люберцах Московской области. Работает инструктором в техцентре «Орбита». Стихи публиковались в альманахе «Поэзия».

* * *

Пройти — не оглянуться...
Нет, я так не смогу.

Смотрю, как вербы гнутся
На дальнем берегу.

Мне кажется, что слышу
Я голос всех дорог,
Как копошатся мыши,
Разрыв соседний стог.

Птенец лежит под ивой —
Он выпал из гнезда.
Мне не бывать счастливой
Не видя, как вода

* * *

Да святится имя твое...
За тебя молюсь в ночи,
Ну а ты всю жизнь молчишь,

Питает корни вишен,
Чтобы они цвели.
Как робок, еле слышен
Зовущий вдох земли.

Мне ветры отзовутся
На скошенном лугу...
Пройти — не оглянуться...
Нет, я так не смогу.

Где-то ходишь, травы мнешь
И губами ловишь дождь,
И слетается воронье...
Да святится имя твое.

ИРОНИЧЕСКОЕ

(Соло для одинокой женщины)

На всех не хватит кандидатов и докторов,
поэтов, дипломатов, директоров,
певцов и космонавтов... Даже врачей,
а этот — в телогреечке... Что, ничей?
Пусть перегаром тянет — отрезвлю.
Пусть не богата, может быть, зарплата...
Отмою. Отутюжу. Отлюблю...
В любви он, может, лучше кандидата.

АНАТОЛИИ ЧЕСНOKОВ

Родился в 1951 году в селе Теньковка Ульяновской области. Окончил литфак пединститута. Работал на заводах Ульяновска, в сельской школе учителем русского языка и литературы, в редакции многотиражной газеты, служил в Советской Армии.

Стихи публиковались в коллективном сборнике «День волжской поэзии» (Саратов), альманахе «Истоки», журналах «Горизонт» и «Кодры» (Молдавия).

Живет и работает в Молдавии.

НАД ВОЛОГДОЮ

Над Вологдою Рубцова
Сентябрь затевает дожди,
И небо нахмурилось снова,
И песен прощальных не жди.
Лишь мокрое золото листьев

В лесах. Значит, это всерьез.
И словно прощальные мысли —
Осенние стаи берез.
И что вдруг такое случится
В краю, где болота и лес,
С душою — печальною птицей
В бездомной пустыне небес.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Расцвети, цветок мой маленький,
Синий, самый голубой,
Красный самый, самый аленький,
Над стремительной водой.

Расцветай, цветок, под грозами,
Светом ясным полыхай,
Синий самый, самый розовый,
Колокольчик, иван-чай.

Я тебя найду под тополем,
В поле чистом и в бору,

И тебя руками теплыми
Лишь разглажу — не сорву.

Вырасти, цветок, красивым,
Повстречайся на пути.
Родина моя, Россия,
Помоги ему цвести.

Расцвети, цветок мой маленький,
Синий, самый голубой,
Красный самый, самый аленький,
Над стремительной водой.

СВЕТ МОЙ ВЕЧЕРНИЙ

Голос протяжный вечерней воды
Перепополняет горла кувшинов.
Запах сырой бузины и крушины

Скоро заполнит ночные сады.
Свет мой вечерний. Стою и молчу.
Ярко горят облаков вереницы...
Сколько ж молчать мне?!
А вдруг закричу:
Жизнь моя длится.

СВЕТЛАНА ЧУЛКОВА

Родилась в Москве в 1958 году. Окончила МГПИИЯ имени М. Тореза. Стихи публиковались в альманахах «Истоки», «Поэзия», в сборнике «Молодая поэзия-89». Работает в издательстве «Мир».

* * *

Кто знает, в писательстве много ли толку,
мне в жизни и так не пропасть:
не книжкой на полке — так шишкой на елке,
и — как-то — на землю упасть.

Природа — умру — не вернет.
Девчонка ль поднимет меня ради шутки:
и видится мне — за чешуйкой чешуйку
легонько она ковырнет.

Пусть к жизни чужой незнакома ей жалость,
да и чем я ее привлеку:
но — в желтой беретке, как маленький желудь —
она приживется в лесу...

Пусть бросит. Ах, дети, исправит ремень их!
Потерян ко мне интерес.
Ей встретился гриб — тоже мой современник:
сквозь землю пробился он в лес...

* * *

...Зачем, зачем он оказался здесь:
зачем, большой медузой взгромождаясь,
она в истомной истекала влаге
(и груди холодны, как акваланги...).

Нет, он себя не чувствовал мужчиной,
и разве человек он — сам себя И. О.:
лишь птицы вскрик, да шум ночной машины —
последнее спасение его...

Он все решил! Он вырвется отсюда!
Ее в прощальной судороге сжал.
...Когда еще там наступило утро:
он долго, как утопленник, лежал...

* * *

Причислив меня к обитателям люлек —
двенадцатым июля день датирован —
меня принесли на Обыденский переулок,
в старинный особняк с коммунальными квартирами.

Быть может, кому-то знать интересно,
как долго мы ждали, пуская корни,
чтоб въехать в квартиру на Красной Пресне,
где бабушка работала в райисполкоме.

Другая бы разве «жор» утолила —
открыты при жизни двери рая! —
но я коробкой от гуталина
в классики в коридоре играла.

...А бабушка знала, где проложат шоссе,
где будет сквер — оазис в черте города.
...Живут в тысяча девятьсот восемьдесят шестом
на улице Тысяча девятьсот пятого года...

* * *

...Вот и Ваганьково: с единственными воротами,
с маленькой церковью и парюю низких зданий,
без голубей, но с каркающими воронами:
сколько людей с заплаканными глазами...

Молча кресты стоят, на солнышке нежась,—
не воскресишь, хоть крик твой в душе — неистов!
Что от людей остается: их принадлежность.
Бабушка... «Старым» была коммунистом...

Может быть, потому — не смейтесь ехидно! —
весь мой рассеяв страх — уйди, иезуит! —
перебивая церковные панихиды,
красный трамвай о будущем прозвенит...

Родился в 1956 году в Караганде. Окончил Норильский индустриальный институт. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Простор», «Заря», «Молодежная эстрада», в коллективном сборнике «Люди идут по свету».

* * *

Тому, кто сбросил рук оковы,
Себя ломая, как подкову,
Прибитую к чужим дверям.
Тому, кто, одолев сомненья,
Не ищет жизни объясненья
По словарям.

Тому, кто под топор не бросил
Березы свет и клена осень,
Творя пустырь.

Тому, кто боль своих бессонниц
Траве брошенных околиц
Нес, как псалтырь.

Тому, кто слышал зов заката,
Кто дней рассыпанные даты
Мечтал связать.
Тому, кто в час душевной встряски
Не обменял лицо на маски —
Есть, что сказать.

ВРЕМЕНА

Слезы и пот отторгала земля,
Солнце в полнеба и ветер соленый.
Им говорили: не ради, а для —
Холмик и памятник — кустик паслена.

Мне не отказано в праве — дышать
И засыпать, чтобы утром проснуться,
Слышать, как в каждой травинке душа
Нервно трепещет, и к ней прикоснуться.

И удержать путеводную нить
В хаосе слов, наводняющих разум,
И никого и ни в чем не винить,
Если не так,
и не все,
и не сразу.

ЦЕРКОВЬ

Засиженная вороньем,
Насквозь продутая ветрами —
О нашем, а не о своем,
Скорбит глухими вечерами.

Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы,
Молитвенно сложив персты,
Взывает к совести России.

ОЛЕГ ШИПОВ

Родился в 1954 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи публиковались в журнале «Юность», в сборниках «Багульник», «Тверской бульвар». Автор книги стихов «Соперники».

* * *

И оспу слов, и соль слогов и звуков,
и пауз смысловую глубину,
и эту речь, что канет в тишину,
и непередаваемую муку;

и темный бред немых приготовлений,
и откровенье; слово маета
и страх, что от подбора ударений
зависит жизнь, слагается судьба;

и силу, и сомненье в каждом шаге,
и сладкий зуд, когда нет сил не петь;
и ничего, и целый мир иметь —
вот что пророчит чистый лист бумаги.

* * *

Вселенная стоит в моем окне.
Всех звезд не счесть и не объять глазами.
Но я могу смотреть на них часами
из глубины вселенной, что во мне.

ХИСМАТУЛЛА ЮДАШЕВ

Родился в 1957 году в Оренбуржье. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

Автор двух книг стихов на башкирском языке.

Живет в Уфе.

ПЕВЧАЯ ПТИЦА

Ворвался в сад ночной,
Сломав границы,
Взлелеянные тишиной
Для певчей птицы.

Нетерпеливый, ждал.
Но куст сирени
Вновь не затрепетал
Под птичье пенье.

Угасла ночь. И день
Сиял далеко.
Легла от ивы тень
Так одиноко.

Зачем нарушил я
Безмолвье сада,
Ведь песня соловья,
Как тайна, святая.

В ТУМАНЕ

В тумане странны голоса,
Печальны, как свирель.
Плывет тумана полоса,
Качаясь — колыбель.

Мы шли, смеясь, в молочной мгле,
Но вдруг умолкли вмиг.

Туман влачился по земле,
Таинственен и тих.

Что так испугались мы?
Нарушить нежный сон
Младенца на руках у тьмы?

Туман со всех сторон.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Однажды возьму да исчезну,
Смешаюсь с могильной землей...
Но я прорасту через бездну,
Качнувшись травинкой степной!

Пока же, влюбленный безбожно,
Я гибну в объятьях твоих...
От жизни спастись невозможно,
А смерть не страшна для двоих!

Переводы с башкирского
В. Коробова

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

«БЕССИЛЬНО ЗЛО; МЫ ВЕЧНЫ; С НАМИ БОГ!»

(О протоиерее о. Сергии Булгакове)

Важнейшее для нас сегодня имя, важнейший взгляд на нынешнюю историю Родины, на самый сегодняшний наш день — откуда он, почему, в чем значение этих безмерных страданий, в чем, точнее, урок, который нам дан?

Об этом говорил Сергей Николаевич Булгаков петербургским студентам еще в 1908 году — тогда, когда был только опыт революции 1905 года *. Не поняли урока! — сокрушался он. Снова пошли тем же путем.

«...Неужели напрасно возгремели над нами небесные громы? Неужели мы, немного поотдохнув да пооправившись от пережитого, заживем опять по-старому, старыми чувствами, старыми мыслями, старым легкомыслием, так, как будто ничего не случилось, ничего не раскрылось, ничего не нажито? Просто сорвалось, да и все тут, могло бы и не сорваться, если бы оказалось немного больше сил, надо стараться, чтобы другой раз уж не сорвалось...»

В чем же был этот урок?

«Мы опытно познали,— говорил Булгаков,— что нельзя безнаказанно нарушать заповеди: «ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, и вся прочая приложится вам». Мы заботились исключительно об этом прочем, оставляя в небрежении духовный мир человека, эту подлинную творческую силу истории. И мы потеряли духовное равновесие и разбрелись в разные стороны в погоне за этим «прочим», которое все более дробилось и разъединяло людей. И в этом лежит подлинная причина нашего исторического бессилия, слабости творчества при такой энергии разрушения. Только обновленному человеку посильна задача устроения расстроившейся жизни, но обновление это создается не пересмотром программ или тактики, или новой политической комбинацией (как бы ни были важны сами по себе и эти последние). Рождение нового человека, о котором говорится в беседе с Никодимом **, может произойти только в недрах человеческой души, в тайниках самоопределяющейся личности.»

Что же говорить теперь, после всех последующих десятилетий, после такого опыта? Опять не поняли урока? Даже такого?!

Нет, почему же, очень даже поняли,— слышим мы сегодня. Конечно, не революции и потрясения были нам нужны, а тихий переход к жизни по-западному, как в «нормальных странах» люди живут: никаких этих наших ужасов, и «все есть» — и колбаса, и культура.

Но благополучная жизнь не признак ее совершенства. «В человеческой истории и культуре, в душе человека и человечества,— писал Булгаков,— борются две стихии, два начала, две реальные силы: светлая, божественная, и темная, или демоническая». Отказаться от борьбы с тем-

* Выступление легло в основу статьи «Интеллигенция и религия». Журнал «Русская мысль», кн. III, 1908.

** Евангелие от Иоанна, 3:1—21.

ным в себе, устроить себе жизнь, «приятную во всех отношениях» — это «в действительности теория не прогресса, а регресса, по крайней мере, в области моральной». Бездуховный «прогресс» создает наилучшие условия для расцвета темной половины в человеке — да так, чтобы человек и забыл о том, что она темная. Тут, как в тылу врага, где нет никаких фронтовых ужасов, все тихо-мирно, но оно и понятно: враг завладел этой территорией, местные жители его не беспокоят, вот и весь секрет «комфорта». И наше счастье, что нам это не удалось — и не дай Бог, когда-нибудь удастся — сытая жизнь без Бога или с Богом на словах. По сути, это тот же путь, что и революционный, разрушительный: в конце их результат один и тот же — гибель души человека.

Булгаков сказал сразу и ясно: не те это пути, которые ведут к истинному возвышению жизни. Вернее, даже не сказал сам, но подтвердил предостережения Гоголя и Достоевского, соединил их с реальностью нынешнего века, когда они стали на глазах трагически и неотвратимо сбываться. («То, что Достоевский в «Бесах» и «Преступлении и наказании» описывал лишь как возможность, как предостережение, многим казалось даже, как политический пасквиль, все это у нас вошло в обиход».)

Булгаков, можно сказать, продолжил важнейшую духовную традицию русской интеллигенции, ее магистральный путь, на котором она принесла наибольшие плоды.

«В истории русской мысли, — говорил он, — сыздавна обозначились и борются до сих пор два течения: одно насчитывает на своей стороне немногих представителей (разумею, среди интеллигенции), но зато в этом числе цвет нашего национального ума и гения, предмет нашей национальной славы и гордости. Это те, которые остались духовно с народом в его мужицкой церкви, во всяком случае, не отделялись от него в его верованиях в живого Бога. В числе этих немногих мы считаем: Жуковского, Пушкина, Тютчева, в известном смысле Лермонтова, Гоголя, Хомякова, Киреевского, Чаадаева, Аксаковых, В. Соловьева, Достоевского, Пирогова, А. Толстого, даже Некрасова и Льва Толстого, насколько он вообще стоит на религиозной почве.

Противорелигиозное идейное течение, считающее в своих рядах большинство прогрессивных публицистов и общественных деятелей от Белинского до наших дней, усвоило себе рационалистически-атеистическое мировоззрение, которое широкой волной разлилось и составляет господствующую веру русской интеллигенции. Я не обмолвился: это неверие есть действительно вера, вера в научность, рационализм, в неверие».

Значение интеллигенции Булгаков ставил очень высоко.

Он не говорил: «что можно с таким народом?» Он считал иначе: «Я полагаю, что историческое будущее России, ее процветание или разложение, рост или гниение — в руках и на ответственности интеллигенции... Философско-религиозное кредо русской интеллигенции, объединяющее большинство ее молодых и старых представителей без различия политических оттенков, именно ее атеистический нигилизм, я признаю одним из важнейших факторов русской истории и одной из основных причин, определивших течение событий последних лет в России... Старая вера и связанный с ней духовный строй рушатся, дичку народной души делается совершенно новая прививка. Такой силы, столь исключительной важности прививки, которую теперь делает народу наша интеллигенция, не делала и не могла сделать ему ни Москва, ни татарщина, ни Петербург; только Владимир Святой совершил равного значения дело, крестив Русь, которую интеллигенция теперь постепенно раскрещивает».

Плоды этого раскрещивания видны теперь воочию. В этом — смысл того, что произошло. В этом — урок.

Судьба Булгакова символична для судьбы русской интеллигенции, для судьбы всей страны. Сын ливенского священника отец Сергей родился в 1871 году, после духовного училища учился в Орловской семинарии, потом — неверие, учеба в гимназии и на юридическом факультете Московского университета, участие в течении «легальных марксистов». Был профессором политэкономии в Киеве (1901—06) и Москве (1906—18). Начиная с роковых 25-ти лет (возраста мужания) обратился к вере. Переписывался с А. Г. Достоевской. В 1918 году принял священство.

В 1922 году эмигрировал, был профессором русского Богословского института в Париже, где и умер в 1944 году. Он оставил огромное философское, богословское, литературно-критическое наследие, которое только теперь приходит к нашему читателю.

Именно оно нужно нам, именно сегодня. Еще вчера мы, возможно, не восприняли бы его так близко — исторический круг не был совершен, не открылась во всей ясности единственность спасительного пути. Но сегодня мы открываем Булгакова и видим обращенное прямо к нам:

«Нет, вернуться на старые духовные позиции нельзя, мы отделены пропастью, полной мертвецов, мы выросли и исторически постарели, бесполезно и недостойно нам молодиться. Надо начать что-то новое, учесть исторический опыт, познать в нем самих себя и свои ошибки... Потребно самоуглубление, самоисследование, потребно накопление духовных сил, творчество культуры.

Разных сторон должно коснуться это самообновление, но если спуститься на самое дно, в глубину души, то это создание новой личности и новой жизни должно начаться **религиозным** самоуглублением, новым и более сознательным религиозным самоопределением. Новый человек, новый тип общественного деятеля может родиться лишь на почве этого самоуглубления, это будет то новое русской жизни, о чем, умирая, мечтал Достоевский в последнем своем романе, то новое, чего не было в русской жизни последних лет и что, может быть, и загубило последнее общественное движение и обрекло его на бессилие. Россия, в противоположность Англии, за единичными исключениями, не видала еще **христианской интеллигенции**, которая пыл своей души, жажду своего служения людям и крестного подвига вложила бы в христианский подвиг деятельной любви и победила бы ту тяжелую атмосферу вражды и чело-веконенавистничества, в которой мы задыхаемся и в которой ничто, кроме разрушения, не может спориться. В нашей интеллигенции так много потенциальной религиозной энергии, она так неотступно приносит жертвы на своем алтаре «неведомому богу», — неужели же навсегда это неведение? Я знаю, как далека от действительности, как смешна может казаться эта мечта о христианской интеллигенции и прекращении того разрыва между интеллигенцией и народом, который поддерживается теперь религиозным разноверием. Но слишком прекрасна эта мечта, чтобы можно было с нею расстаться, и слишком нужно для жизни ее осуществление, нужен новый сев, новая влага, изливающаяся на иссохшую и растрескавшуюся землю. В этой духовной опустошенности нашей эпохи, в этой ее безысходности заключается наша величайшая надежда, духовная смерть может оказаться кануном духовного воскресения, как это было и 19 веков назад, как это неоднократно бывало потом в истории, когда христианский пламень с новой силой вспыхивал из едва тлеющего костра».

Тут прямо-таки слышен Гоголь — последние страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями», главы «Светлое воскресенье». Слышна заключительная страница речи о Пушкине Достоевского. С великой верой и надеждой писали тогда о России. И они оказались правы.

Прав оказался и Булгаков, написавший свои слова 80 лет назад.

Надежда эта жива и сегодня. Все это время жизнь именно то и делала, что подтверждала ее — для каждого из нас.

Предлагаемая читателю статья была напечатана в журнале «Вопросы жизни», который С. Н. Булгаков редактировал вместе с Н. А. Бердяевым в Киеве в 1905 году.

Н. Б.

С. Н. БУЛГАКОВ

БЕЗ ПЛАНА

Владимир Соловьев дорог нам не только как философ, но и как поэт, точнее, как поэт-философ. Соединение подлинного поэтического дара и философского гения представляет большую редкость в истории культуры, — может быть, со времен Платона поэзия и философия живут в холодном отчуждении, вредящем одинаково и той и другой, ибо содержание поэтического вдохновения и философского прозрения в существе своем одно. Поэзия и философия, если можно так грубо выразиться, должны верить одна другую, сливаясь в единстве своего объекта. Абсолютного, познаваемого как Истина и ощущаемого как Красота.

Созвездие русских поэтов, в наибольшей степени посвящавших свои вдохновения предметам характера философски-метафизического, состоит из трех главных звезд, хотя и неравной величины: Тютчева, которого справедливо Вл. Соловьев считает мировым поэтом, Ал. Толстого в тех его вдохновениях, где он освобождается от некоторой свойственной ему рассудочности, и самого Влад. Соловьева, который в качестве критика явился столь верным и глубоким истолкователем обоих своих предшественников. По мере того, как вырастает философское значение Соловьева в глазах наших современников, все больше оценивается или даже просто понимается его поэзия, начинающая уже ощутительно влиять на молодых поэтов мистического настроения. И это влияние еще все в будущем.

Ввиду такого значения, которое мы придаем поэзии Вл. Соловьева, нельзя не ценить всякую критическую работу, направленную к ее уяснению, тем более что при господстве грубо-утилитарных и позитивных критериев в нашей критике поэзия Соловьева едва ли может рассчитывать на большое внимание и в особенности понимание. Поэтому нельзя оставить без внимания интересной статьи на эту тему Г. И. Чулкова (напечатанной в предыдущем номере «В. Ж.»), который счастливо соединяет в себе способность и оценить чисто художественные красоты стихотворений Соловьева, и прочувствовать их мистическое настроение, а вместе с тем уловить и истолковать читателю связь поэзии Соловьева с его философией. Благодаря этому статья Г. И. Чулкова представляет, несомненно, положительный интерес и имеет бесспорные достоинства. Особенно ценным представляется нам выяснение той роли, которую в мотивах поэзии Соловьева играет Мировая Душа, или Вечная Женственность, одно из основных понятий метафизики Соловьева, а также и указание на пророческий характер его поэзии. Однако, невзирая на эти достоинства, есть в

этой статье нечто, что делает больно мне (быть может, и не мне одному) и чего я не могу оставить без ответа, даже без протеста. При всем своем пиетете по отношению к Соловьеву, даже искренней, хотя и своеобразной любви к нему, Чулков подходит к его миросозерцанию — с затаенным недоброжелательством, с камнем за пазухой, и из поклонника скоро превращается в *advocatus diaboli*, подставляя вместо прямого зеркала кривое, в котором хотя отражаются и действительные черты, но в искаженном и извращенном виде, так что в конце концов неверно.

В метафизической системе объединяется, связывается и примиряется то, что, будучи взято в отдельности порознь, кажется чуждым, даже противоречивым, а психологически переживается как гамма разных настроений, одновременно друг друга исключаящих. Каждое такое настроение, если оно сильно переживается, властно стремится вытеснить в данный момент все остальные. В поэзии каждое такое переживание или настроение увековечивается, фотографируется в своей особенности, исключительности, оторванности от всей остальной духовной жизни, так или иначе с ним связанной. Поэтому и целостное мировоззрение, в частности и соловьевское, может отразиться в поэзии, только если принять во внимание всю полноту мотивов, разнообразие и богатство настроений, заставивших звучать поэтическую лиру, но связь этих настроений нужно еще установить, ибо они сами по себе не приведены к синтезу, присутствием которого характеризуется философская система. Вот отчего и возможны такие разногласия при характеристике общего мировоззрения поэтов, насколько она совершается на основании их произведений; они основываются на различной оценке удельного веса разных мотивов в общем синтезе. Относительно Соловьева дело обстоит исключительно счастливо, ибо он был не только поэт, но и философ, который в своей философской системе дает ключ к пониманию своей поэзии. В качестве *advocatus diaboli* Г. И. Чулков тоже производит очную ставку Соловьева-философа с Соловьевым-поэтом, но в показаниях обоих находит несоответствие. Именно, по мнению Чулкова, оказывается, что «если Соловьев-философ не отвергает всего мира, то Соловьев-поэт не может скрыть своего презрения к этому миру, и этой жизни, «с которою так тягостно считаться». Для нас драгоценна эта откровенность поэта. Он дает нам возможность заметить то, что ускользает от нас в его метафизических построениях». Таково утверждение Чулкова. Если бы оно было верно, это было бы для с е г о Соловьевского миросозерцания прямо убийственно, этим ставилось бы под вопрос все жизненное дело Соловьева. К счастью, о н о н е в е р н о, и это нетрудно показать, что в своей философии Соловьев учил любви к жизни, не в том пошлом, вульгарном смысле, в каком это делают теперь иные нищестанствующие позитивисты, но в смысле высшего, религиозного освящения жизни, признания за ней абсолютного значения и абсолютных задач, этого не отрицает и Чулков. Но в стихах Соловьева, по мнению Чулкова, «роковое разделение души и тела, неба и земли приводит к какой-то лукавой дилемме, и Соловьев вслед за всеми проповедниками аскетизма звал о т ж и з н и»... «с брезгливостью, характерной для монашеской психологии». Видимое правдоподобие этот тезис получает благодаря одностороннему тенденциозному цитированию, преувеличенному подчеркиванию одного из мотивов и замалчиванию других. Странно было бы отрицать наличность настроений грусти, жизнеутомления в поэзии Влад. Соловьева. Но ведь эти мотивы неизбежно встречаются решительно у каждого поэта одинаково, и у гармоничного Пушкина, и у олимпийца Гёте, и у эллинизовавшегося Гейне так же, как и у Леопарди, у Байрона, у Лермонтова, поэтов пессимизма.

Для точной характеристики каждого из этих поэтов необходима, однако, прежде всего полнота. Но вот достаточно Соловьеву обмолвиться в лирическом стихотворении, выражающем определенное и даже довольно специфическое настроение, во всяком случае, совершенно не имеющее обобщающего значения*, как Чулков уже торопится это припечатать: «Соловьев последователен, когда говорит с обычной для него определенностью:

Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь**.

«Здесь необходимо отметить (выносит Чулков общий приговор), что взгляд (!) Соловьева на жизнь как на «сказку» коренным образом отличается от того понимания мира, которое, хотя и характеризуется чувством трагического надлома этой жизни, не исключает с в я т о с т и жизненной основы». Однако, насколько же совместимо с отрицанием святости жизненной основы то обожание Вечной Женственности, Мировой Души, которое проникает всю поэзию Соловьева, как это признает и Чулков? А не написал ли Соловьев, кроме цитируемых Чулковым стихотворений, и многих других, совершенно иного настроения, ну хотя бы со столь незаслуженной небрежностью упоминаемой им «Ночи на Рождество», или удивительного религиозного гимна «Имману Эль».

Можно ли было бы в виду только одного этого стихотворения приписать Соловьеву «взгляд» на жизнь, как на сказку! Стихотворения, полные

Пусть осень ранняя смеется надо мною,
Пусть серебрят мороз мне темя и виски,—
С весенним трепетом стою перед тобою,
Исполнен радости и молодой тоски.
И с милым образом не хочется расстаться,
Довольно мне борьбы, стремлений и потерь.
Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь.
Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила,
И в тишине родился С — нами — Бог.
И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как Ангелы про Бога говорят.
Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.
Да! С нами Бог,— не там в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.
Он здесь, теперь,— средь суеты случайной
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

---

* Чтобы у читателя получилось вполне точное представление, привожу его целиком:

** Характерный курсив Чулкова!

жизненного, действенного идеализма, хотя и чуждые, конечно, пантеистического безразличия, вовсе не отсутствуют в поэзии Соловьева, как это можно подумать, прочитавши статью Чулкова. Приведем несколько примеров.

В стихотворении «На том же месте» (относящемся уже к 1898 году) Соловьев говорит о себе:

Ушли двенадцать лет отважных увлечений
И снов мучительных, и тягостных забот,
Осиливших на миг и павших искушений,
Похмелья горького, и трезвенных работ.
Хвала Предвечному! Израиля одежды
В пустыне сорок лет он целыми хранил...
Не тронуты в душе все лучшие надежды
И не иссякло в ней русло творящих сил!
Владычица-земля! С бывалым умилением,
И с нежностью любви склоняюсь над тобой.
Лес древний и река звучат мне юным пеньем...
Все вечное и в них осталось со мной... и т. д.

Но, конечно, святость жизненной первоосновы не заставляла Соловьева славословить святость всего в этой жизни, где «царят смерть и время», ее он рассматривал как путь к жизни в подлинном смысле слова, жизни совершенной и потому бессмертной.

Вечность нужна ли для праздных сомнений,
Вечность нужна ль для обманчивых слов,
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшая сила не знает оков.
Высшую силу в себе созная,
Что ж толковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг,— и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.

Итак, хотя в некоторых настроениях жизнь «казалась сказкой» для Соловьева, но его подлинное, категорическое и единственно отвечающее всему его духовному складу определение есть: «ж и з н ь т о л ь к о п о д в и г». Об этом «подвиге» он пишет в стихотворении «К старому другу»:

Заключены в темнице мира тленной
И дань платя царящей суете,
Свободны мы в божнице сокровенной
Не изменять возвышенной мечте.
Пусть гибнет все, что правды не выносит,
Но сохраним же вечности залог,—
Того, что дух бессмертный тайно просит,
Что явно обещал бессмертный Бог.

Подобные же идеи и подобные настроения выражены и в небольшом, но очень характерном для Соловьева стихотворении:

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами

Тот круг, что боги очертили нам.
Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

(И Соловьева еще упрекают в том, что он мало сознавал «святость» жизненной первоосновы, в «роковом разделении земли и неба, души и тела» и т. п. о д.).

Мистический идеализм Соловьева проявляется в его стихотворениях не только как мечтательный или морализирующий, но и как бунтующий. Во имя любви к жизни, свободной и подлинной, он проповедует неприимиримость к обыденности, к бескрылости, ограниченности. Ко всему филистерству, ко всем «добровольным рабам» обращено его изумительное по силе и красоте, поистине Тютчевское стихотворение «Сайма»:

Озеро плещет волной беспокойною,
Словно как в море растущий прибой,
Рвется к чему-то стихия нестройная,
Спорит о чем-то с враждебной судьбой.
Знать, не по сердцу оковы гранитные!
Только в безмерном отраден покой.
Сняты былые века первобытные,
Хочется снова царить над землей.
Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вечный позор добровольным рабам.
Сбудется сон твой, стихия великая,
Будет простор всем свободным волнам.

Но рядом с могучими вдохновениями бунтующего характера лира Соловьева, действительно, знает и горечь, и скорбь, и усталость,— нельзя этого отрицать, но я хотел бы знать мыслящего и порядочного человека, который имел бы всегда «вид бодрый и молодцоватый», как это требуется от солдата. Подобное настроение выразилось в элегическом «посвящении к неизданной комедии» (относящемся еще к молодости поэта, к 1878 г.).

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси;
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных,
Покинуто на сумрачном пути.
Таков закон: все лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.
Звучи же, смех, свободною волною,
Негодования не стоят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони.

И по немногим приведенным отрывкам читатель видит, что подлинный Соловьев в своих стихотворениях вовсе не тот скорбный и анемичный монах, какого рисует нам Чулков, а тот же могучий дух, многогранный, многообъемлющий, каким мы знаем его и в философских творениях. Соответствие поэта и мыслителя так велико и так полно, что без труда можно было бы стихами Соловьева изложить его систему в ее важнейших моментах. Соловьев не впадал в какой-то логический самогипноз в метафизике, от которого высвобождался в поэзии, и там, и здесь он был один: христианский философ, христианин-поэт. Лукавые вопрошания и недоверчивые недоумения Чулкова относятся не столько к Соловьеву, сколько к христианству. И причину, почему Г. И. Чулков при всем желании быть объективным и беспристрастным, впал в такую, по нашему мнению, очевидную односторонность при характеристике Соловьева, мы видим в некоторой общей предвзятости, более глубокою предубежденности принципиального характера, которое касается уже самых коренных вопросов мировоззрения. Поставлен вопрос об отношении христианства к жизни. Усвоив себе известное подозрение относительно христианства (по крайней мере, «исторического») и зная, что Соловьев является одним из его преданнейших и сознательнейших представителей, Чулков не удерживался от искушения взять под подозрение и Соловьева, но не найдя инкриминируемых мнений у философа, учившего, несомненно, совсем обратное, отыскал требуемое у поэта. Вопрос об отношении христианства к жизни так универсален, глубокий и сложен, что как-то совестно бегло его касаться в случайной заметке. Но вопрос этот всегда с нами, его не удалишь из мысли и сердца, и поэтому не приходится отказываться даже и от случайного его обсуждения. К тому же Г. И. Чулков, хотя и бегло, но слишком остро и искренно поставил вопрос, чтобы можно было совсем его обойти.

Г. И. Чулков повторяет распространенное обвинение против христианства (или, с вежливой оговоркой, «исторического» христианства, хотя речь идет именно об его метафизике, так что история здесь ни при чем), что «в христианстве есть глубокие, мистические, антижизненные основы, которые можно поколебать, лишь разрушив все здание». Упрек этот высказан Чулковым в слишком общей форме, и его собственная точка зрения остается совершенно невыясненной. Во мне возбуждает большое недоумение то, каким образом он, признавая «трагический надлом» жизни, повторяет те упреки, которые может делать, напр., Розанов, от всякой трагедии себя освободивший, или же филистеры, всякой трагедии чуждые. Но возьмем вопрос по существу. Действительно ли христианству — не историческому только, но христианству вообще, его метафизике присущи начала некоторого жизнеотрицания и мироотрицания, известная доля философского пессимизма? Да, присущи и из него совершенно неустранимы. Но, вместе с тем, справедливо ли, что христианство враждебно жизни, любви и творчеству здесь на земле? Нет, безусловно несправедливо, одно только христианство и может дать высшее утверждение и освящение жизни, ничем не жертвуя и ничего не теряя, одно только оно способно притупить жало пессимизма, иначе неизбежного и непобедимого. Христианство учит, что «мир во зле лежит», находится в господстве «князя мира сего», и оно же учит, что мир есть создание Божие, о котором сказано было: «добро зело», на эту землю приходил, в эту плоть воплощался и эту жизнь освятил своей жизнью — Христос. Такова первоначальная антиномия, положенная в основаниях христианской метафизики, и из нее проистекают и все остальные.

Центральным фактом, который полагается в основание христианства,

является величайшая трагедия, когда-либо бывшая в мире: позорная крестная казнь единственного в мире Праведника и единственно за эту праведность. Трагедии, трагического отношения к миру и жизни нельзя устранить из религии креста, которая только и знает разрешение мировой трагедии. И поскольку из христианства неустранима трагедия, постольку неустранимо и начало борьбы, раздвоения, частичного жизнеотрицания, постоянного напряжения, словом, аскетическое начало. Аскетическое начало в такой же степени из него неустранимо, как и трагическое, скажу больше, аскетизм и трагизм суть две стороны, две формы выражения одного и того же мироотношения. А то, что соединяет в себе трагизм и аскетизм, утрачивает навсегда плоский, самодовольный, благодушный оптимизм, окрашивается отчасти в цвета пессимизма (о котором, в применении к Соловьёву, со столь странной укоризной говорит Чулков,— что же сам-то он шутил, что ли, с своим «трагическим надлом»).

Понятие аскетического отношения к миру в настоящее время так извращено, что нуждается в элементарном объяснении. Теперь, когда говорят об аскетизме, то прежде всего является представление о постной пище и вообще формах обуздания плоти, таким образом, одно из конкретных и частных, наиболее элементарных проявлений считают полным выражением принципа. Между тем и по филологическому, и по логическому значению аскетизм есть принцип б о р ь б ы противоположных начал, при том борьбы напряженной, ведущейся с переменным успехом, постоянно угрожающей поражением и никогда не разрешающей окончательной и прочной победой в пределах эмпирического существования. Таким образом, то, что, рассматриваемое объективно, как мировой факт, является трагедией, не имеющей своего разрешения, субъективно, как внутреннее переживание, неизбежно выражается аскезой. Аскетизм и трагизм, неразрывно связанные между собою, имеют одно общее основание, связываются в одном основном учении христианства — в признании реальной силы не только добра, но и зла, в основном дуализме мирового бытия, в неразрешимом диссонансе, в мировой музыке. Отсюда трагедия, отсюда аскетизм, отсюда относительный пессимизм. Всего этого не следует понимать абсолютно, мы не проповедуем здесь ни маниейства, ни религии Зороастра. Сила зла реальна и могуча в этом мире только до времени, «князь мира» уже побежден и будет изгнан вон, зло устранится, разрешится трагедия, упразднится аскетизм, все снова станет «добро зело», но все это лежит за пределами теперешнего эмпирического существования, под «новым небом» и «на новой земле». Теперь же добро и зло смешаны, и не только смешаны, но и враждуют между собою, причем добро не достигает той полной победы, которую иметь ему необходимо, и зло празднует и свои победы, хотя бы и частичные, но реальные и несомненные, и эти победы зла пятнают собой мир и жизнь, черной тенью ложатся на землю, озаряют ее кровавым заревом и покрывают трауром.

На этом основании пантеистические настроения, которые в основе вполне оправдываются святостью первоздания, неизбежно ограничиваются этим чувством трагического, и тот пантеистический эвдемонизм, который — то в одной, то в другой оболочке — пытается отстоять свое существование рядом с трагедией, допустим только в определенных границах и притом лишь в облагороженной, пропущенной через горнило аскетизма и через огонь трагического миропонимания, форме. В этом пункте лежит, между прочим, коренное разногласие между современными эвдемонистически-позитивными теориями прогресса и той траги-

ческой теорией прогресса, которая одна только свойственна христианству.

Современный позитивизм не ставит вообще вопроса об абсолютных ценностях, он знает только цепь причин и следствий, приводящих к тому или иному результату. Он остается при этом неискренен и непоследователен, ибо молча и контрабандой все же вводит известные, как бы абсолютные ценности,— именно идеалы будущего счастья будущего человечества, и даже призывает служить этому идеалу; тем не менее он по-прежнему продолжает настаивать, например, в марксизме, что существует только закономерное развитие производительных сил и экономические интересы, обманным и лукавым образом облекающиеся в разные идеологии. При таком взгляде на жизнь и историю упраздняются все проклятые вопросы, нет ни трагедии, ни даже комедии, история уподобляется просто заводному ящику, на котором танцуют оловянные солдатики на пружинах экономического интереса. Трудно, конечно, воодушевляться какими-либо пылкими чувствами по поводу таким образом устроенного заводного ящика, но никто, конечно, из самых лютых марксистов на самом деле не принимает всерьез и до конца своих теорий, ибо фактически любит и ненавидит, и не только свои или чужие экономические интересы, но и добро, и зло в их чистом, бескорыстном виде. Однако люди эти, всецело занятые задачами ближайшими и практическими, вообще слабо сознают, что, помимо вопросов о средствах, может существовать еще вопрос и о целях, для которых эти средства предназначены, что могут существовать такие вопросы, как о мировой трагедии, мировом добре и зле.

Они с презрением говорят об этом «буржуазном» бреде, и сами пока находятся в докритической стадии мышления, всецело удовлетворяясь наивными представлениями о довольстве и счастье будущего человечества, в которых они и не сомневаются. Вопрос о природе добра и зла, вне экономических интересов, для них не существует. Раз будет устроено «государство будущего», зло тем самым будет побеждено. Следовательно, трагедию мира и жизни они считают разрешимой чисто механическими средствами, и, насколько они пессимисты относительно настоящей стадии человеческой истории, настолько же оптимисты относительно будущего. В качестве исхода, а до известной степени и цели истории, здесь является благополучие последних поколений. При этом и не затрагивается роковой и мучительный вопрос о сохранении ценностей, которые составляют неизбежное условие полного и действительного разрешения исторического трагизма. Иначе выходит, что бесконечное количество живых индивидуальностей должно подвергнуться роковым испытаниям и мучительной смерти, чтобы осчастливить последних избранных, и предполагается, что эти последние с спокойной совестью и сознанием правоты примут эту жертву и будут наслаждаться безмятежным счастьем, никогда не омрачаемым карамазовскими вопросами. Ведь нужно же говорить правду, такое представление об историческом прогрессе, его задачах и целях, в связи с ценой этого прогресса, по справедливости можно назвать апофеозом нравственного безразличия или просто свинством, и можно ли вдохновляться этим свинством «государства будущего». Для того, чтобы немногие поколения могли устроиться благополучно и окончательно, нужно выпихнуть на погибель, заставить страдать большую часть человечества, и предполагается, что эти остальные с сознанием своего превосходства устроятся в качестве каких-то исторических капиталистов, пожинателей исторических прибавочных ценностей, накопленных для них веками. Но ведь надо помнить, что, насколько прекрасно и

благородно приносить жертвы, настолько же тягостно, а иногда и постыдно их принимать. Не бичует ли совесть, не вспыхивает ли краска стыда при вести о всяком геройстве, о всяком самопожертвовании, которое совершается для всех, в том числе и для тебя! Не охватывает ли ужас, стыд, позор, скрежет зубовой, когда мы узнаем все новые вести о крови, льющейся теперь на Дальнем Востоке и внутри России. А ведь эта кровь, вольно или невольно, прямо или косвенно, проливается за наше освобождение, за наше будущее благополучие. И если притупленная, к добру и злу постыдно равнодушная, преступная совесть теперешнего человечества все же жжет и болит, карает и мучит, то как же мы лишаем совести будущие поколения, которые мыслим лучше нас, чутче, благороднее. Между тем как представляем их какими-то деревянными чурками, буржуазными себялюбцами, для которых все существует, для которых протекла вся историческая трагедия.

Можем ли мы решать за них такой страшный вопрос? А если мы слышим плохого мнения об этом будущем человечестве, и оно не примирится с приписываемым ему свинством и заявит бунт? Если оно окажется неспособным пользоваться тем счастьем, которое куплено для него такой ценой? Пускай все эти жертвы принесены были в прошлом, а в настоящем осталось одно благополучие, но ведь зло, совершенное в прошлом, уже вне власти человека, оно непоправимо, и не озарит ли оно трагическим закатом начинающиеся сумерки человечества? Непобедима и непровержима великая христианская истина, так глубоко сознанная и почувствованная Достоевским, о том, что все виноваты за всех, что человечество есть живое, реальное единство, и поэтому одни поколения не имеют нравственного права быть счастливыми за счет других. Общечеловеческая солидарность не может быть вытравлена из человеческой души иначе как ценой ее опошления*. Итак, возможность безмятежного и вместе с тем достойного благополучия для будущего человечества, разрешения трагизма хотя бы в жизни нескольких поколений уже теперь исключена. Для неверующего сознания, ограничивающего жизнь только теперешним эмпирическим существованием в представлениях о будущем мыслимы только две возможности: или пошлость, или бунт. Достоин ли жить пошлостью и возможно ли жить бунтом? Эту безысходность, между прочим, хорошо почувствовал и выразил в трагедии «Земля» (в «Северных Цветах») Валерий Брюсов, который, рисуя в своей мрачной фантазии судьбы будущего человечества, на первый план ставит Орден Освобождения — апофеоз смерти, бунт против жизни. Это художественная иллюстрация пессимистической философии Гартмана с ее последней перспективой, — коллективного самоубийства человечества, освободившегося от своих иллюзий.

Таким образом, обычная позитивная теория прогресса приводит к нравственному безобразию или безысходности. Она невозможна и есть, в действительности, теория не прогресса, а регресса, по крайней мере, в области моральной, ибо проводит линию от борющегося и страждущего человечества к самодовольному филистерству. Нельзя так легко перешагнуть через трупы, через всемирно-исторический трагизм.

Еще более детским представляется учение о победе над злом и изгнании его из мира и человеческих отношений посредством реформы экономических отношений. Это мнение основано на упомянутом уже

---

* Я уже останавливался на вопросе о цене прогресса в статье «Основные проблемы теории прогресса» и других статьях («От марксизма к идеализму»).

представлении о человечестве, как оловянных солдатиках, заводимых экономическим интересом. Иные идут даже так далеко, что предполагают совершенное устранение у будущего человечества моральности с неизбежной борьбой добра и зла в человеческой душе. Мы не будем здесь на этом останавливаться, это только лишний штрих к тому филлистерству и духовной скудости, которая приписывается в этой теории будущему человечеству, призванному увенчивать собой историю...

Отметим еще, что пока еще ни одна теория прогресса не включала в свою схему победу над смертью для тех счастливых поколений, которые доживут до этой победы. Таким образом и победа над злом здесь мыслится неполная, ибо крайний и последний враг остается — смерть.

Мы приходим к выводу, что позитивно-эвдемонистическая теория прогресса невозможна и приводит к нравственному абсурду.

Возникает вопрос, возможна ли теория прогресса трагическая, и, если возможна, то какой она имеет смысл?

Очевидно из предыдущего, что не эвдемонистический. Идеал земного блаженства последующих поколений не только недостижим, но и не может оправдать историю, и потому есть совсем не идеал. Содержанием истории и подлинным мотивом исторического прогресса может служить только самоопределение человечества, самообнаружение человеческого духа в творчестве, в познании, в деятельности, и, если верно, что в человеке заложено трагическое начало, такое самоопределение явится и углублением трагизма, сознанием его в полной ясности и отчетливости. Последний акт трагедии разворачивает и выявляет то, что дано уже в первом, хотя еще в скрытом, потенциальном виде.

Если рассматривать развитие трагедии от первого до последнего акта, то в ней, несомненно, есть свой прогресс, не эвдемонистический, свойственный мещанской комедии, где к последнему акту все препятствия устраняются, добродетель торжествует и дело кончается веселой свадьбой, но прогресс в созревании трагического, в результате которого добрые или злые, но первозданные, превосходящие силы сталкиваются в окончательной борьбе, во всей своей непримиримости. Прогресс трагедии предполагает усиление и укрепление добра, но и параллельное укрепление зла. Он двусторонен и антиномичен, но, во всяком случае, он предполагает рост сознательности и связанное с ним развитие действия.

Прогресс сознания выражается прежде всего внешним образом, в развитии общечеловеческого, универсального сознания, в образовании единой, солидарной, обладающей некоторым коллективным умом, волей, даже совестью человечества, возможной реализацией отвлеченного единства человечества. В настоящее время каждому школьнику известно, какими экономическими и политическими факторами обуславливается это окончательное, доступное на земле обобществление человечества.

Вторым условием роста сознательности и созревания трагедии является освобождение личности, раскрепощение человечества от политического и экономического рабства, которое ставит своей задачей теперешнее демократическое и социалистическое движение. Сделаем самое крайнее допущение в этом отношении, именно, что социально-экономический вопрос будет удовлетворительно разрешен, а государство естественным образом умрет вместе с политическим порабощением всякого рода, и на развалинах старого порядка будет создан анархический коммунистический строй. Что нового он принесет с собой? Полную свободу личности, т. е. устранение внешних насильственных препятствий к

тому, чтобы человек и человечество могли действительно заявить свое подлинное содержание, свою настоящую стихию, и, разумеется, устранение унизительных страданий, с ними связанных.

Наше время, когда эти освободительные задачи стоят на авансцене, склонно забывать, что разрешение их есть только средство, хотя и вполне необходимое, и принимает их за самоцель. Однако, очевидно, что сама по себе свобода есть чисто отрицательное понятие, сказуемое без подлежащего: неизбежно следует вопрос, кто, что и для какой цели освобождается. Грубо механическое понимание человеческой души не ставит этого вопроса потому, что оно вообще считает человека лишь функцией то «базиса», то нервов и мускулов и т. п., а сознание рефлексом условий, при которых человек живет. Такие утверждения, как основанные на метафизике грубейшего материализма, нас здесь не интересуют и просто могут быть оставлены без внимания. Человек не есть *tabula rasa*, на котором чертит свои узоры внешняя среда, он несет в себе определенные потенции, живые силы, которые и раскрывает на протяжении истории, творя культуру и, вместе с тем, обогащая свое сознание культурными завоеваниями. Нельзя указать внешнего предела культурному развитию, нет для этого никаких критериев; оно не имеет и внутреннего предела, ибо могло бы упереться только в Абсолютное, но Абсолютное дано человеку лишь как вечно достигаемая и недостижимая цель, а не как данность, так что движение культурного прогресса, не имея естественного конца, представляет собой «дурную бесконечность», по известному и употребительному выражению Гегеля. Можно предположить еще, что внешний предел ему полагает, так сказать, биологическая изживаемость человечества, ограниченность его жизненных сил, но это предположение может быть принято равно с таким же основанием, как и противоположное. Не будем входить в обсуждение человеческих гипотез конечного замерзания земли и перспективы вымирания человечества, которую открывает современная наука. Однако, не имея внутреннего предела в смысле достижения абсолютной цели, прогресс имеет внутренний предел иного рода, — предел трагический. В человеческой истории и культуре, в душе человека и человечества борются две стихии, два начала, две реальные силы: светлая, божественная и темная, или демоническая. Борьба эта не ведется вплотную, с открытым забралом, с полной сознательностью, для этого отсутствовали до сих пор те исторические предпосылки, о которых было только что говорено. Но по мере их осуществления она будет становиться все непримиримее и мучительнее (уже этим уничтожаются все предпосылки эвдемонизма), пока демонизм не выступит как таковой, в своей открытой сознательной вражде к Добру и поставит себя на место Добра. Это высший, заключительный момент истории, дальше которого она не может продолжаться по-прежнему; это решительное сражение, в котором должен победить или Бог, или сатана, Христос или антихрист.

Христианство берет мировой трагизм в самой глубокой и резкой, самой серьезной форме. И в конце времени оно помещает не розовую идиллию, а самый острый момент исторической трагедии, острый не внешними ужасами, но своей нравственной остротой. Выход, точнее, преодоление трагедии оно ставит в зависимость от сверхъестественных сил, от нового творения, от всеобщего воскресения и создания новой земли и нового неба. «Се, творю все вновь». Побеждается, прежде всего, индивидуальная трагедия — личная смерть, насильственно обрывающая развитие духа. Личная смерть вносит непримиримое, жгучее и разлагающее противоречие в понятие человечества и служения ему: челове-

чество мыслится и существует (в порядке мистическом) как единство не только отвлеченное, но и реальное, как живое «тело Христа», но в эмпирических условиях своего существования оно существует только в отдельных поколениях, непрерывно вымирающих. Единство исторического развития, хотя и существует объективно, но отсутствует субъективно, в сознании каждого живого существа. Поэтому-то так мертво и фальшиво звучит учение о блаженстве будущего человечества, покупаемом такими ужасами, такими страданиями отдельных личностей, ибо теперь эта личность фактически есть единственная реальность, как бы замкнутый в себе абсолюте, а человечество есть лишь логическая абстракция. Выход из этого противоречия может быть мыслим только один, именно, что участники в совокупном историческом делании своего человечества приобщаются, не отвлеченно только, а реально приобщаются ко всему этому делу в его законченном результате. Этот выход и дает христианство в своем учении о всеобщем воскресении в с е г о человечества; можно верить или не верить этому, но нельзя отрицать, что только таким способом может быть интегрирован исторический ряд, а вне этой интеграции говорить об общечеловеческом прогрессе, сводящемся к благополучию одних поколений за счет других, было бы противоречием и фальшью. По сравнению с этой обманчивой софистикой уже насколько честнее и прямее логика Штирнера с его проповедью эгоизма или Ницше, откровенно и решительно объявляющего целью истории не все человеческое стадо, а лишь единицы,— сверхчеловеков.

Христианство в своем эсхатологическом учении о спасении мира несет благу весть о с о х р а н е н и и в с е х п о д л и н н ы х ц е н н о с т е й, созданных в этом мире, как живой человеческой души, так и собирательной исторической работы всего человечества, которая имеет космическое значение, не только для человека, но и для всей твари. Ибо человечество есть душа мира, связывающая его с Богом. Этим разрешается вопрос и о смысле мировой трагедии, и о смысле истории. В истории человечеству отводится творческая роль, оно само участвует, насколько оно может, в создании высших культурных и этических ценностей, в устройении высшего общечеловеческого единства, «тела Христова». Оно не может своими ограниченными силами до конца разрешить эту задачу и, в конце времени, в самый напряженный и высший момент его творчества, сильнее всего обнаружится внутренняя язва и глубокий распад, но тогда и приходит ему на помощь Высшая сила, сила Креста. Если история имеет абсолютный, космический смысл, то, следовательно, и участие в историческом делании есть абсолютная обязанность. Но цель этого процесса заключается не в какой-либо одной его стадии, часть не приравнивается здесь целому, как в позитивной теории прогресса, а лежит вне и выше этого прогресса, следовательно, и каждая эпоха, каждое поколение, поскольку оно представляет необходимую часть этого целого, неустрашимое звено этой цепи, имеют равновеликое, равноценное значение: «в грядущем прошлое сокрыто», и, наоборот, прошлое чревато будущим. Хотя при таком понимании исторического процесса заключительный его момент не выдвигается уже в качестве его конечной цели, но этим не отрицается поступательное движение в истории или прогресс в направлении к последней цели. Так как тут ставится абсолютная цель, то только здесь есть и действительный прогресс. Только христианство, указывая такую цель, и может поддерживать настоящую теорию прогресса, ибо знает верх и низ, правую и левую сторону, вперед и назад. Таким образом, человеческая история совсем не есть что-то вроде исправительной тюрьмы или арестантских рот, куда отдаются души для приуготовле-

ния их в царство небесное, как полагал Леонтьев, как думали и думают представители византийского понимания христианства; само это царство небесное подготавливается и — в известной степени — создается человеческой историей, и нам представляется величайшим нечестием и недомыслием приписывать всеблагому Богу идею создания мира в целях подобной исправительной казармы. В богочеловеческом процессе все человеческие задачи должны быть выполнены человечеством; на земле, в земных задачах, в земном творчестве, в земном прогрессе — да, непременно и в земном прогрессе! — есть небо, есть небесное, вечное, что остается, подлежит увековечению, против чего бессильно тление.

Итак, христианство не вселяет ни квиэтизма, ни индифферентизма, ни вражды к жизни. Правда, оно учит, что в мире есть зло, не призрачное, не рефлекс какого-нибудь «базиса», а зло реальное, метафизическое, но оно же учит, что и добро есть реальная и преодолевающая сила. На борьбу с этим злом и зовет оно: «не мир принес Я на землю, но меч и разделения». При реальности зла нет и не может быть никакого другого пути прогресса, кроме борьбы со злом, везде, где бы оно ни вселилось: в общественных отношениях, в политике, в культуре. Везде нужно хотеть добра и стремиться доставлять ему победу.

Правда, христианство не скрывает, что эта победа может быть в теперешних условиях существования — только частичная и неполная, но оно дает незыблемую веру в полную и окончательную победу добра.

Нельзя и не следует отрицать или затушевывать, что христианское учение о прогрессе содержит в себе известную антиномию: призывая к прогрессу, оно до известной степени в то же время и расхолаживает, умаляя его ближайшие перспективы. Быть может, этот антиномизм, неразрывно связанный с этическим его дуализмом, и имеет в виду Чулков и многие другие, говоря о непримиримости христианства с «любовью к жизни». Справедливо, что трудно иметь неразделенную «любовь» к жизни, омрачаемой в настоящем и уже бесповоротно омраченной в прошлом таким количеством зла и преступлений. У каждого мыслящего и чувствующего человека образовывается в сердце все расширяющаяся трещина, и в гимнах жизни слышится известная надтреснутость. В каждой живой душе указанная антиномия психологически разрешается, причем доминируется то минор, то мажор, из смешения которых состоит земная музыка. Лишь в виде исключения эта дисгармония преодолевается душевной ясностью и объективной победой добра, — в редких случаях совершенной святости, которая оказывается в ы ш е трагизма (подобно тому, как возможно быть и н и ж е трагизма, в случае весьма низкого нравственного и умственного развития). В душе Соловьева в начале его литературной деятельности господствовал мажор, в конце же зазвучали неслыханной трагической силы аккорды «Трех разговоров». Вообще то или иное переживание этой антиномии находится в связи с индивидуально-психологическими условиями, но, непримиримая, она, конечно, неустрашима и оставляет холод в душе, некоторое утомление жизнью является причиной душевной дисгармонии. Поэтому, между прочим, невозможно и ненужно бессмертие в этом, лежащем во зле мире: это зло в длинные годы жизни нечувствительно оставляет ядовитые отложения, отравляющие живые силы души, и эта высшая степень отравленности жизнью прорывается полными отчаяния и иступленной тоски звуками, напр., в изумительной по искренности и силе трагизма шестой (патетической) симфонии Чайковского. Какой путь нужно было пройти, сколько пережить и перечувствовать певцу Татьяны от «Онегина» до шестой симфонии. Мне всегда казалось почему-то, что эта шестая симфония Чай-

ковского и «Три разговора» Соловьева (особенно повесть об антихристе) ужасно близкие между собою произведения не только по настроению, но и по значению в жизни их авторов. Однако это между прочим.

Итак, в чем же обвиняется христианство, якобы противоречащее любви к жизни? В том ли, что оно утверждает реальность зла в жизни, или же в том, что оно учит не любить этого зла? В конце концов иного содержания и нельзя вложить в эти упреки. Да, не надо любить зла, ни в эмпирической жизни, ни в сфере метафизической, надо бояться его лукавой и демонической мощи, его проклятых искушений. И если в мире действительно есть зло, то нельзя закрашивать этот мир сплошным розовым цветом,— должны быть и черные пятна. Если же речь идет о том, чтобы заглушать всю действительную непримиримость между добром и злом, и, поднявшись на цыпочки вместе с Ницше, провозгласить себя выше добра и зла, или же, возвратившись в приговорительный класс, повторять, что добро и зло есть «рефлекс» или «рефлекс рефлекса», то на это может быть только один ответ: духа не угашайте. Мы не можем своими силами вырвать зло с корнем, но должны бороться с ним всеми доступными средствами, во всех сферах жизни, ибо борьба эта ведется всегда и везде, и где ослабевает напряжение борьбы, там неизбежно усиливается злое начало, так что проповедники «любви к жизни» оказываются уже подлинными и лукавыми *advocatus diaboli*.

Этим не изгоняется радость жизни, не произносится клевета на Божий мир, светлый и прекрасный, чем грешило аскетическое монашество в своих извращениях, этим не осуждается заранее и бурный восторг, и тихое счастье, и светлая радость. Но всегда остается возможен вопрос и сомнение: чистая ли эта радость, святое ли это счастье, или же это радость, купленная слезами, счастье, приобретенное ценою духовного плена! И нельзя уже безразлично — во имя отвлеченной любви к жизни — восхвалять всякий восторг и всякий пафос жизни, будет ли это сатанинский пафос Нерона, воспевающего пожар Рима, или же святая радость Франциска Ассизского, поющего гимн солнцу и благословляющего «брата-волка» и «сестру-цикаду». Основной дуализм мироздания, коренное зло, до времени раскалывающее и извращающее мир, ставит под вопрос всякое проявление жизни, исключает ту непосредственную наивность, которая могла быть свойственна безгрешному человеку и теперь до известной степени остается свойственна детям, ко всему в мире нужно относиться испытующе.

Этот-то дуализм и связанное с ним аскетическое, напряженно-актуальное, а не успокоенно-пассивное отношение ко всевозможным переживаниям определенно враждебны к различным течениям мысли и настроениям сердца, которые стремятся не к преодолению дуализма путем борьбы, а к изгнанию его из мира путем примирения со злом, прямого или, чаще, замаскированного. Таков аморализм, панэстетизм, некоторые разновидности мистицизма. Общая их черта — отрицание трагизма и неразрывно с ним связанного аскетического отношения к миру. Г. И. Чулков, который удерживает трагизм, но хочет устранить трагическое, т. е. аскетическое, напряженно-борющееся отношение к миру, представляет редкое исключение и, я опасаясь, впадает в недоразумение. Меня могут упрекнуть в игре словами и в придании слову аскетизм не принадлежащего ему значения. Я отвечаю на это, что я стараюсь брать слова и понятия в том подлинном значении, которое им принадлежит, а не в крайних исторических извращениях. Ведь иначе нужно было бы отречься и от понятия христианства на том основании, что в настоящее время его официальным представительством считает себя ведомство

православного вероисповедания с обер-прокурором во главе. Аскетизм есть дуалистическое отношение к миру, и в этом качестве, как не раз указано, он неразрывно связан с трагизмом: вся разница в том, что трагизм есть изыскательное наклонение этого дуалистического тезиса, объективное констатирование его справедливости, аскетизм — повелительное, выражающее практическое, субъективное отношение к этому факту. В мире добро смешано со злом в активной борьбе, поэтому, если хочешь добра, то должен вступать за него тоже в активную борьбу, где бы и в чем бы она ни выражалась. Она начинается, совершенно естественно, с самого себя, с своего физического и духовного я (этот вопрос лучше всего разработан в историческом христианстве, и я не буду на нем останавливаться) и продолжается во всех сферах жизни и творчества. Пока мы рабы эмпирической действительности, далекий горизонт закрыт ее пеленой, и чтобы прорваться в высшие сферы жизни и творчества, чтобы трансцендентное хотя на миг и ценой величайших усилий стало для нас имманентным и небо приклонилось земле (по выражению Соловьева), нужен не только порыв вдохновения, но неизбежны и муки, которые обычно называются муками творчества и которые на самом деле представляют собой борение нашего подлинного мистического я, в своих корнях связанного с сущим, и я эмпирического. И, может быть, нигде прорыв этот не совершается с такими муками и жертвами, «с криком ужаса и боли», как в жизни религиозной, в переживаниях религиозно-мистических. В этой борьбе с поверхностным эмпиризмом житейской обыденности во имя прорыва в трансцендентное, в стремлении в эмпирическом реализме отстоять и мистическую реальность религиозных переживаний и заключается, по моему пониманию, и д е я монашества (говоря о котором берут почему-то ее исторические извращения, на самом деле ничего общего с монашеством не имеющие: ведь если хотите понять идею монашества, берите Франциска Ассизского, а не Игнатия Лойолу, — старца Зосиму, а не Ферапонта и не современных архиереев). И в этом смысле нечто монашеское (у одних больше, у других меньше) должно быть — и е с т ь — во всяком подлинно религиозном человеке, ибо «и донныне царствие Божие берется силою», т. е. прежде всего борьбой с собой, т. е. со своим эмпирическим и неподлинным я во имя я подлинного.

Ошибка и действительный грех даже искреннего исторического монашества заключается не в угле зрения, не в этом способе его отношения к жизни, но в том, что оно не осталось до конца ему верно и облегчило свою задачу, вместо аскетизма, актуальной борьбы, впав в квиэтизм, убоявшись испытать свое орудие в борьбе с миром, но скрывшись от этой борьбы за толстую монастырскую стену. Оно испугалось жизни с ее пестротой, сложностью, трудностью, оно упростило свою задачу, заранее объявляя целые сферы жизни и творчества нерелигиозными, оно хотело объединить мир и жизнь, и таким-то образом и созддалось то разделение между религиозными и нерелигиозными областями, устранить которое теперь является исторической задачей религиозного развития.

С аскетизмом в этом вторичном и извращенном смысле человечество не помирится, и примирение с ним было бы прямым угашением духа, поступком раба, зарывшего свой талант в землю вместо того, чтобы пустить в оборот. Нет сфер жизни, принципиально запретных или греховных, всюду светят Божьи лучи, нужно обогащать жизнь, проявлять шире и шире творческие силы человеческого учения, — в этом задача истории. Но вместе с тем, и нет сфер жизни, которые были бы сами по себе чисты и святы, где нужно было бы вложить разделяющий меч в ножны,

где могла бы умолкать испытующая рефлексия. «Мерзость запустения» может вселиться и на месте святе, и в храме могут расположиться торжники, а в пантеоне — Вааловы и Кибелины жрецы*.

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит.
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И, всегда обманов полный,
На Господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять.
И усилям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается все снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество.

(Ал. Толстой).

Так понимал аскетизм и Вл. Соловьев, и я не знаю, как можно возражать против этих мыслей, не впадая в оптимистический, к добру и злу равнодушный пантеизм. Как провести грань между тем и другим в сложнейших и тончайших сферах жизни, не впадая в грубый, варварский ригоризм или же в языческое безразличие, теоретически указать, конечно, нельзя, но это различие доступно внутреннему чувству, которое является единственным критерием. В частности, что касается красоты, то Соловьев писал об этом в предисловии к своим стихотворениям следующее: «чем совершеннее и ближе откровение настоящей красоты, одевающей Божество и Его силою ведущей нас к избавлению от страдания и смерти, тем тоньше черта, отделяющая ее от лживого ее подобия,— от той обманчивой и бессильной красоты, которая только увековечивает царство страданий и смерти». Чулков с порицанием говорит о «брезгливости, характерной для монашеской психологии»; по поводу этого различия Афродиты простонародной и Афродиты небесной, amor descendens и amor ascendens, которое делает уже Платон. «С мрачной настойчивостью,— замечает Чулков,— отвергает Соловьев земную любовь, противопоставляя ей холодную любовь, не имеющую «ничего общего с этой глупостью». Это не мешает однако тому, что у Соловьева есть именно любовные в земном смысле стихотворения самого возвышенного настроения, и неужели Соловьеву ставится на минус отсутствие эротических в специфическом смысле слова мотивов. Я боюсь, что в порыве критического увлечения Чулков впадает здесь в обратную крайность, чем та, которую приписывает он Соловьеву, и сам недостаточно отчетливо проводит грань между обеими Афродитами. Это опасение возбуждает во

---

* Ср. применение этой точки зрения к вопросу об экономическом прогрессе в статье моей «Об экономическом идеале» в сборнике «От марксизма к идеализму».

мне заключение его статьи, где говорится следующее: «В эпохи религиозных движений мистическая влюбленность,— вот главный нерв, вечно горящий и никогда не сгорающий. Религиозное освобождение, церковная реформация и развитие догматов возможно только в том случае, если в обществе вспыхивает эта подлинная влюбленность» и т. д. Здесь говорится уже о «мистической влюбленности» без всяких определений, будет ли она Розановская или Соловьевская, направляется ли она к Афродите простонародной или небесной, побеждает ли в сердце Тангейзера Венера или Елизавета: ведь и там, и здесь влюбленность, и там, и здесь мистическая, значит, нет никакой разницы? Чулков на самом деле едва ли будет отстаивать это отождествление и это безразличие, я нахожу, что здесь его покарала Немезида за ту предвзятость, с которою подошел он к Соловьеву и которою он сам был притиснут к стене безразличия. Той же предвзятостью продиктовано и общее его суждение о роли этой — без дальнейших определений — влюбленности в религиозной реформации. Правда, Чулков говорит, что он не знает, будет ли религиозный ренессанс христианским, предвидя, очевидно, возможность и чего-то другого, я же иного религиозного возрождения, кроме христианского, не могу и мыслить. Но, по крайней мере в пределах этого христианского ренессанса, в который я глубоко верю, мистический пафос, который Чулков называет влюбленностью (применяя к Афродите небесной язык Афродиты простонародной), этот пафос является не нервом, а лишь второстепенным и производным признаком, одним из многих даров, которые принесет с собой действительное пробуждение духа Христа. Этим пробуждением преобразится все: жизнь духа, общественные отношения, личная жизнь. Но это будет не раньше, чем наше светское общество стряхнет с себя свой убийственный индифферентизм ко всему, превышающему задачи сегодняшнего дня, свой поверхностный, легкомысленный эмпиризм, духовенство же оставит свое преступное равнодушие ко всему святому, удалит мерзость казенщины и запустения на святом месте, словом не ранее, чем наше общество духовно повернется к Христу. Тогда мы ощутим — не беспредметную «мистическую влюбленность», а живого Христа и радостно, торжествуяще повторим вещи слова:

Он здесь, теперь,— среди суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог.
Владеешь ты всерадостною тайной,
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

МАСТЕРСКАЯ

НОСИФ БРОДСКИЙ

Ибо наша словесная вязь неотмирна
и сама по себе...

Ю. Кублановский.

«Памяти Константина Батюшкова»

Одним из наиболее существенных последствий появления нового крупного поэта является неизбежность пересмотра всей истории поэзии и особенно наиболее близкого хронологически периода. Речь идет не столько о поисках генеалогии или влияний, сколько о выявлении той традиции, которую творчество данного поэта развивает. Ибо, вольно или невольно, всякий поэт является прежде всего реакцией на ситуацию в литературе, предшествующую его появлению. Если сравнить изящную словесность с растущим деревом, то по появлению того или иного поэта можно судить о том, которым из его ветвей суждено разрастись и окрепнуть, которым — отсохнуть и отпасть.

В этом смысле, творчество Юрия Кублановского — событие чрезвычайно значительное, с последствиями которого русской поэзии придется считаться на протяжении многих десятилетий. Это так, не только потому что Кублановский сравнительно молод — к моменту, когда пишется эти строки, ему 35 лет, — но потому что сделанного им за последнее десятилетие вполне достаточно, чтобы оценить, какой крепости оказалась ветвь русского сентиментализма, пущенная в рост Батюшковым.

Опасность присущего поэтике сентиментализма, преобладания лирического начала над дидактическим (т. е. смысловым) была замечена еще Баратынским. Сильно упрощая историю русской поэзии на протяжении последовавших 150 лет, можно, тем не менее, заметить, что читатель ее постоянно имел дело со стилистическим маятником, раскачивающимся между пластичностью и содержательностью. Упрощая же, можно добавить, что две наиболее удачные попытки привести оба эти элемента в состояние равновесия, так сказать, сократить шаг маятника, были осуществлены «гармонической школой» и акмеистами. В обоих случаях равновесие это длилось недолго. От гармонической школы русский стих откачнулся к поэзии разночинцев и — оттуда — к Фету и дальше к символистам. Что касается акмеизма, от него маятник этот качнулся, не без помощи государства, в сторону поп-футуризма.

Раскачивается он и по сей день, ударяясь то в плотную стенку доморощенного авангарда, то о не менее плотную толпу бледнолицых стилизаторов «серебряного века». Заслуга Кублановского, прежде всего, в его замечательной способности совмещения лирики и дидактики, в знаке равенства, постоянно проставляемом его строчками между двумя этими началами. Это поэт, способный говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина. Точнее, стихи его не поддаются ни тематической, ни жанровой классификации. Ход мысли в них

всегда предопределен тональностью; о чем бы ни шла речь, читатель имеет дело прежде всего с событием сугубо лирическим.

Его техническая оснащенность изумительна, даже избыточна. Кублановский обладает, пожалуй, самым насыщенным словарем после Пастернака. Одним из его наиболее излюбленных средств является разноstopный стих, который под его пером обретает характер эха, доносящего до нашего слуха через полтора столетия самую высокую, самую чистую ноту, когда бы то ни было взятую в русской поэзии. Это, однако, отнюдь не стилизация: Кублановский просто-напросто лучше, чем кто-либо, понял, что наиболее эффективным способом стихосложения сегодня оказывается сочетание поэтики сентиментализма и современного содержания. Эффект от столкновения этих средств и этого содержания превосходит любые достижения модернизма, особенно отечественного.

Превосходство это, впрочем, не только формальное: оно этическое. Средства, употребляемые Кублановским, не маска, не способ самозащиты: ровно наоборот, они обнажают качество содержания. Пользующийся данными средствами не может спрятаться в недоговоренность, в непонятность, в герметизм. Он, перефразируя Ахматову, должен быть ясен современнику, должен быть весь «настежь распахнут». То, что он говорит, обязано, благодаря наследственному достоинству формы, обладать смыслом и, более того, смысл этот превосходить качеством. Поэзия — искусство безнадежно семантическое, и предыдущая литература устанавливает иерархию ценностей. Поэт, пользующийся средствами более или менее классическими, судим, таким образом, по шкале ценностей, установленной не им самими.

Есть нечто вызывающее уважение в поведении литератора, сознательно ставящего себя в подобное положение. Выдерживает ли Кублановский сравнение со своими великими предшественниками? Прочтя этот сборник, я думаю, читатель ответит утвердительно. Выдерживает; и с ними, и, тем более, со своими современниками, и не столько за счет глубины его мысли и характера его изобразительных средств, сколько благодаря значительной степени духовной ясности, свойственной этому поэту. Кублановский, совершенно очевидно, поэт религиозный — на данном этапе его творчества, по крайней мере. Но именно мерой вкуса в трактовке чисто духовного материала Кублановский столь выгодно отличается от большинства своих современников, поголовно страдающих, мягко говоря, комплексом неопита, комплексом внезапно обретенной полноценности. Вера лирического героя Кублановского — вера унаследованная, а не вдруг обретенная; она — в порядке вещей, а не личное достижение, по поводу которого достигший ее ежеминутно впадает в экстаз, распускает сопли или озирается с чувством безграничного превосходства над окружающими.

Кублановскому абсолютно несвойственно столь типичное для словесности современных неопитов обращение к Всемогущему на «ты», как бы предполагающее существование взаимной переписки с Создателем. Несвойственно же это данному поэту, скорей всего, потому, что именно литература является воспитателем чувств, а не наоборот. Вкус, иными словами, источник — если не синоним — нравственности; нравственность сама по себе гарантией вкуса не служит. Лирический герой Кублановского, прежде всего, продукт эстетического опыта русской литературы, и он свободен от религиозного нарциссизма. От чего он не свободен — это от ощущения чуда дарованного ему существования, воспе-

вая частности которого, он более свидетельствует о Дарителе, нежели любое кадило.

Стихотворение, в конечном счете, приводится в действие тем же самым механизмом, что и молитва. Торжественностью этого механизма, скорее всего, и объясняется известное интонационное однообразие многих стихотворений Кублановского. В зависимости от читательского опыта это качество может приветствоваться как свидетельство верности автора себе или раздражать своей предсказуемостью. У Кублановского немало недостатков: он велеречив, рифмы его не слишком изобретательны, стиху зачастую не хватает нервности, лирическому герою — того отвращения к себе, без которого он не слишком убедителен. Но звук его — чист, и это позволяет не обращать внимания на длинноты, ритмические и сюжетные банальности, на чересчур иногда педалируемую набожность. Все эти вещи — тематика и средства, удачные или не очень, преимуществами или недостатками — все они лишь слуги звука, его составные элементы. Сумма их, повторяю, чиста.

У поэта есть только один долг перед обществом: писать хорошо. Собственно, это долг не столько перед обществом, сколько по отношению к языку. Поэт, долг этот выполняющий, языком никогда оставлен не будет. С обществом дела обстоят несколько сложнее, но и тут Кублановскому не о чем особенно беспокоиться: без читателя он не останется. Ни один народ не заслуживает своей литературы, и русские не исключение. Но пока человек не отказался от дара речи в пользу жестикюляции или мычания, обществу суждено, независимо от тенденций в нем существующих или ему навязываемых, обращаться к поэзии — не только самоосознания ради, но поскольку она — высший предел речи, т. е., биологическая цель человека как вида.

Отчасти благодаря качеству своих стихотворений и отчасти потому, что людей, говорящих по-русски, не убавляется, Кублановскому суждена аудитория бóльшая, чем его предшественникам и многим его современникам. С его появлением русский поэтический ландшафт обогатился значительно: судьба не без умысла поместила этого поэта между Клюевым и Кюхельбекером. Стихотворениям, собранным в эту книгу, суждена жизнь не менее долгая, чем соседям их автора по алфавиту.

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

Юрий Михайлович Кублановский родился в Рыбинске в 1947 году. В 1970-м окончил искусствоведческое отделение МГУ. В московском «Дне поэзии» за 1970 год напечатана подборка его стихов. Затем работал экскурсоводом в Соловецком музее, в музее имени Ф. Тютчева в Муранове, в Кирилло-Белозерском музее. Под псевдонимом Ю. Исполатов переводил Карла Сэндберга и новозеландских поэтов (переводы вышли в сборниках в издательстве «Художественная литература»). После того как в 1976 году за рубежом было опубликовано его открытое письмо «Ко всем нам» — на двухлетие высылки Солженицына, работать по специальности уже не имел возможности. Работал истопником, сторожем, дворником — при московских храмах.

В 1979 году принял участие в альманахе «Метро-

поль». В 1981 году в «Ардисе» (США) вышло «Избранное» (составитель И. Бродский). С 1983 года живет в Париже. Вышло еще три сборника: «С последним солнцем» («Ле пресс», 1983), «Оттиск» («ИМКА-пресс», 1985), «Затмение» («ИМКА-пресс», 1989).

Публикации в СССР: «Знамя» № 11 за 1988 г.; «Огонек» № 6, 1989 г.; «Радуга» № 1, 1989 г. (Таллинн); «Волга», № 3, 1989 г.

ЛИМАН

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

...Вдруг стало видимо далеко во все
концы света. Вдали засинел Лиман, за
Лиманом разливалось Черное море.
Г.

1

Ветер, снявшись, как парусник, с дальнего мыса
нас догнал и повлек.

Море Черное волнами цвета маиса
бьет в упругий песок.

Возвращаться домой по-осеннему рано,
не озябнем, сестра!

Отдохнем у широкого устья Лимана,
тусклой дельты Днестра.

От одесских степей — до развилок Дуная
налился виноград.

В глинобитных давиленьях его отжимая,
молдаване, как фавны, галдят.

И, когда подают краснопенные вина,
надо пить за кувшином кувшин,
чтоб понять — почему у плетеного тына
дремлет белопорточный румын.

Ты настолько же близко, насколько и зыбко,
и рука в красной блузе смугла.

А панاما с полями, печаль и улыбка,
та, которая нам помогла!

Если выбросит вдруг на ракушник медузку,
я верну ее морю скорей.

Вспомню смуглую руку и красную блузку
той, которая много юней.

...Но совсем далеко — у хорватской границы,
где солончатой брынзы запас,
где свободно поют итальянские птицы,
ветер, только что нам обжигавший ресницы,

ничего не расскажет про нас.

2

Ты настолько же близко, насколько и зыбко.

Ничего, ничего —
все равно на губах твоих та же улыбка,
что и в мёрзке сна моего.

И когда долетит молдаванская скрипка,
принесут виноград и айву,
ни за что не поверю, что это ошибка,
и тебя позову наяву.

...И тогда в этот дом с голубыми углами
где просторно плющу,
ты придешь в красной блузе, в панаме с полями...
И ответу тебе и прощу.

Потому что ведь разве возможно такое
на закате души,
потому что у нас все болит, все живое,
все знакомое с детства, с пеленок родное,

а потом намечталось в тиши.

3

...Там, где рокот прибоя ломился
к нам в хибару, когда по ночам
головой к тебе приклонился
и руками прижался к плечам,
там, где Пушкина нежный портретик
стрекозой на булавке висел,
где болтался дверной шпингалетик,
виноград на тарелке чернел,
где когда-то, когда-то, когда-то
со стаканом вина на порог
выходил и глядел я куда-то

и задумчиво делал глоток,
где теперь только вьюги
воркуют
да трепещет сухая лоза,
— там по мерзлым ракушкам
кочуют
наши образы и голоса.

Каково им приходится ныне,
и о чем они шепчут сейчас
в запредельной молдавской
пустыне,
вспоминая отступников — нас?

4

Виноград залез в беседку,
переполнил сад.
И айва согнула ветку,
не слышать цикад.

На базаре молдаване,
бочка да стакан...
Боль в душе да рубль в кармане,
наливай, цыган!

Погляжу на дно стакана,
на седой Лиман.

Рубль достану из кармана,
наливай, цыган!

Визави от Аккермана
дымки поясок.
Там на берегу Лимана
сяду на песок.

Грейся, грейся, шелудивый;
в солнечном ветру
в день осенний торопливый
верь, что все к добру.

5

Все подернуто туманной поволокой,
пленкой слюдяной.
То с приморской линии далекой
поднялся осенний зной.

Над Лиманом чайка разыгралась,
надо видеть, надо плыть...
А иначе счастье или жалость
могут горло задуть.

Моего живого средоточья
ты хотела стать венцом.

Но пойми, любимая, воочью —
нет венца перед концом!

Так прощай, руина Аккермана
и соломой крытый бастион,
где на сером берегу Лимана
захмелевших клонит в сон.

Я айвовому седому югу
оставляю верную подругу,
но прощальные слова
вкладываю — в нищую Калугу
и туда, где спившаяся с кругу,
с вырезанным сердцем — ждет
Москва.

6

От подсвеченной ртутной седой листвы,
от косога дождя, от ночной Москвы,
где желты изнутри поезда в земле
и Антихрист хобот задрал в Кремле,
где идет на нас из-за толстых стен
от чугунных рак самодержцев тлен,
от всего, что тут, — ко всему, что там,
но куда вовек не вернуться нам,
обращу лицо на пустынный пляж,
где живет еще тайно образ наш,
переплавленный в слюдяной мираж.

3 октября 1976

ОСЕНЬ В СКИФИИ (1976 г.)

...Где Овидий, завидев, спешит из сторожки,
лавровишней венчанный бедняк,
для кормежки
блудных пляжных собак,
наклоня повинно плешивое темя,
словно тем признаваясь легко,
что и в старческой темени скудное семя
ищет, где глубоко,

кто-то выпотрошил содержимое грозных
присмиривших валов:
с перламутром толченым ракушечник слезный
вместе ждуд холодов.

Сколько нежности в том, что уже потеряло
право быть на виду,

испарилось, пропало
в баснословном году!
...Словно рядом стрекочет размытая лента,
уходя в пустоту,
и латентно
в темноте на свету
вижу пригоршни позеленевшей монеты,
тот кувшин, что распили вдвоем...
Драгоценная, где ты?
И Боспорского царства поделки — браслеты
все ль тусклы на запястье твоём?

1987

ОТ ИСТОКОВ ДО УСТЬЯ

Зеленолиственный Дуная
исток... поток,
сторожевые огибая
холмы, глубок.

Река Дунай — двупол и холост
его ручей.
В лучах оконных белый хворост
горит свечой.

В его водоворотах цепких
ныряющая та,
щепа сколоченного крепко
для нас креста.

Как сукровица от стигмата
на полотне

или заржавленная лата —
зенит в огне.

.....
Дунай, сливающийся с Летой
в спектральной мгле
далекой дельты — не на этой
давно земле,

где выпотрошены седые
валы
и наши тени молодые
легли, светлы,

на растолченные частицы
ракушек; и
обугливаются страницы,
Творец, Твои.

1986

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗИИ

Е. ГРЕЧАНАЯ

АНДРЕ ШЕНЬЕ

Зовет меня другая тень...
Пушк и н . «Андре Шенье»

Творчество и судьба французского поэта Андре Шенье (1762—1794) не могли не оставить заметного следа в русской литературе. Образ «этого светлого жреца поэзии» (по слову И. Анненского), принявшего смерть на эшафоте в неполные 32 года, притягивал загадочной игрой света и тени, слиянием юности и смерти, трагической случайности и неизбежности. Его стихи, проникнутые чувством традиции, простодушно отзывающиеся на голоса поэтов прошлого и вместе с тем звучащие, как звучит в хоре индивидуальный голос с его особым тембром, обладали магической силой очарования для целого ряда русских поэтов от Гнедича и Пушкина до Брюсова и Мандельштама.

«Певец любви, дубрав и мира», «напитанный древностью» (как писал о нем Пушкин) при жизни был в общем безвестен как поэт, не публиковал своих стихов, несмотря на одобрение некоторых признанных в то время мастеров. Таивший свои замечательные по красоте и гармонии произведения, он нарушает молчание в решающий для родины момент, в эпоху Великой французской революции, выступив как публицист (публицистичны и два его единственных поэтических произведения, опубликованные в это время). Приветствуя революцию как истинный сын XVIII века, он пытается повлиять на ход событий, «сдерживать бушующее море», напомнить об опасности «властолюбия», предотвратить разгул террора, который угрожал Франции, точно разглядев поднимаемые по всей стране «калтары страха» (в одноименной статье 1791 г.). В период революции Шенье пережил глубокий идейный кризис, воочию убедившись в последствиях насильственной проповеди равенства и братства. Жажда истребления и в конечном счете самоистребления захлестнула страну. Уже в первые дни революции очевидец писал о недавних мирных парижанах: «Группы людей в парке не прогуливались, как прежде: все их занятия сводились к разговорам о том, что надо убивать, вешать, рубить головы» (Ретиф де ла Бретонн. «Революционные ночи»).

Летом 1792 года Шенье перестает выступать в печати, прекратив полемику и выйдя из борьбы. Свою последнюю статью он завершил словами, относящимися к нему самому: «Он умрет, радуясь, что взор его больше не увидит унижения великого народа...» Написанные им в дни террора наброски статей, в частности, против казни короля (в это же время с призывом сохранить жизнь Людовика XVI публично выступили Шиллер и итальянский драматург Альфьери), ямбы и оды стали известны лишь много лет спустя. В одном из таких прозаических набросков отношение Шенье к происходящему (он снова говорит о себе в третьем лице) особенно красноречиво: «Он устал делить стыд с этой огромной толпой, которая втайне так же, как и он, проклиная, но явно одобряет и поощряет, во всяком случае, своим молчанием мерзких преступников и

чудовищные деяния. Жизнь не стоит такого позора...» И далее: «Некто А. Ш. (Андре Шенье.— Е. Г.) был одним из тех пяти или шести, коих ни всеобщее исступление, ни корысть, ни страх не могли заставить преклонить колена перед коронованными злодеями, коснуться рук, запятнанных убийствами и сесть за один стол с пьющими человеческую кровь». Яростное обличение отдельных людей, прежде всего якобинцев, в прозе и стихах, порой перекрывалось более глубоким пониманием и своей, общей вины («В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит, надо»). «Нам должно умереть»,— таков вывод поэта.

7 термидора (25 июля) 1794 года Шенье находит смерть, как будто иначе и быть не могло. Он разделил участь многих и многих: его ждала «поточная» гибель на эшафоте (в числе 24 союзников по тюрьме Сен-Лазар). Казалось бы, случайность то, что он был арестован по «закону о подозрительных лицах» в доме человека, которого разыскивали представители созданного в эпоху террора «комитета общественной безопасности» и что, проведя четыре месяца в тюрьме и как будто уже забытый, затерявшийся в толпе заключенных, он в пору агоний якобинской диктатуры был казнен всего за два дня до падения Робеспьера? Но в жизни и смерти поэта разве есть случайности?

Таинственная логика образа Шенье завораживала русских поэтов. «Андре Шенье взшел на эшафот, а я живу, и это страшный грех» — так понимала эту логику Марина Цветаева. «Я мечте кричу: пари же, Предлагая чайку Шенье, Казненному в тот страшный год в Париже»,— вспоминал о нем Хлебников, хорошо различив этот сопутствующий французскому поэту ореол свободного мечтателя и мученика.

Все интерпретации образа Шенье в России восходят к Пушкину. Он и ведет нас в мир этого поэта, указывает нам на его «благородный след», называет «возвышенным галлом», «великим гражданином среди великого народа...». Шенье был одним из «спутников» Пушкина, который всегда вспоминал о нем с неизменной симпатией: «Никто более меня не уважает, не любит этого поэта...» Пушкина вдохновляли его протяжные и яростные строки, скрытый поэтический путь и открытая гражданская позиция.

Думается, что и сам образ поэта в пушкинской оде «Вольность», отвергающего изнеженные песни Венеры ради небезопасных песен Свободы, моделируется по образу Шенье, мирного певца, бросившегося на защиту свободы, невзирая на опасность («Кому сама среди славных бед Ты гимны смелые внушала»). «Смелые», то есть противоречившие «среди славных бед» остальным песням, гимны принадлежали в эпоху революции, пожалуй, одному Шенье (мотив полного одиночества борца — постоянен в его последних одах и ямбах). В начале 20-х годов Пушкин, подобно французскому поэту, пережил духовный кризис, приведший к переоценке просветительских идеалов. В стихотворении «Свободы сеятель пустынный» (1823) сравнение человечества с послушным стадом («Паситесь, мирные народы!») восходит к Шенье, воскликнувшему в одной из полных горечи од времени террора: «Люди, трусливое стадо!»

В 1825 году «драма идей» об истинном предназначении поэта разрешится в стихотворении «Андре Шенье» признанием необходимости активно противостоять злу («Умолкни, ропот малодушный! Гордись и радуйся, поэт: Ты не поник главой послушной Перед позором наших лет»).

Отношение к поэзии как к таинству, которое неохотно делается достоянием публики, склонность к молчанию и уединению — и смелый

выход на арену политических бурь, вызов царящему злу, незаметная смерть, столь далекая от романтического самоутверждения — все это, очевидно, явилось для Пушкина олицетворением духовной свободы, бывшей для нашего поэта одной из первооснов творчества («Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимн простой...»), стало уроком нравственного достоинства, образцом умения оставаться самим собой («Все тот же я — как был и прежде», «Каков я прежде был, таков и ныне я», — дважды повторяет Пушкин — в 1821-м и 1828 году поэтическую формулу Шенье).

Мотивы безвестности, высокого молчания, бегства, к которым внутренне тяготеет истинный поэт свободы, обретаемой, если не в жизни, то в смерти — одни из основных в поэзии Пушкина, особенно в стихах, созданных под влиянием Шенье. Именно изображение духовного величия и беспечности поэта перед лицом жестоких невзгод привлекло, видимо, Пушкина к поэме Шенье «Слепец», перевод которой он начал («Внемли, о Гелиос...», 1823), а строки из стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) «Блажен, кто молча был поэт И, терной славы не увитый, Презренной чернию Забытый, Без имени покинул свет!» представляются прямо связанными с образом французского поэта. В элегии «Близ мест, где царствует Венеция златая», переводе одного из стихотворений Шенье, Пушкин ставит акцент на потаенности поэтического пути, перенеся точно переведенные строки «Как он, без отзыва утешно я пою И тайные стихи обдумывать люблю» в конец стихотворения.

Будучи независим как поэт, Шенье всю жизнь бился в сетях социальной несвободы. «Часто, устав быть рабом... я улыбаюсь смерти», — писал он в элегии, переведенной Баратынским («Под бурею судеб, унылый, часто я»). «Давно, усталый раб, замыслил я побег», — вторит своему старшему брату Пушкин. Перевод стихотворения Шенье «Смерть Геракла» — «Покров, упитанный язвительною кровью» — он напечатал в первом номере своего «Современника» в 1836 году. Добровольная мученическая смерть героя, складывающего свой погребальный костер, самоожжение и обретение свободы бессмертия, о которых говорится в стихотворении Шенье и переводе Пушкина, не было ли это их общим делом?

Глубокое сочувствие французскому поэту могло даже отвлечь Пушкина от недавнего «властителя дум», о чем свидетельствуют начальные строки «Андре Шенье»:

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает...
...Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

В глазах Пушкина судьба Шенье, его поэзия были исполнены особого духовно-нравственного смысла, и не случайно в своем переложении молитвы Ефрема Сирина «Отцы пустынники и жены непорочны» он именно у французского поэта заимствует тот единственный образ, которого нет в первоисточнике: «Любоначалия, змеи сокрытой сей» (в черновом варианте «змеи коварной сей», то есть точно так, как в оде Шенье «Клятва в зале для игры в мяч»: «Всякий смертный в сердце скрывает... Властолюбие, коварную змею»). Стремление к полноте духовной свободы, лейтмотив «каменноостровского цикла» 1836 года, составляет суть этого последнего обращения (как и многих более ранних) Пушкина к Шенье.

В XIX и XX веках поэзия Шенье воспринималась в неразрывной связи с пушкинской. Мандельштам писал о его стихах: «Для нас сквозь кристалл пушкинских стихов эти стихи звучат почти русскими. Так в поэзии разрушаются грани национального, и стихия одного языка перекликается с другой...»

В наше время «гигантская тоскующая тень Шенье» (снова вспомним слова Анненского) встает перед нами на той границе света и тьмы, которая так печально близка и так часто переступалась человечеством.

АНДРЕ ШЕНЬЕ

* * *

Версаль, твои сады, колонны,
Оживший мрамор, вязов кроны,
Блаженный сей приют богов и королей —
Для сердца — малая отрада,
Как павшая роса — мгновенная прохлада
Для увядающих полей.

С Парижем память растается,
Лишь только взору улыбнется
Мой неприметный дом в тени ветвей густых,
Откуда по холмам и долам
Я часто ухожу бродить путем веселым
Среди деревьев молодых.

Гром колесниц и блеск уборов
И бдение ночных дозоров —
Все кончилось. Ушло величие двора.
Теперь милы тебе молчанье,
Общенье с музами, к наукам прилежанье,
Неведомые здесь вчера.

Увы, искусства и науки
От вялой праздности и скуки
Уж не спасут меня. И терпеливый труд
Душе в дремоте и в унынье
И тягостен, и чужд. Мечты о славе ныне
Мой сон тяжелый не прервут.

Уединенье, тень, забвенье,
В безмолвии успокоенье,
Вот все, к чему стремлюсь. Под сению твоей
Укрой меня и, если надо,
Чтоб теплилась еще печальных дней лампада,
Любовью сердце мне согрей.

Ведь в жилах кровь кипит, струится,
И жизнь не иссякает, длится,
Пока нас чистый взор в смятенье застаёт.
Кто, радостный или унылый,
С волнением следы повсюду ищет милой,
Тот бремя дней легко несет.

И я люблю, живу лишь ею,
И в эту темную аллею,
Где, мнится, строгое ее лицо глядит,
Всегда в душевной тихой смуте
Под вечер прихожу мечтать о той минуте,
Что нас опять соединит.

Лишь для нее живых созвучий
Поток, недавно столь могучий,
С недвижных уст моих политься вновь готов.
Лишь для нее твой мрак дубравный
Внушает сердцу стих таинственный и плавный,
Язык любви, язык богов.

Когда бы в бездне злодеяний
Уйти от зрелища страданий,
Обрести покой мог тот, чьи праведны дела,
Тогда, Версаль, в твоих аллеях,
Задумчивой тиши, прохладных галереях
Услада б тихая была.

Но часто мирные долины,
Холмов зеленые вершины
Внезапно в трауре пред взором предстают.
И тени бледных осужденных
Мне всюду видятся и судей незаконных,
Вершащих беспощадный суд.

ЯМБЫ

Когда скрывается в пещерном полумраке
На бойне с бляньем баран,
В овчарне пастухи, бараны и собаки
Спокойны: не велик изъян.
Младенцев вместе с ним резвившаяся стая
И девы юные, гурьбой
Ласкавшие его, в руно цветы вплетая
И потчюя наперебой,
Его съедают вмиг и не грустят нимало.
Сокрыт в сей мрачной глубине,
Я с ним уделом схож. Как быть? пора настала
С забвеньем свикнуться и мне.
Баранов множество других с судьбою сродной,
Заполнивших всю эту клеть,
Воздетых на крюки на бойне всенародной
Народу бодро пустят в снедь.
А что ж мои друзья? Сквозь прутья мне подмогой,
Подобно медлящим лучам,
Их были бы слова. И золота немного
Они бы дали палачам.
Но бездной все грозит. Всем надобно укрытье.
Живите в радости, друзья.
Наперекор Фукие за мною не спешите.
В иные времена и я

От горестей чужих, быть может, безучастно
Глаза отвел бы, в свой черед.
Так память обо мне досадна и опасна.
Друзья, не ведайте забот.

ЯМБЫ

В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит, надо.
Есть, спать мешает ли позор?
И здесь, где смерть — пастух, а мы — в загоне стадо,
Где случай шлет нас под топор,
Записочки летят, кокетливые губки
Дурачат преданных глупцов.
Здесь песенки поют и задирают юбки,
И любят острое словцо.
По крышам, пустотой привычно распираем,
Подброшен кем-то, мяч гремит,
Подобный семистам пошлейшим краснобаям,
Барер меж коих всех затмит.
Резвятся, пьют, кричат и рассуждают важно
Политиканы, болтуны:
Вдруг петли ржавые дверей визжат протяжно:
От судей-тигров мы должны
Посланика принять с досадным порученьем.
Кого ж из нас топор зовет?
Все, содрогаясь, ждут, и каждый с облегченьем
Вздыхает: не его черед.
Бесчувственный глупец, ты завтра будешь заклан!

* * *

Всевидцы тайные, чей безупречен глаз,
На стенки глиняных, стеклянных, медных ваз
Перенести спешат сокровища природы
И любят лишь свои долины, горы, воды.
Прокрусты, варвары, владыки-хитрецы,
Когда они берут послушные резцы,
Беззвучно плачутся безвольные дриады,
В границах тягостных безумствуют наяды,
Узора линии отточены, строги,
Каскады скованы, размерены шаги.
Как Муза вольная, наивная, живая
Родится здесь? Увы, так рощу покидая,
Напрасно соловей под сенью легких кущ,
Где вырезан аканф и вычеканен плющ,
Хотел бы отыскать весенних песен звоны,
Усладу и зари, и ночи благовонной.

* * *

Где царственных гробниц внушительный размах,
Супруги верной скорбь чтоб возвестить в веках?

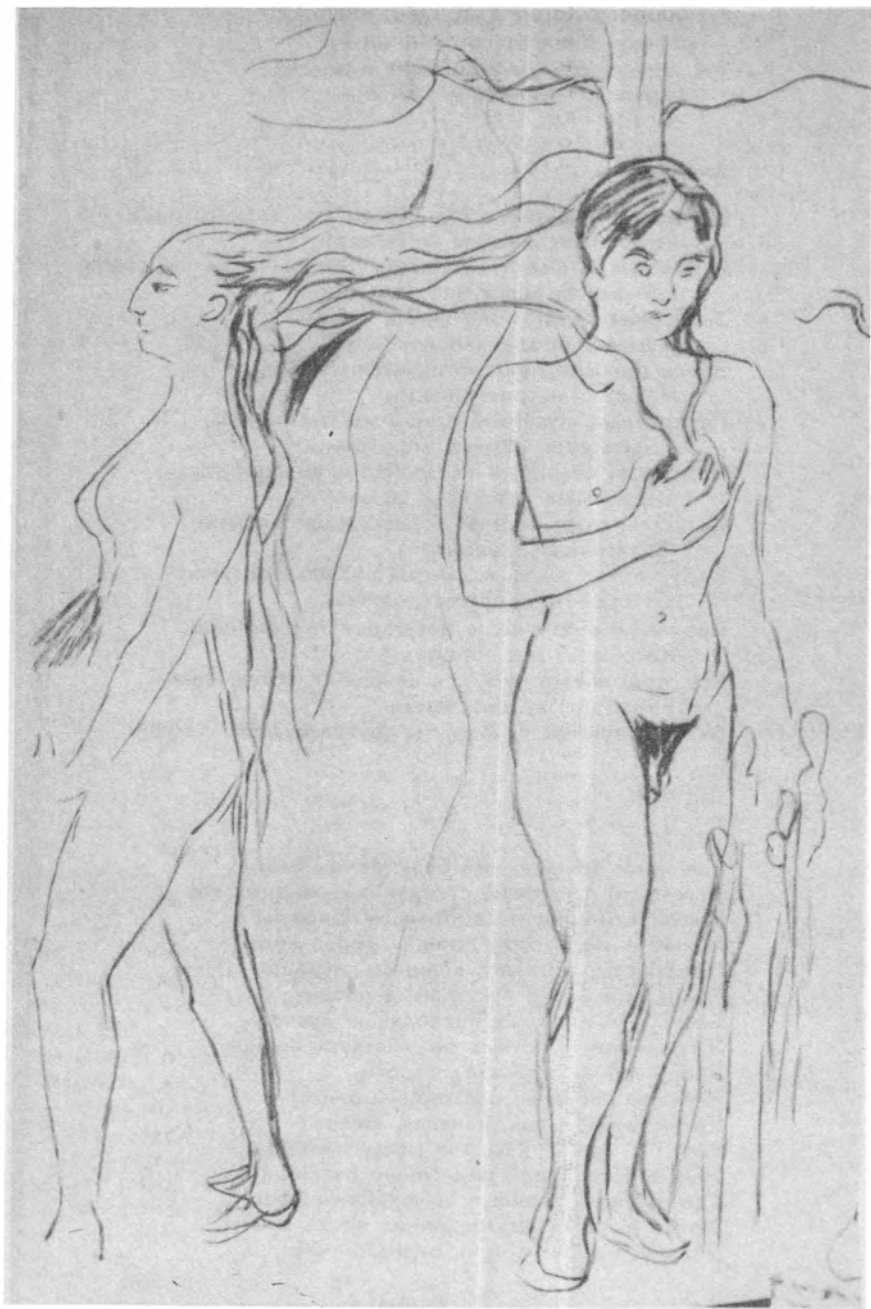

Рис. Э. Мунка

Травой поросли Коринф, Трезен, Микены,
По площадям Афин проходит серп смиренный.
Ты, древний Илион, богов как ни моли,
Но Ахиллесов сын тебя сметет с земли.
А ты, что угрожал так долго славе Рима,
Ты, что на двух морях царил неборимо,
От мощных стен твоих, от башен и ворот
Никто разбросанных обломков не найдет.
А вы, плоды ума и воли непреклонной,
Затеи гордые царицы Вавилона,
Каналы хитрые, прорезавшие град,
По трубам гнавшие на высоту Евфрат,
Битумных стен кольцо, которых основанья,
Казалось, потрясет лишь гибель мирозданья,
Висячие сады, дивившие весь свет,
Вы, мрамор и металл, где отыскать ваш след?
Лишь ваши имена забвенью пощадило:
Они горят в стихах, как полночью светила.

Перевод Е. Гречаной

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Достоин сожаления, что Т. С. Элиот* в своем пространном эссе, предвещающем «Избранные стихотворения» Редьярда Киплинга, занял исключительно оборонительную позицию. Этого, правда, трудно было избежать. Прежде, чем начать любой разговор о Киплинге, необходимо разрушить легенду, созданную вокруг имени поэта двумя категориями людей, не читавших его произведений. Положение Киплинга уникально в том плане, что вот уже пятое литературное поколение приводит его в пример как плохого писателя. На протяжении полувека его презирают все образованные люди, но, взгляните, девять десятых этих образованных людей давно забыты, а Киплинг по-прежнему жив. Элиот не дает удовлетворительного объяснения этому парадоксу. Отвечая на легковесное, шаблонное обвинение в приверженности Киплинга к фашизму, он впадает в противоположную ошибку, защищая писателя там, где защитить его невозможно. Бессмысленно делать вид, что мироощущение Киплинга в целом может быть принято или даже прощено цивилизованным человечеством. Бессмысленно утверждать, что сцена, в которой британский солдат выколачивает шомполом деньги из «черномазого» — всего лишь репортерская зарисовка и автор отнюдь не одобряет описанного. В книгах Киплинга нет и намек на осуждение. Более того, здесь налицо прямой садизм, далеко превосходящий меру жестокости, присущей такого рода литературе. Киплинг действительно шовинист и империалист, он черств и безнравственен, произведения его чужды эстетике. Лучше начать с этой предпосылки и только затем попытаться

* Элиот, Томас Стерн (1888—1965) — один из крупнейших поэтов и литературных критиков XX века. (Здесь и далее примечания переводчика).

раскрыть тайну его литературного долгожительства. А заодно и призадуматься, почему книги большинства смеявшихся над ним, рафинированных писателей оказались однодневками.

И все же, обвинение в приверженности к фашизму слишком серьезно, чтобы на него не ответить. Главную суть и подлинный ключ к постижению Киплинга я усматриваю как раз в том, что ни с нравственной, ни с политической точек зрения его никак нельзя назвать фашистом. Он гораздо дальше отстоит от фашистской идеологии, чем любой из наших самых гуманных и «прогрессивных» современников. Любопытно, как у нас любят выдергивать из контекста цитаты и применять их направо-налево, не пытаясь даже вдуматься в смысл. Возьмем для примера строку из «Отпустительной молитвы»: «Как варварских племен сыны». Великолепная мишень для насмешек в ультралевых кругах. Предполагается, как нечто само собой разумеющееся, что речь идет о «туземцах», и воображение уже рисует белого «сахива» в пробковом шлеме, pinaющего бедного «кúли». На самом же деле смысл этой строки почти прямо противоположный. «Варварских племен сыны» — это, вне сомнения, немцы или, точнее, писатели-пангерманисты. Они — «варвары» не потому, что не знают цивилизации, а потому, что эту цивилизацию попирают. Стихотворение, обычно принимаемое за кичливую оргию, является порицанием «политики с позиции силы», как английской, так и немецкой. Здесь нелишне процитировать одну-две строфы (в качестве демонстрации политических взглядов, а не в качестве образца высокой поэзии):

Коль, мощью призрачной хмельны,
Собой хвалиться станем мы,
Как варварских племен сыны,
Как многобожцы, чада тьмы,
Бог Сил! Нас не покинь! — внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

За то, что лишь болванки чтим,
Лишь к дымным жерлам знаем страх
И, не припав к стопам Твоим,
На прахе строим, сами прах,
За похвальбу дурацких од,
Господь, прости же Свой народ! *

Фразеология Киплинга во многом почерпнута из Библии, и очевидно, что в заключительной строфе подразумеваются стихи 127-го псалма **: «Если Господь не созидает дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охраняет народа, напрасно бодрствует страж». Воздействие подобного текста на разум, переживший эпоху гитлеризма, разумеется, невелико. Никто в наше время уже не верит, что военную мощь можно победить иначе, как военной мощью, силу — иначе, как еще большей силой. Нет «цивилизации», есть одна Сила. Я не утверждаю, что эта максима истинна, утверждают только, что в нее верует большинство человечества. Отрицать подобную веру — значит проявлять интеллектуальную трусость. Или втайне боготворить силу, скрывая под маской притворства отсталость от своего времени. Взгляды Киплинга предвосхищают фашизм. Он уверен, что надменность предшествует падению и что боги

* Перевод О. Юрьева.

** Псалом 126 по каноническому русскому изданию.

наказуют гордость *. Он не предвидит танка, бомбежек, радио и тайной полиции с их психологическими травмами.

Но разве этими словами я не опровергаю своих же слов о шовинизме и садизме Киплинга? Ни в коей мере. Я только подчеркиваю, что империалистические взгляды XIX века и современный гангстеризм — совершенно разные вещи. Киплинг вполне определенно принадлежит к двум десятилетиям, с 1885-го по 1902 год. Мировая война и ее последствия озлобили его, но непохоже, чтобы его всерьез задело хотя бы одно событие после войны англо-бурской.

Киплинг прославлял британский империализм на экспансионистской стадии развития. Причем лучше, чем стихи, атмосферу того времени передает его одиноко стоящий роман «Свет погас». Киплинг был к тому же неофициальным историком британской армии, старой наемной армии, которая начала видоизменяться как раз в 1914 году. Его самоуверенный тон, его бытующе ключом простонародное жизнелюбие порождены совсем иной ограниченностью, чем та, что свойственна фашистам и сочувствующим фашизму.

Под конец жизни Киплинг принял позу обиженного, и причиной его обиды было скорее разочарование в политике, чем неудовлетворенное литературное тщеславие. Ход событий непонятным образом разошелся с первоначальным замыслом. После величайшей за всю свою историю победы Британия стала значить на мировой арене гораздо меньше, чем до войны, и Киплинг обладал достаточной прозорливостью, чтобы понять это. Добродетель больше не принадлежала слоям, которые он идеализировал. Молодежь овладели гедонизм и неприятие; желание покрасить карту мира в английские цвета улетучилось. Киплинг не мог объяснить происходящее, ибо никогда не понимал важности экономических процессов, лежащих в основе империалистической экспансии. Примечательно, что писатель так и не поднялся над уровнем среднего солдата или колониального администратора, так и не осознал, что империя — это прежде всего прибыльное предприятие. Киплинг рассматривал империализм как некое принудительное миссионерство. Сначала наводишь пулемет на толпу невооруженных туземцев, а затем устанавливаешь «закон», который включает не только шоссе и железные дороги, но и здание суда. Не потому ли он не мог предвидеть, что силы, породившие империю, станут в конце концов источником ее гибели. Одна и та же причина заставила расчистить малайские джунгли под каучуковые плантации и теперь, уже в наше время, передать эти плантации в целостности и сохранности японцам. Современные диктаторы в отличие от англичан прошлого века знают, что делают. У обоих подходов есть свои сильные стороны, но Киплинг так и не сумел продвинуться к новому пониманию мира. Примем во внимание, что он все-таки был художником. Тем паразитической схождо его взглядов с воззрениями высокооплачиваемого чиновника, который презрительно считает, что «музыкантишка» только бренчит по клавишам, и даже не подозревает, что без этого брэнчания не было бы мелодии.

Отождествляя свои убеждения с государственной идеологией, Киплинг обладал одним качеством, крайне редким для так называемых «просвещенных» людей. Речь идет о чувстве ответственности. Леваки из средних классов ненавидят его за это не меньше, чем за жестокость и пошлость. Деятели левых партий в промышленно развитых странах по сути своей шарлатаны. Они ставят задачу добиться равенства наций и в то же

* Книга Притчей Соломоновых (16:18): «Погибели предшествует гордость, и падению надменность».

время борются за поддержание уровня жизни, с равенством этим несовместимого. Все мы кормимся грабежом азиатских «кули», а самые «просвещенные» из нас призывают освободить этих «кули», забывая, что поддержание уровня жизни и, следовательно, «просвещенности» требует, чтобы этот грабеж продолжался. Гуманитарий всегда лицемер. Понимание Кипплингом этого факта и является, возможно, главным секретом его способности создавать афоризмы. Трудно сокрушить однобокий пацифизм англичан в более сжатой форме, чем это сделал Кипплинг: «Смейтесь над мундирами, что берегут ваш сон». Да, Кипплинг не понимал экономического аспекта взаимоотношений интеллектуала и обывателя. Да, он не видел, что карта покрашена в английские цвета главным образом для того, чтобы эксплуатировать колонии. В Индии он замечал не индейца, а английского государственного служащего, но даже на этом уровне его деление общества на охранников и охраняемых не лишено здравого смысла. Он сознает, что цивилизованность одних неотъемлема от меньшей цивилизованности других, охраняющих и кормящих первых.

В какой же степени Кипплинг действительно приравнял себя к прославаемым в его книгах чиновникам, солдатам, строителям? Гораздо меньше, чем принято думать. Долгие скитания в молодости, мещанская обстановка в семье еще раньше, в пору отрочества, а также некоторая невзрачность привели к тому, что Кипплинг стал неизменно отдавать предпочтение человеку дела в ущерб человеку чувств.

Английская община в Индии прошлого века, даже если мы возьмем наиболее черствую часть кипплинговских кумиров, состояла в основном из людей действия. Не исключено, что действия пагубного. Но именно такие люди преобразили страну. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту Азии и сравнить железнодорожную сеть Индии с другими колониями. Англичане ничего бы не оставили после себя, более того, они бы и недели не продержались у власти, следуй они советам, скажем, Э. М. Форстера *. Да, Кипплинг нарисовал мишурную и поверхностную картину Британской Индии XIX века, но другой литературной картины у нас попросту нет. К тому же он один и мог ее создать. Привычный к тяготам грубой жизни, он умел молча слушать бесчисленные истории в клубных и полковых столовых, и все же, нельзя сказать, что сам он походил как две капли воды на восхищавших его людей. Мне известно из нескольких частных источников, что многие англичане, служившие в ту пору в Индии, недолюбливали Кипплинга и не одобряли его писаний. Они утверждали и, по-видимому, справедливо, что, с одной стороны, он ничего не знал об Индии, а с другой, был чересчур «высоколоб». В Индии Кипплинг водил дружбу «не с теми» людьми. Смуглость кожи заставляла подозревать в нем, причем без оснований, примесь азиатской крови. Многие в творчестве писателя объясняется тем, что он родился на Востоке и рано бросил школу. Другая среда сделала бы из него неплохого романиста или превосходного автора песен для мюзик-холла. Так неужели Кипплинг был всего лишь пошлым подпевалой, чем-то вроде рекламного агента Сесилия Родса? ** Увы, это так, а вот конформистом и приспособленцем его никак не назовешь. Если даже признать, что в раннем творчестве Кипплинга есть элементы заигрывания с общественным мнением, то в зрелые годы этого за ним не замечалось. Элиот пишет, что самое суровое обвинение, предъявленное Кипплингу,— это выражение «непо-

* Форстер, Эдвард Морган (1879—1970) — английский писатель, автор антиколониального романа «Поездка в Индию» (1924).

** Родс, Сесиль (1853—1902) — политический деятель, проводник британской колониальной экспансии.

пулярных взглядов в популярной форме». Это суживает проблему, заставляя читать слово «непопулярный» как «непопулярный у интеллигенции». Однако нельзя отрицать, что главный «посыл» кипплинговского творчества никогда не принимался широкой публикой. Основная масса людей у нас как в девяностые годы прошлого века, так и сейчас, была и остается настроена антимилитаристски. Простому англичанину чужды имперские притязания, и если он патриот, то исключительно на уровне подсознания. Официальные почитатели Кипплинга, тогдашние и сегодняшние, принадлежат к чиновничьему среднему классу, к читателям «Блэквуда». В начальные, безумные годы XX века шовинисты были счастливы отыскать наконец человека, достойного называться поэтом и согласного встать на их сторону. Они возвели Кипплинга на пьедестал и придали его наиболее сентенциозному стихотворению «Заповедь» статус почти библейский. Однако сомнительно, чтобы шовинисты внимательно прочли Кипплинга, и еще сомнительней, чтобы они читали Библию. Они вряд ли одобрили бы многое из сказанного им. Мало кто в Англии критиковал отечество столь же едко, как этот «бульварный» патриот. Нападки Кипплинга, как правило, обращены против английского рабочего класса, но бывают и исключения. Строка «болван с деревянной лопатой, фланелевый жлоб на воротах» бьет без промаха по сей день и направлена против матча по крикету между Итоном и Хэрроу * ничуть не меньше, чем против финалистов футбольного чемпионата. Некоторые стихи, написанные по поводу англо-бурской войны, по крайней мере в плане темы, звучат до сих пор поразительно современно. «Стелленбос», относящийся, кажется, к 1902 году, подводит итог высказываниям любого здравомыслящего офицера и в 1918-м, и, если хотите, в 1942 году.

Романтические идеи Кипплинга о Британии и Британской империи не были бы столь важны, если бы не его классовые предрассудки. Читая его лучшие, наиболее выразительные произведения, его проникнутые солдатским духом «Казарменные баллады», нетрудно заметить, что их портит (хотя бы отчасти) покровительственный тон. Кипплинг идеализирует армейского офицера и, почти до глупости, офицера младшего, а рядовым, милым и опоэтизированным, отводит роль клоунов. Говорят его солдаты на странной стилизации лондонского диалекта «кокни», не слишком выраженного, но с неизменным сохранением внешних атрибутов. Результат обычно столь же нелеп, как юмористический монолог в церковном собрании. Любопытно, как легко улучшить излишне крикливые и игривые строки Кипплинга, переводя их с «кокни» на нормальный английский язык. Это особенно справедливо для рефренов, обладающих нередко подлинным лиризмом. Приведу два характерных примера (в первом речь пойдет о похоронах, во втором — о свадьбе):

Выбей, брат, табак из трубки — и за мной!
Выпей брагу, брось кабака, иди за мной!
Друга с дробью барабанной
Проводи в приют последний, неземной!

А вот другое четверостишие:

Так выпьем за счастье сержанта,
Выпьем — и весь разговор!
Коней орудийных — в пролетку!
Со шлюхой венчается вор.

* Названия привилегированных частных школ.

Я восстановил в цитатах правильную орфографию. Если бы Киплинг сел и призадумался, он осознал бы, как замечательны заключительные строки первого рефрена, и победил бы в себе искушение высмеять неграмотную речь рабочего человека. В старинных балладах лорд и крестьянин говорят одним языком. Киплингу это кажется невозможным. Он смотрит на мир через искажающую призму классовых отношений, и поэзия справедливо мстит ему: лучшая из его строф искорежена неправильным написанием. Но даже там, где с музыкальной точки зрения разница незначительна, поверхностность этого сценического «кони» раздражает. К счастью, Киплинг чаще декламируют вслух, чем читают, и большинство вносит инстинктивно необходимые поправки.

Можно ли представить себе драгуна девяностых годов прошлого века или нынешнего пехотинца, читающего «Казарменные баллады» с тем чувством, что вот и для него наконец-то нашелся «свой» писатель? Вряд ли. Любый солдат, способный одолеть книгу стихов, заметит, что Киплинг не отдает себе отчета в классовой борьбе, идущей в армии, как и повсюду. Поэт не только рисует рядового в комическом свете, но считает его патриотом рыцарских времен, восхищенным своими офицерами, гордым званием солдата Ее Величества. Отчасти это так и есть, иначе как бы выигрывались сражения? Однако только среднее сословие задается вопросом: «Чем я служу Британии?» Каждый второй рабочий тут же спросит: «Что Британия сделала для меня?» Сознывая это, Киплинг сводит проблему к «интенсивному (цитирую) эгоизму низших классов». Когда же он пишет не об англичанах, а о «преданных» индейцах, то безобразно затягивает пассажи на тему: «Салям, сахиб!» (Мир тебе, господин!) При этом нельзя отрицать, что писатель искренне озабочен судьбой простого кавалериста. Рядовые интересуют его куда больше, чем так называемые «либералы». Жизнь в полках ужасна, жалование ничтожно, а те, чей покой они берегут, относятся к «томми» с лицемерным презрением. «Я постиг,— говорит Киплинг в посмертно изданных мемуарах,— открытые кошмары казарменной жизни, ненужные мучения, через которые проходит новобранцы». Киплинга обвиняют, и, видимо, не без оснований, в прославлении войны, но и войну он прославляет не так, как другие: не притворяется, что это футбольный матч. Как и большинство поэтов-баталистов, Киплинг не принял участия ни в одной битве, и тем не менее его военные сцены реалистичны. Он знает, что раны приносят страдания, что под пулями страшно любому, что простой солдат понятия не имеет о большой стратегии и озабочен только своим участком боя. Знает, что британские войска, как и войска всего мира, нередко отступают и бегут:

Как зазвенели тесаки, я тут же дёрну дал,
Бежал куда глаза глядят, искал себе нору.
«Кто там как резаный орет? — в испуге я гадал.—
Знакомый голос, черт возьми!» — и понял: сам ору.

Модернизируйте стиль, и строфу легко можно выдать за отрывок из любого разоблачительного, антивоенного сборника 20-х годов. Или вот другой пример:

Тут новый залп раздался, и я решил: конец!
Кому, скажи, охота лезть грудью на свинец?
Но дан приказ, и тяжко, как в кандалах рабы,
Должны мы, взвод за взводом, подставить пулям лбы.

А теперь сравните:

Кавалеристы, в бой!
Знает солдат любой,
Что захлебнется атака,
Но виду не подает *.

Киплинг, конечно, переживает по части ужасов, поскольку войны его юности вряд ли вообще можно назвать войнами в нашем понимании. Это легко объяснимо свойственной ему неврастением, жаждой жестокости. Одно, по крайней мере, он знает точно: солдаты, получившие приказ взять приступом неприступную цель, как правило, «подают вид». Знает он и то, что четыре пенса в день — не такой уж щедрый пансион.

Насколько же точны, насколько правдивы описанные Киплингом будни британской армии конца прошлого века, армии наемной с долгим сроком службы? Необходимо признать, что, как и в случае с бытом англо-индийских колоний, Киплинг оставил нам не только лучшее, но и единственное литературное свидетельство эпохи. Он привлек и сохранил для потомства колоссальный фактический материал, собирать который пришлось бы в противном случае кропотливой записью рассказов очевидцев или расшифровкой неудобоваримых историй каждого полка. Возможно, нарисованная им картина армейской жизни кажется еще полнее и точнее из-за того, что знания любого более или менее образованного англичанина без труда восполняют пробелы. Так или иначе, читая недавно статью о Киплинге, опубликованную Эдмундом Уильсоном, я был поражен, сколько до скуки самоочевидных для нас реалий составляют полную загадку для американца. Из ранних произведений Киплинга вырастает яркий и нельзя сказать, чтобы ложный образ старой, «допулетметной» армии: нестерпимая духота казарм в Гибралтаре или Лакнау, красные мундиры, начищенные белой глиной ремни, плоские шляпы, пиво, драки, телесные наказания, виселицы, распятия, трубы, зовущие к битве, запах овса и конской мочи, рычащие сержанты с усищами длиной чуть ли не в фут, кровавые перестрелки, бездарные приказы, переполненные трюмы транспортов, холерные лагеря, «наложницы-туземки» и, как итог, смерть в рабочем доме. Это грубое, вульгарное полотно, на котором патриотические рулады мюзик-холла смешиваются с кровавыми сценами в духе Золя. Но именно по этим сценам будущие поколения получают представление о долгосрочной, добровольческой армии тех дней. По ним узнают о Британской Индии без автомобилей и холодильников. Было бы ошибкой считать, что нам достались бы более правдивые и содержательные книги на эту тему, обладай Джордж Мур или Гиссинг, или Томас Гарди ** возможностями Киплинга. Таких случайностей не бывает. Невероятно, чтобы Англия XIX века создала роман наподобие «Войны и мира» Льва Толстого или его же зарисовок из военной жизни, таких, как «Севастопольские рассказы» или «Казачьи». И дело не столько в отсутствии таланта, сколько в отсутствии необходимого окружения у того, чьи чувства позволили бы написать такую книгу. Толстой жил в огромной военизированной империи, где любому дворянину казалось естественным провести несколько лет в армии, в то время, как Англия была и остается демилитаризованной в степи, непостижимой для жителя континента. Цивилизованные люди не жаждут удалиться от центров цивилизации, и у любого народа ощущается острая нехватка того, что называется колониальной ли-

* Строфа из стихотворения английского поэта Альфреда Теннисона (1809—1892) «Атака легкой кавалерии».

** Известные романисты, современники Киплинга.

тературой. Потребовалось немыслимое стечение обстоятельств, чтобы произвести на свет жизнерадостное полотно Кипплинга, на котором рядовой Ортерис и миссис Хоксби * позируют на фоне пальм под колокольный гул буддийского храма. И решающим обстоятельством явилось то, что сам Кипплинг был цивилизован только наполовину.

Кипплинг — единственный автор новейшего времени, чьи фразы стали крылатыми. Идиомы и неологизмы, которые мы перенимаем и которыми пользуемся, не всегда принадлежат нашим любимым авторам. Странно, к примеру, слышать, как нацистское радиовещание называет русских солдат роботами, бессознательно заимствуя слово у чешского демократа **, которого фашисты непременно убили бы, попадись он им в руки. Вот полдюжины фраз, посланных в оборот Кипплингом и впоследствии замусоленных передовицами бульварных газетенок и завсегдатаями пивных, которые едва ли слышали его имя. Легко заметить, что все они схожи между собой:

«Запад есть Запад, Восток есть Восток».

«Бремя белого человека».

«Ты знаешь только Англию — что знаешь ты о ней?»

«В любой породе женщина ужасней».

«Где-то там на восток от Суэца».

«Датская дань».

Есть еще много других, большая часть которых давно пережила породившие их события. Кажется, еще вчера мы говорили: «Глоткой Крюгера забить» ***. Возможно, именно Кипплинг стал первым именовать немцев «гансами», по крайней мере, он звал их так уже в четырнадцатом году, едва открыла огонь германская артиллерия. Все эти фразы объединяет то, что, начав повторять их полупрезрительно, вы неизбежно привыкаете и уже не можете обойтись без них (как это вышло со строкой: «Я буду майской королевой, ах, мама, майской королевой!»). Трудно относиться к Кипплингу с большим презрением, чем «Нью стейтсмен», не сколько раз после мюнхенского сговора повторял этот печатный орган слова о выплачивании «датской дани»! **** Дело в том, что Кипплинг, если оставить в стороне его умствования на уровне буйственной стойки и способность перенасыщать дешевыми красотами считанные слова («Пальма и сосна», «Ж восток от Суэца», «Дорога на Мандалай»), так вот дело в том, что Кипплинг всегда писал о вещах, представляющих самый злободневный интерес. Неважно, что в подобных дискуссиях думающие и порядочные люди неизменно оказывались с поэтом по разные стороны баррикад. «Бремя белого человека» мгновенно заостряет реальную проблему, даже если вы сторонник переосмысления ее в «бремя черного человека». Можно до мозга костей испытывать неприятие политического подхода, выраженного в «Островитянах», но нельзя сказать, что

* Герои ранних рассказов Кипплинга.

** Имеется в виду чешский писатель Карел Чапек.

*** Крюгер, Пауль (1825—1904) — президент Трансвааля в период войны против Англии.

**** На титульной странице своей новой книги Мидлтон Мерри цитирует широко известные строки:

Никакой канон не тесен для дикарских наших песен,

А сто первый или первый — думай сам!

И приписывает их Теккерее. Здесь, видимо, явный случай так называемой «фрейдистской ошибки». Цивилизованный человек предпочел бы не цитировать Кипплинга, то есть предпочел бы не испытывать чувства, что Кипплинг выразил его мысли. (Примеч. авт.)

подход этот несерьезен. Киплинг оперирует пошлостями и банальностями, но именно это и подводит нас к вопросу о его положении в литературе.

Т. С. Элиот определяет стихотворные работы Киплинга как версификацию, а не как поэзию, добавляя, что это «очень талантливая версификация», а самого автора называет «прекрасным версификатором», поскольку «о многих его стихах трудно сказать, поэзия это или версификация». Очевидно, имеется в виду, что Киплинг был версификатором, который иногда писал подлинную поэзию. В таком случае очень жаль, что критик не привел названий конкретных стихотворений. Беда в том, что, как только возникает необходимость вынести эстетическое суждение по поводу стихов Киплинга, Элиот переходит к обороне и теряет способность говорить просто. Чего не было сказано, а сказать, по моему мнению, необходимо в самом начале любой дискуссии о Киплинге, так это то, что большинство стихотворений Киплинга настолько безобразно вульгарны, что ощущение при их чтении сходно с ощущением зрителя на спектакле третьеразрядного кабаре, на какой-нибудь «Косичке Ву Фанг Фу», когда лиловый свет рампы льется на лицо актера. И однако есть в этих стихах нечто, что способно доставить удовольствие подлинному ценителю поэзии. В худших и наиболее живучих своих образцах, таких, как «Ганга Дин» или «Дэнни Дивер», Киплинг едва ли не становится для нас источником постыдной радости, совсем как вкус дешевых леденцов, который многие пытаются протащить контрабандой во взрослую жизнь. Но даже в своих очевидных удачах поэт как будто очаровывает нас чем-то поддельным, но ведь очаровывает! Если вы не сноб и не лжец, вы не можете утверждать, что человек, понимающий в поэзии, не получит никакого удовольствия от следующих строк:

Голос бронзы колокольной кличет в пальмах то и знай:
«Ждем британского солдата, ждем солдата в
Мандалай!» *

И все же, строки эти нельзя назвать поэзией в том же смысле, в каком можно назвать поэзией «Феликса Рэндела» или «Когда в сосульках сеновал» **. Чтобы уточнить место Киплинга в литературе, лучше перестать жонглировать словами «версификация — поэзия» и просто определить его как «хорошего плохого поэта». Он был поэтом в той же степени, в какой Гарриэт Бичер-Стоу была романисткой ***. И само существование литературы, которую поколение за поколением признает пошлой и при этом продолжает читать, многое говорит об окружающем нас мире.

На английском языке, скажем, после 1790 года, написано очень много хорошей плохой поэзии. Примерами могут служить (я намеренно выбираю разных авторов, разные жанры): «Мост вздохов», «Мой друг, когда наш мир так молод...», «Атака легкой кавалерии», «Диккенс в лагере» Брета Гарта ****, «Похороны сэра Джона Мура», «Меня поцеловала Дженни», «Киф из Рэйвелстона», «Касабьянка» *****. Стихи эти отдают сентиментальностью, и все же пусть не эти конкретные вещи, а вещи этого ти-

* Перевод И. Грингольца.

** Стихотворения Джерарда Хопкинса (1844—1889) и У. Шекспира.

*** Автор всемирно известного романа «Хижина дяди Тома» (1852).

**** Брет Гарта, Френсис (1839—1902) — американский писатель, известный как автор рассказов.

***** Стихотворения соответственно Т. Гуда, Ч. Кинсли, А. Теннисона, Ч. Вулфа, Ли Ханта, Э. Бишоп.

па, способны доставить подлинное удовольствие любителю, осознающему, в чем их просчет. Из хороших плохих стихотворений можно было бы составить внушительных размеров антологию, если бы не один немаловажный факт: такая поэзия слишком хорошо известна, чтобы ее перепечатывать. Не стоит приторваться, что в столетие, подобное нашему, хорошая поэзия может быть по-настоящему популярна. Она является и должна оставаться культом очень немногих людей как наименее терпимое из искусств. Это утверждение нуждается, по-видимому, в уточнении. Подлинная поэзия становится иногда доступной широким массам, если она выступает под чужим обликом. Примером тому может служить до сих пор существующая английская народная поэзия, некоторые детские песенки и считалки, самодеятельные солдатские песни, куплеты, сочиняемые на мелодии армейских сигналов. Однако в целом мы живем в такой цивилизации, где само слово «поэзия» вызывает враждебную усмешку или, в лучшем случае, гримасу ледяного отвращения, испытываемого многими людьми, скажем, при слове «бог». Если вы хорошо играете на гармонике, пойдите в ближайшую пивную, и через пять минут вам обеспечена благожелательная аудитория. Но каково будет отношение той же аудитории, если вы предложите ей, допустим, послушать сонеты Шекспира? Хорошая плохая поэзия, напротив, может проложить себе дорогу к совершенно безнадежной публике, если заранее создать правильную обстановку. Несколько месяцев назад Черчилль произвел великолепный эффект, процитировав в своей речи по радио отрывок из «Дерзновенья» Артура Клафа *. Я слушал трансляцию в толпе людей, которых никак не обвинишь в склонности к поэзии, и остался при убеждении, что подобное сбивание на стихи произвело должное впечатление и никого не смutilo. Но самому Черчиллю никогда не простили бы, продекламируй он что-нибудь качеством повыше.

В той мере, в какой вообще может быть популярен пишущий стихи, Киплинг был и остается очень популярным. Еще при жизни некоторые его баллады одолели замкнутый круг читающей публики, а затем и тесный мирок школьных конкурсов, бойскаутских концертов, тощих брошюр в мягких обложках, настенных изречений, календарей и уплыли в обширные залы мюзик-холлов. Тем не менее Элиот не считает зазорным выступать редактором книги Киплинга, признаваясь таким образом в том, что и сам придерживается вкусов, разделяемых многими людьми, не всегда достаточно честными, чтобы объявить об этом во всеуслышание. Факт существования хорошей плохой поэзии указывает на частичное совпадение эмоций интеллектуалов и неинтеллектуалов. Личность интеллектуала, безусловно, отличается от личности обычного человека, но только некоторыми сторонами, да и то не всегда. Каковы же характерные особенности хорошей плохой поэзии? Хорошее плохое стихотворение — изящный памятник очевидному. Оно запечатлевает в запоминающейся форме — стихосложение, кроме всего прочего, прекрасный мнемонический прием — некие чувства, доступные почти каждому человеческому существу. Достоинство стихотворения «Мой друг, когда наш мир так молод...», несмотря на всю его сентиментальность, заключается в подлинности лежащих в основе его чувств. Я имею в виду, что когда-нибудь вам непременно придет на ум выраженная здесь мысль. И тогда, если вы знаете стихотворение, оно вспомнится вам и покажется лучше, чем прежде. Такие стихи сродни зарифмованным пословицам, и не

* Второстепенный английский поэт первой половины XIX века.

секрет, что подлинно популярная поэзия, как правило, афористична и сентенциозна. Вот весьма убедительный пример из Киплинга:

Он вырвал узду из завистливых рук,
А шпоры оставил кустам придорожным.
«Вернись поскорей!» — прокатилось вокруг,
И губы припали к серебряным ножнам.
В эдемские рощи, в гееннскую тьму
Быстрее и легче попасть одному.

Энергично высказанная пошлость. Может быть, она и неправомерна, но все мы в конечном счете думаем именно так. Рано или поздно каждый из нас убеждается, что всюду «быстрее и легче попасть одному», а фраза-то давно готова и только ждет своего часа. Вероятность велика, что строка, однажды услышанная, запомнится навсегда.

Другую причину силы Киплинга как хорошего плохого поэта я уже упомянул — это чувство ответственности, позволившее ему достичь хотя и ложного, но всеобъемлющего охвата событий. Не имея непосредственного контакта ни с одной политической партией, Киплинг был консерватором в изжившем себя смысле слова. Те, кто называет себя сегодня консерваторами, на самом деле либералы, или фашисты, или подручные фашистов. Киплинг отождествлял себя с правящими кругами, а не с оппозицией. Нам странно, а то и отвратительно такое в одаренном писателе, однако именно это давало Киплингу преимущество соприкосновения с реальностью. Власти всегда поставлены перед необходимостью действовать в меняющихся обстоятельствах, тогда как оппозиция не обязана брать на себя ответственность и принимать настоящие решения. У постоянной, посаженной на зарплату оппозиции, как в случае с Англией, уровень мышления неуклонно снижается. Более того, каждый, кто начинает жизнь пессимистом и реакционером, видит подтверждение своим взглядам в самом ходе истории, поскольку Утопия несбыточна, а «боги Азбучных Истин» *, по собственному выражению поэта, имеют обыкновение возвращаться на сцену. Киплинг продался правящему классу Великобритании, если не финансово, то эмоционально. Это искривило его политические суждения, поскольку суть британского правящего класса совсем иная, чем представлялось писателю, и это привело его к безднем глупости и снобизма. Но даже из подобного положения он извлек определенные преимущества: Киплинг, по крайней мере, попытался представить себе, что такое действие и ответственность. Ему делало только честь, что он не был остроумцем, «дерзновенным героем» и не пытался *épater les bourgeois* **. Он обходился банальностями, и, поскольку мы живем в мире банальностей, многое из сказанного им осталось жить. Даже худшие из его глупостей кажутся менее поверхностными и раздражающими, чем «просвещенные» высказывания того же периода, вроде эпиграмм Оскара Уайльда или собрания наивно-напыщенных заклинаний на последних страницах «Человека и сверхчеловека» ***.

Перевод с английского
Романа Дубровкина

* Название стихотворения Киплинга.

** Эпатировать буржуа (фр.).

*** Социально-философская драма Бернарда Шоу (1903), в основу которой положен сюжет жития Иоанна Крестителя.

ДВА МЕСЯЦА

Июнь

Надежды нет. К земле прижаты крыши
Раздавленного небом городка,
И солнце тускло бьет сквозь облака
Весь долгий день, но и во тьме не тише
Тяжелый зной. Приходит ночь без сна,
Скребущим угрызениям подобна,
И светом водянистым хлещет злобно
По веткам сухоглазая луна.
Под толщей воздуха, под грузом душным
Бессильный гром пророкотал вдали,
Ответил эхом молниям тщедушным
И лег у трижды выжженной земли,
Где новый День, не зная перемирий,
Блеск возвращал палаческой секире.

СТАРИКИ

Мы лучших друзей пережили — такой уж нам выпал удел,
И лучшие годы, промчавшись, нам только прибавили дел,
И, пока есть дыханье в груди и головы вроде трезвы,
Мы считаем себя живыми, а приглядишься — мертвы.

Мы признать не желаем, что к звездам иным устремляются
первопроходцы
(Так весной зацветают кусты, но пусты потерявшие воду колодцы),
И нельзя новым людям без новых путей, новых карт, новых румбов и
лоций.

Мы веревками, прежде стеснявшими нас, нашим внукам опутаем руки,
Мы течение речное назад повернем, возвращая в былые излуки,
Мы коней запряжем (Бледной Смерти коней) и распашем пески по науке.

Мы, ослепшие, рухнем у пыльной тропы и лучам свои бельма откроем,
Мы к закату поднимемся и прохрипим: «Новый день воссияет героям!»
Мы дождемся победы и только тогда вступим в бой малочисленным
строем.

Размочалим, раздернем, растреплем, протрем, перешамкаем и
пересудим
Стародавнюю ветошь взаимных обид, ненавистную Богу и людям,—
Как стервятники над потрохами быка, подеремся, давясь словоблудьем.

Мы комических призраков славы былой из чуланов повиатаем разных,
Соскребая с нечищенных, тощих палитр сгустки красок, от времени
грязных,
И соседи всплакнут, оборвав наш рассказ о любовных и прочих соблазнах.
В нашей жизненной лампе фитиль догорел, а нам чудятся новые весны.

Не нахвалимся мы на работу свою — для домашних, для близких
несносны!
Улыбаемся, руки скрестив на груди, и слюнявим беззубые десны.

Мы немало друзей пережили: мы живем слишком долго, пойми!
Мы в тягость земле и небу, ненавидимые людьми!
Совет мой: «Сложи оружие!» Но правды не утаю:
Кто бросил строй раньше смерти, с рожденья не был в строю.

ЗАГАДКА РЕМЕСЕЛ

Новорожденного солнца блеск зажегся над райской глиной,
Под деревом праотец наш Адам чертил что-то палкой длинной,
И сердце возрадовалось его, рисунком простым согрето.
«Прекрасно,— в листе прошипел Сатана,— но разве искусство это?»

Тут Еву позвал первый в мире муж и заново дело начал,
Ни для кого человеческий суд так много потом не значил.
Он мудрость свою завещал сыновьям, но был Сатана неприкаян:
«Так это искусство?» — язвил он впотьмах, и слушал злокозненный Каин.

До неба построили башню они, ни в чем не встречая запрета.
«Неплохо,— ворчал на лесах Сатана,— но разве искусство это?»
Не скрипнет лебедка, не взвизгнет пила, не звякнет резец в Междуречье:
Здесь каждый отстаивать правоту на собственном стал наречье.

От Юга до Севера бились они, от Запада до Востока,
И вздыбились воды и грянул потоп, решив покарать их жестоко,
Земля отдыхала, но Голубь уже клевал парусину расцвета.
«Гуманно,— под килем бурлил Сатана,— но разве искусство это?»

Как Дерево Познания, рассказ этот стар и юн, как молочные зубы.
Слова божества мы слышим, едва пушком покрываются губы.
Но знает любой, что день голубой погаснет и в сумраке где-то
«Ты мастер,— шепнет старику Сатана,— но разве искусство это?»

Нам Дерево Познания легко обстругать под гвоздь деревянный для рясы,
В протухшем желтке для любого из нас прародич живет седовласый,
Мы знаем, виляет собакою хвост и тащит кобылу карета,—
«Умно! — как и прежде шипит Сатана,— но разве искусство это?»

В диванные лондонских клубов закат врывается золотом линий,
Сидят за столами Адама сыны и перьями водят по глине,
По глине табличек, по глине могил — струится чернилами Лета:
«Прелестно,— в листе шелестит Сатана,— но разве искусство это?»

Попасть бы нам в сад, где четыре реки, найти бы эдемское Дерево,
Поднять бы веночек с бархатистой травы, тобою оставленный, Ева!
Мы спящего стража смогли бы миновать, подкралась бы тихо к подножью
И то, что узнал прародитель Адам, узнали бы милостью Божью!

ВРЕМЕНИ ОЧИ БЕЗГНЕВНЫ...

Времени очи безгневны,
Поступь тверда:
Словно цветы, однодневны
Силы и Города *.
Гибнут Престола, но снова,
Травам под стать,
Город из праха земного
Жаждет восстать.

Разве рожденный сегодня
Знает нарцисс,
Как над землей прошлогодней

ЗОВ

Ваших отцов я взрастила:
Дом добродетельный мой
Был им надежной защитой,—
Дети, вернитесь домой!

Речка, как будто чужая,
В травах прильнет к вам, звеня,
Но сыновьями, как прежде,
Будете вы для меня.

Новых старинных деревьев
Чары соткутся вверху,

ТЕСАНЫЙ КАМЕНЬ **

Пожар в окне очерчен тьмой,
И камня тесаного грани
Багровы. Труд окончен мой.
Совет к молитве вечер ранний.

Смотритель Высший, узнаю
В своих удачах и победах
Я руку сильную Твою
И слабость собственную — в
бедах.

Молчит вселенная, скорбя,
Когда единый миг потерял
В моей работе для Тебя:
Твоею Правдой мир измерен!

Холод навис!
Нет, он от юной отваги
Только пьяней:
Вечностью мнятся бедняге
Семь летних дней.

Время сочувствует людям —
Дерзким сынам.
Жить неизменно мы будем —
Кажется нам.
И, не поддавшись смятенью,
Возле могилы самой
Хвалится тень перед тенью:
«Труд не изгладится мой!»

И к материнским коленям
Вы припадете во мху.

Ласковым дымом вечерним,
Влагой дождя и росы
Душу скитальцев излечат
Месяцы, дни и часы.

Тысячелетнюю правду
Дам вам постичь до конца,
Плачем глаза вам наполню,
Знанием наполню сердца.

Тропу, где я бреду без сил,
Ты для страстей хранил ревниво:
Не сам ли глину Ты месил?
Не сам ли подносил огниво?

Но чтобы труженик вовек
Мечту о рае не отбросил,
Он в Царстве Божьем — человек,
Он — бог и царь в раю ремесел.

Еще одна из-под резца
В подножье Храма ляжет глыба,—
За необычность образца,
За милость высшую — спасибо!

Владей рукой моей, владей!
И мы, работники, не будем
Нуждаться в помощи людей,
Посильно помогая людям.

* Ср. у Дж. Мильтона: «Нарек прославленные имена Престолов, Сил, Властей, Начал, Господств». («Потерянный Рай», гл. V, пер. А. Штейнберга.)

** Стихотворение построено на масонской символике. Тесаный, кубический камень — один из важнейших признаков посвященности.

пытались оправдывать Киплинга тем, что он самым искренним образом верит в просветительскую миссию англичан, которые насаждают в колониях разумный общественный порядок, изгоняя голод, болезни и предрастудки. Шаткость подобных аргументов побудила Т. С. Элиота высказаться в том духе, что у Киплинга надо ценить упругий ритм, точное слово и безупречно выдерживаемую интонацию, поскольку к смыслу своих строк всерьез не относился и он сам. Однако такие попытки оправдания ничуть не убеждали. Киплинга можно принимать или не принимать, но нельзя — как каждого настоящего поэта — заменять выдуманной фигурой филантропа ли, эстетствующего метра или любой другой.

Об этом в свое время со всей определенностью сказал Джордж Оруэлл. Он тоже, как почти все в его поколении, переболел Киплингом и, как большинство, изжил свое увлечение, соприкоснувшись с реальностью, конкретно — с буднями чиновника колониальной администрации в Бирме, где после колледжа прослужил несколько лет. Его статья о Киплинге написана пером зрелого литератора, определившего свою позицию «демократического социалиста», которой Оруэлл останется верен при всех последующих переменах общественных ветров. И как социалист он, разумеется, не может принять ни идеалов Киплинга, ни ценностей, которые тот защищал. Для Оруэлла Киплинг — литератор, с презрением отвергший все, что почитается цивилизованным взглядом на вещи, он доверяет лишь силе, воле собранности да умению терпеть в тяжких обстоятельствах бытия. Он откровенно груб, его нравственная бесчувственность способна вызвать отвращение. И тем не менее это поэт, который зачаровывает и покоряет. Пусть не так властно, как в дни юности Оруэлла, но все равно неодолимо.

Тайну этой магии Оруэлл не объяснил. Зато, по крайней мере, сформулировал ту главную проблему, которую многие из писавших о Киплинге старались обойти либо решали уж очень прямолинейно, утверждая, что киплинговский талант оказывался выше тенденциозных авторских намерений и идей. На самом же деле у Киплинга нет серьезного противоречия между замыслом и воплощением. Конечно, если бы ему и впрямь удалось подчинить свое дарование чисто пропагандистским задачам, о нем сегодня вряд ли вспомнили бы даже историки литературы. Когда рамки, им самим для себя поставленные, оказывались слишком тесны, Киплинг их ломал, быть может, сам того не замечая. Но при всем том он как поэт редкостно целен. Это один из секретов его немеркнущей притягательности вот уже для стольких читательских поколений.

Другой секрет, и вероятно, самый главный, — его «немыслимая простота». Дело не только в намеренном обилии прозаизмов, просторечия, сленга, не в одной лишь приземленности материала, которая казалась вызывающей первым читателям Киплинга. Скорее дело в принципах изображения мира и человека. Киплинг отверг дух интроспекции, господствовавший в тогдашней поэзии. На его место у него явилось почти плакатное изображение какого-то одного главенствующего переживания, одной всепоглощающей страсти. Его мало интересует индивидуальное. Он поэт родового, всеобщего, типичного до такой степени, когда вообще исчезают неповторимые, сугубо личные оттенки и остается лишь состояние как таковое: страх, восторг, бессилие, ожесточение, напряженность чувства, апатия, ярость.

Современникам это казалось архаикой, нам же видится предвосхищением будущего — экспериментов Брехта, поэтики Гумилева, не говоря о его многочисленных последователях в молодой советской поэзии 20-х годов. Наверняка Киплинг отрешивался бы от такого родства. Но

есть объективная логика развития художественных идей. Открытое Киплинг прочно вошло в поэтический арсенал, и сегодня это очевидно всем.

Особенности поэтического видения Киплинга определились рано, почти не меняясь с годами. Киплинг тяготеет к драматической ситуации, предпочитая ее чистому лиризму. Ему чужды психологические нюансы, он любит моменты кульминации, когда человек виден весь, до самого дна. Его привлекает крупный план, обобщенность, он не боится повествовательности и очень привержен конкретике. Слово Киплинга всегда заключает в себе такую точность, что даже оттенок приблизительности резал бы у него слух.

Во многом все это результат его жизненного опыта: детство в Бомбее, репортерская служба в газетах Лахора и Аллахабада, многочисленные поездки по Африке, где Киплинг был репортером, сопровождавшим британские экспедиционные войска, не прошли даром, определив и его взгляды, и его литературные пристрастия. Сколь бы очевидно консервативными ни были его представления, нельзя не признать, что Киплингу неизменно присущ особого рода демократизм. Он верит только тем, кто многое испытал на собственном опыте и навсегда вылезился от иллюзий, от самообманов. Его идеал — рядовой человек, взваливший на свои плечи бремя забот о благоденствии Британии, и этот взгляд из солдатской колонны, а не с командного пункта остается бесспорным творческим завоеванием Киплинга.

Его поэзия всегда пользовалась у нас популярностью, но знаем мы ее недостаточно: преимущественно индийские и морские баллады, а также стихи о войне. Меж тем поэтическое наследие Киплинга — огромный том, включающий стихотворения, которые могут показаться нетипичными для автора «Баллады о Востоке и Западе» или «Закона джунглей», хотя на самом деле составляют основной корпус всего написанного Киплингом-поэтом. В этой подборке перед нами непривычный для нас Киплинг. И она расширит наши представления о том, каким он в действительности был.

ПАРНАС, ПЕГАС И КОЕ-ЧТО ПРО НАС ...

ПАРОДИИ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Пахнуло чем-то непонятым
На вкус, на запах и на цвет.
Пахнуло чем-то необъятным:
И вышел на берег поэт.

Евгений Кулькин

В природе было перевозданно,
В дубраве соловей дерзал.
Природа пахла несказанно,
Благоухала, я б сказал.

Короче, запах был приятный,
Но наступил внезапно шок.
Возник какой-то непонятный,
Какой-то странный запахок.

Вообще-то неоткуда вроде,
И стадо вроде не прошло...
Но бедной матушке-природе
Понятно, что произошло.

И отчего не стало рая,
Померк как будто белый свет...
В кустах, природу обзирая,
Сидел задумчивый поэт!

НА РУСИ НЕЛАДНО

Я не знаю,
как в датском сейчас королевстве,
но в России,
по-моему, что-то неладно.

Не украли еще
ни листву, ни луну.
Вячеслав Казакевич

Я не Гамлет, конечно,
хоть, впрочем, как знать...
Мой масштаб
современник оценит едва ли.
Если быть откровенным,
нельзя не признать:
на Руси православной
всегда воровали.

Нам пример
с закордонных ли брать образин,
пусть себе богатеют,
жируют, пируют.
Ведь, как верно заметил
еще Карамзин:
«Чем живут на Руси?» —
«Натурально, воруют!»

Видно, в этом
особая наша стезя,
в самобытности
ценности наши пребудут.
Ничего, очевидно,
поделать нельзя:
на Руси воровать
обязательно будут!

КОЕ-ЧТО О РОЖАХ

*Мы оба учились по восемь,
и оба сидели по пять...*

*... мы слышим, по нашему парку
поют, заливаясь, «Битлы».*

*... так что же ты, как от свинчатки,
лицо свое набок ведешь?!*

М и х а и л П о п о в

С грехом пополам восьмилетку
закончив, мы с другом вдвоем
пошли выполнять пятилетку
своим вдохновенным трудом.

Мелькали застойные годы,
мы молоды были и злы.
На гребне изменчивой моды
проклятые были «Битлы».

А мы не приемлем модерна,
мы начали протестовать.
Но нас оценили неверно —
обоим вlepили по пять.

А время настало лихое,
расколота жизнь пополам...
И ныне услышишь такое,
что где там наивным «Битлам»!

Мгла липкая, вражья, густая
ползет с закордонной реки...
Сбиваться мы начали в стаи,
свинчатки зажав в кулаки.

На витязей стали похожи,
вгоняем противника в дрожь.
И набок сведенные рожи
на пушку теперь не возьмешь!

АЛЕКСАНДР МАТЮШКИН-ГЕРКЕ

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

*Две тени у самой опушки.
И вдруг нам покажется, словно
Кудрявая тень — это Пушкин,
А стройная — Анна Петровна.*

Е к а т е р и н а С е р о в а

Под вечер, в душевном смятении,
Стою, удивляясь и млея,
А мимо различные тени
Спешат по знакомой аллее.

Кто там у далекой опушки?
Сердечко забилось неровно:
Кудрявая тень — это Пушкин,
А стройная — Анна Петровна.
Поодаль шагают упрямо,
Внезапно возникнув из мрака,
Сутулая тень Мандельштама,
Угрюмая тень Пастернака...
И вдруг, как из жизни суровой,
Две тени явились мне снова:
Короткая — Кати Серовой,
И длинная — А. Иванова.

ОДНАЖДЫ

*Июльский полдень переполнен звоном.
Рабочий день безжалостно губя,
Я позвонил домой по телефону
И к аппарату попросил себя...*

А л е к с а н д р П о з д н я к о в

Однажды на работе, дурью маясь,
Диск телефонный пальцем теребя,
Набрал свой номер я и в шутку, каюсь,
Я к аппарату попросил... себя.
— Вас слушают,— в ответ раздался голос
И пауза напряженная легла.
На мне поднялся дыбом каждый волос,
И я невольно вскрикнул: «Ну, дела!»

Моя жена как раз осталась дома,
Сказавшись неожиданно больной;
Шальной вопрос застрял в гортани комом:
Так что ж она там делает... со мной?!
Сломав о кульман длинную рейсшину,
Я убежал с работы, весь дрожа,
Остановил попутную машину,
И мы помчались, шинами визжа.
Вот наконец и дом, так мне знакомый.
Я в дверь ломлюсь, отчаянно звеня...
Ну, если скажут, что у них все дома —
Не все, выходит, дома у меня!

ЭТАЖИ

А дворники скребут бульвар,
Ругаясь четырехэтажно.
Сергей Васильев

Как я грущу о той поре,
Когда я жил в старинном доме.
Как чисто было во дворе!
Как славно было в гастрономе!!!
Наш дворник помнил всех в лицо,
Он был достоин уваженья
И дни рождения жильцов

Знал как таблицу умноженья.
В своем дворе тогда с трудом
Я мог найти клочок бумажный —
Его увидев, управдом
Всегда ругался трехэтажно...
А ныне, вам признаюсь я,
Мне не узнать любимый дворик;
Не зря рыдала вся семья,
Когда исчез наш старый дворник.
Мы до сих пор грустим о нем,
Поверьте мне, не без причины;
И, вместе с хламом, с каждым днем
Растет этажность матерщины.

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ

О ПРАВИЛАХ ДВИЖЕНИЯ

Я убрала кирпич
с дороги у машины.
Увидела глаза
красивого мужчины.
Баранку он крутил,
прекрасно улыбнулся.
(Какой-нибудь кретин
спокойно б отвернулся.)
Римма Казакова

Погода — жуть и мрак.
Дорога — только прямо.
(На повороте знак,
там вырытая яма.)

По правой полосе
кататься так прекрасно!

Налево — знают все —
сворачивать опасно.

Гляжу — большой пиит
на лимузине мчит,
за ним другой гигант
(огромнейший талант!).

Вдруг вижу — что за бред! —
незнамо чем влекомый,
еще один поэт
ведет свой драндулет,
а номер — незнакомый.

Да это ж просто кич!
Куда он, глупый, метит?
Я убрала «кирпич»,
пускай налево едет.

мне слегка кивнул,
чашечно улыбнулся,
панк повернул
к яму навернулся.
И
и тем что было сил,
зумец, разогнался?

Какой-нибудь дебил
и то бы догадался.

Доездили, чудак...
И муторно, и скверно...
А впрочем, он и так
посредственный, наверно...

ИЛИ ТО, ИЛИ СЕ

День. Не полдень. И совсем не утро.
Но еще не вечер. Просто день.
И н н а К а ш е ж е в а

Не Большой театр. И не арена.
Но не танцплощадка. Просто зал.
Вышел в зал ведущий. Встал на
сцену.

Или не на сцену. Но сказал:
«Добрый вечер! Или с добрым
утром!

Точно я пока не знаю сам.
К нам пришла Кашежева. Как
будто.

Может, не Кашежева. Но к нам.
На трубе сыграет парафразу.
То бишь, будет фокусы казать.
Или петь. Не будет, но не сразу.
Если будет, то не танцевать».
И народ пошел. Но не из зала.
И не в зал. Народ пошел с ума.
Ибо я прочла, что написала.
На себя пародию. Сама.

ГРИГОРИЙ МЕДВЕДОВСКИЙ

И СНОМ И ДУХОМ

Мне приснился Андрей Вознесенский —
снятся ведь и Пушкин, и Гоголь...

Евгений Храмов

И по ночам
я в творчестве неистов —
о, как мне дали прошлого ясны!
Пускай потом
лихие пародисты
клюют за исторические сны.

Но вдруг такой наснит
гоголь-моголь,
что можно лишь руками развести:
намедни были Лермонтов и Гоголь,
а нынче вот Андрюша навестил.

Нет, не хочу я классиков обидеть,
но и во сне
к реальности клонюсь.
Уж лучше ныне здравствующих видеть:
глядишь —
и я кому-нибудь приснюсь...

АНДРЕЙ МУРАЙ

ЛЮТИКИ-ЦВЕТОЧКИ

Я носил на свидание ландыши
(За полтинник — большой букет).

Ю р и й П о л я к о в

В соответствии с личными планами
Я цветами ее покорял.
Поначалу пытался тюльпанами
(На базаре пятерку отдал).
После этого пышными астрами

(Тут и вовсе в червонец влетел
Но остались попытки напрасны
Не случилось того, что хотел.
Взял тогда я пяточек пионов
(Удалось сторговать по рублю),
Приосанился, отдал с поклоном
И вдобавок сказал, что люблю.
Но она (для меня дорогая)
Перестала встречаться со мной.
В потолок я смотрел не мигая —
Понапрасну пропал четвертной.

МУХОМОР

Так натопил я печь,
Что муха ожила.

А л е к с е й М а р к о в

Стихи решил я сжечь,
Коль не пошли дела.
Пылала жарко печь,

И муха ожила.
Зудела во весь дух,
Стучаться стала в стекла.
Стихи прочел я вслух —
Она опять подохла.

СВЕЖИЕ МЫСЛИ

Будто огромные белые бабочки —
Буквы на будочке: М и Ж.

В л а д и м и р Л а х н о

Возле укромной будочки ладненькой
Травка от ветра дрожит.
Прямо по лугу взъерошенный дяденька
К будочке быстро бежит.
Ну, поскорей! Не теряй ни минуточки!
Что же ты замер? Присел?
Пару шагов оставалось до будочки.
Не добежал. Не успел.
Так настагает судьба неминуемая,
Хоть суетимся, спешим...
Волей-неволей от частного случая
К мыслям приходишь большим.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ УШАН

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Злой бессонницей заморен
Бьюсь над рифмой к слову «море»,

Три часа над рифмой к «морю»
И ни с места — просто срам:
«Воля» — больно слабовата,
«Боря» — сильно бородата,

«Горе» — скажут графоман.
То ли дело слово «речка» —
Для поэтов просто рай:
Печка, гречка, у крылечка —
То, что любишь, выбирай.
Речка лучше, я не спорю,

Но нужна мне рифма к морю,
Где ты, где ты рифма «к морю»?
И опять я как шаман:
— Сноре... шморе... фокушоре —
Все, сдаюсь, придется море
Переделать в океан.

* * *

Жил-был дом. Этот дом был ужасный чудак —
По ночам, когда спали жильцы,
Танцевал он гопак так, что трясся чердак
И слетали с кроватей жильцы.
Говорили ему: — Танцевал бы ты днем,
Раз без танцев не можешь никак.—
Отвечал он на то:
— Днем пишу я сонеты,
А ночами пляшу я гопак.

НИКОЛАЙ КАРПОВ

* * *

Ему я махнул рукой,—
Попрощался весьма прилично.
Он — поэт никакой,
Но человек симпатичный.

Его привечая в толпе,
Я не кривил душою:
Таких большинство в СП,
Причем большинство большое...

ЖЕНЩИНА-КОМБАЙН

Собой довольные вполне,
Вдали от кайфа и дизайна,
Мы празднуем в своей стране
Рождение женщины-комбайна.

Ее родил весь наш уклад,
А не гнилая заграница.
Она все делает подряд,
Что даме западной не снится.

Она не знает выходных
Ни в воскресенье, ни в субботу.

И, кроме многих дел своих,
Еще и ходит на работу!

Она и варит, и печет,
Она не ведает инфаркта.
За то и славу и почет
Мы дарим ей Восьмого марта!

Без выпендрежа и затей
Она все сможет, что захочет:
Она и пестует детей,
И мужа из пивной волóчит!

ПОБЕДИЛА ДРУЖБА

«Ты мне друг?..»
(пироль алкоголиков)

Издали памятный указ,
Исчезла из продажи водка,
Чтоб пьяных не было у нас,
Чтоб пересохла наша глотка.

Но, чтобы жажду утолить,
Мы обойти указ сумели:
Все, что попало, стали пить,
И зелье гнать из карамели.

Указ тот отменили вдруг —
Власть под напором уступила.
И снова слышно: «Ты мне друг?..»
Вот видишь: дружба победила!

* * *

Жил народ, кончины ждя
Одиозного вождя:

— Вот помрет, тогда узнаем,
Кем он был, руководя!

С НАТУРЫ

По вкоренившейся привычке
Нуждой измученный народ,

В тревоге закупает спички:
А вдруг на спички недород?!

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я и славу познал, и уют,
Хоть не рвался за ними нахально.

Жизнь прекрасна, когда издают,
А когда перестанут — печальна...

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

В моем предместье некрасивом,
Где вечно дымный небосклон,

Отцы с детьми идут за пивом,
Чтоб не прервалась связь времен!

ЕФИМ САМОВАРЩИКОВ

О ВЛАСТИ

Кумиров создаем и низвергаем,
А все на месте продолжаем бег.
Один сказал: «Мы долго запрягаем...»
Другой подумал: «Главное, не тех...»

РАЗНОМЫСЛИЕ

Когда в могилу опускали тело,
Был предоставлен высказаться шанс...
Один сказал: «Нужда его заела...»
Другой подумал: «В пятницу — аванс».

ОСМЫСЛЕНИЕ

Сидел народ на лекции ликбезной
О нашей обстановке непростой.
Один сказал: «Мы все стоим над бездной».
Другой подумал: «Может быть, застой?»

МЕМОУАРЫ

Он был страшней библейского Пилата:
Кровавых дел и мерзостей не счесть.
Один сказал: «Зато ума палата...»
Другой подумал: «Жаль, что номер шесть».

* * *

Садясь за свой привычный труд,
Об стол в отчаянье не бейся:

Есть что сказать — слова придут,
А нет — не жди и не надейся!

СКРОМНЫЙ

Он от скромности устал —
И присел на пьедестал.

ВЕЩИЙ СОН ЕФИМА САМОВАРЩИКОВА

Друзья! Мне снился вещий сон:
Простясь с поэзией как с дыбой,
В иное тело воплощен
Я стал аквариумной рыбой.

Но вскоре выплыл крупный сом,
Вращая страшными усами.

Мне было явственно дано
Подводных скал увидеть груды.
И я в раздумьях лег на дно,
Чтоб уберечься от простуды.

Он мне сказал: — Твои труды
У нас прославиться могли бы:
За то, что много лил воды,
Произведен ты нынче в рыбы!

Я позабыл про дождь и гром,
Утратив связи с полюсами.

Проснувшись, я пошел в подвал,
Стараясь уберечь природу,
И каждый день не уставал
Перекрывать соседям воду!

НОМЕНКЛАТУРЩИК ПОМЕР

По чину классика
Его похоронили,

А вот не скажешь,
Что «талант зарыли»!

АКАФИСТ

Читатель пропел новой книжке поэта:
До-о-о-лгая Лета!

ДОКАТИЛИСЬ!

Давно прошла пора,
Когда был богом Ра.

Сейчас мы в той поре,
Когда стал богом «рэ».

ЗАСТОЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Когда ж исчезнут пьяницы и воры
И будет жизнь твереза и честна? — Давно б имели мы золотые горы,
Когда б не реки, полные вина!

* * *

Решив, что я собрался помирать,
Поскольку стар, как стоптанный ботинок,
В Москву слетелась родственников рать,
Бесспорно в ожидании поминок.

Мне ж было жалко тратить на стол,
И я решился на финальный номер:
Покорно принял не один укол,
В больнице повалялся и... не помер!

Поэзия: Альманах. Вып. 56.— М.: Мол. гвардия,
П 67 1990.— 238 [2] с. ил.

В номере широко представлены участники IX Всесоюзного совещания молодых писателей. В разделе «Всегда в пути» публикуются стихи Л. Смирнова, В. Гордейчева, Г. Горбовского, В. Казанцева, А. Шуплова, Е. Витковского и других. В рубрике «Наши публикации» представлены неопубликованные материалы Н. Буровой, А. Солодовникова. С творчеством о Сергия (С. Н. Булгакова) читатель познакомится в разделе «Философские беседы». Рубрика «Мастерская» знакомит с работами И. Бродского, Ю. Кублановского, А. Межирова, В. Казанцева. Любители зарубежной поэзии найдут в номере произведения А. Шенья, Дж. Оруэлла, Р. Киплинга. 45-летию Победы посвящена подборка стихов участников Великой Отечественной войны. В разделе «Парнас, Пегас и кое-что про нас» публикуются иронические стихи, пародии, эпиграммы.

П 470100000—225 187—90
078(02)—90

ББК 84(0)6

ИБ № 6400

ПОЭЗИЯ Вып. 56

Зав. редакцией Г. ЗАЙЦЕВ

Редакторы Н. СТАРШИНОВ, Ген. КРАСНИКОВ

Художник П. МЕРКУЛОВ

Художественный редактор Т. ПОГУДИНА

Технический редактор В. ПИЛКОВА

Корректоры Е. САМОЛЕТОВА, Н. ОВСЯНИКОВА, И. ЛАРИНА, В. НАЗАРОВА

Сдано в набор 26.01.90. Подписано в печать 20.07.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15. Усл. кр.-отт. 30,5. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 50 к. Заказ 1026.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: ИПО 103030, Москва, Сушевская, 21.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отзывы об альманахе присылайте по адресу: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.
ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», альманах «Поэзия».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Поэзия. О. Дмитриев, Н. Матвеева, Л. Лавлинский, И. Фоян-ков, В. Резник, Н. Рябинина и др.

Публикации. Л. Мартынов, Б. Слуцкий, Б. Поплавский, О. Мандельштам, Х. Бояджиева (воспоминания об Осипе Мандельштаме), В. Брюсов.

Мастерская. Рок-поэзия. Г. Агафонов, А. Башлачев, С. Данилов, Г. Барихновский, А. Романов, П. Мамонов, С. Рыженко, С. Селюнин, Т. Соколова, В. Степанцов, Умка.
Эссе И. Шкляревского, А. Боброва.

Статьи. В. Зверев. «Пишу не для мгновенной славы...» (о жизни и творчестве Алексея Васильевича Кольцова).

Наша антология. В. К. Былинин. Русская духовная лирика (очерки истории с приложением оригинальных текстов. Похвала блаженной княгине Ольге, Кирилл Туровский, службы святому равноапостольному князю Владимиру..., митрополит Иоанн, стихира преподобному Феодосию Печерскому).

Зарубежная поэзия. Хорхе Луис Борхес, Андре Бретон, Хулио Кортасар, Ана Бландиана.

Юмор. Ироническая поэзия, пародии, эпиграммы.